

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

VESTNIK.MGGEU.RU

ISSN 2412-8139

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ЧЕЛОВЕК ОБЩЕСТВО ИНКЛЮЗИЯ

№ 1 (41) 2020

SCIENTIFIC PEER REVIEWED JOURNAL

HUMAN. SOCIETY. INCLUSION

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**

Московский государственный
гуманитарно-экономический университет

Научный журнал

•————•
Издается с 2009 года

**Человек. Общество.
Инклюзия**

**№ 1(41)
2020**

Человек. Общество. Инклюзия

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

доктор социологических наук, профессор,
ректор Московского государственного гуманитарно-экономического университета

Международный редакционный совет:

Ариф Асалы оглу	Стамбул, Турция	генеральный директор Международного института развития научного сотрудничества
Бучко Ладислав	Братислава, Словацкая Республика	заведующий кафедрой в Университете медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Волков Ю.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-российского филиала Института социологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Володарская Е.А.	Москва, Россия	доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра науковедения Института истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова, член редакционного совета журналов «Вестник Российской академии наук», «Человеческий капитал», «Ученые записки Российского государственного социального университета»
Горшков М.К.	Москва, Россия	доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии РАН, действительный член Российской академии наук, академик Академии политической науки, вице-президент Российского общества социологов при РАН
Грызунова Н.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Кандыбович С.Л.	Москва, Россия	доктор психологических наук, профессор, председатель Федеральной национально-культурной автономии белорусов России, член-корреспондент Российской Академии Образования, заслуженный деятель науки РФ, член редколлегии журнала «Человеческий капитал»
Коч К.	Мугла, Турция	доктор филологических наук, доцент факультета литературы Университета Мугла Сыткы Кочмана
Кубякин Е.О.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, доцент, начальник кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редакционных коллегий научных журналов: «Общество и право», «Вестник Краснодарского университета МВД Российской Федерации», «Общество и право»
Магомедов К.О.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор, руководитель социологической лаборатории РАНХиГС при Президенте РФ, член редколлегии научных журналов «Социально-гуманитарные технологии», «Среднерусский вестник общественных наук»

Матулик Йозеф	Братислава, Словацкая Республика	профессор Университета медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Маршак А.Л.	Москва, Россия	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, первый вице-президент Фонда социальной защиты от последствий ядерных и природно-техногенных катастроф (Фонд «Спасение»), академик Академии социальных наук, Академии политической науки, действительный член Российской академии предпринимательства, почетный работник высшего профессионального образования, заместитель главного редактора научно-политического журнала «Власть», член редколлегии журналов «Социологическое образование», «Общество и право», «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»
Миронов А.В.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор научного журнала «Социально-гуманитарные знания», член редакционной коллегии научного журнала «ПОИСК»
Мурадов А.Д.	Баку, Азербайджан	доктор экономических наук, ректор Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC)
Ницевич В.Ф.	Москва, Россия	доктор политических наук, профессор, и.о. ректора ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»
Плотников В.В.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редколлегии научного журнала «Общество и право»
Смолин О.Н.	Москва, Россия	доктор философских наук, член-корреспондент РАО, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета по образованию и науке, первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ, академик РАО, президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник», председатель Общероссийского общественного движения «Образование — для всех»

Человек. Общество. Инклюзия

№ 1(41) 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Заместитель главного редактора	доктор педагогических наук, профессор	Е.Н. Пузанкова
Адаптивная физическая культура 13.00.04	кандидат социологических наук, доцент	Е.В. Морозова
Математика 01.01.00	доктор физико-математических наук, профессор	В.А. Кадымов
Политология 23.00.00	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
	доктор политических наук, доцент	О.А. Судоргин
Педагогические науки 13.00.00	доктор педагогических наук, профессор	Е.Н. Пузанкова
	кандидат педагогических наук, доцент	И.Л. Руденко
Психологические науки 19.00.00	доктор психологических наук, профессор	С.Н. Толстикова
	кандидат психологических наук, доцент	Л.Ю. Беленкова
Социологические науки 22.00.00	доктор социологических наук, профессор	Э.К. Наберушкина
Филологические науки 10.00.00	доктор филологических наук, доцент	Л.Г. Тюрина
	доктор филологических наук, профессор	Б.А. Ланин
	кандидат филологических наук, доцент	В.С. Джабраилова
Философские науки 09.00.00	доктор философских наук, профессор	А.В. Герасимов
	кандидат философских наук, доцент	Е.А. Воронцов
Экономические науки 08.00.00	доктор экономических наук, профессор	Ю.Н. Нестеренко
	кандидат экономических наук, доцент	И.Л. Литвиненко
Юридические науки 12.00.00	доктор юридических наук, профессор	В.А. Никифоров
	доктор юридических наук, профессор	А.Н. Никитин
	кандидат юридических наук, доцент	Г.В. Мартянова

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49
Редакция журнала «Человек. Общество. Инклюзия»
Телефоны: (499) 160-92-00, доб. 1091
Факс: (499) 160-22-05
E-mail: bobko@mggeu.ru

Номер свидетельства о регистрации средства
массовой информации
ПИ №ФС 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139
Интернет: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>

Human. Society. Inclusion

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

Doctor of Sociology, Professor,
Rector of the Moscow State University of Humanities and Economics

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Arif Asaly oğlu Istanbul, Turkey — Ph.D in history, International Institute of Scientific Cooperation Development

Buchko Ladislav Bratislava, Slovak Republic — Ph.D in Sociology, Head of the Department of St. Elizabeth University of Health and Social Sciences

Volkov Y.G. Rostov-on-Don, Russia — Ph.D in Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the Southern-Russian Branch of the Sociology Institute (RAS), Honored Scientist of the Russian Federation

Volodarskaya E.A. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, The Institute of history of science and technology S.I. Vavilov of the Russian Academy of Science

Gorshkov M.K. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Sociology of the RAS, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Political Sciences, Vice President of the Russian Sociological Society at the Russian Academy of Sciences

Gryzunova N.V. Moscow, Russia — Doctor of Economics, Professor of the Department “Financial Management” in Plekhanov Russian Economic University

Kandybovich S.L. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of the Editorial Board of the Journal “Human Capital”

Koç K. Muğla, Turkey — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of Muğla Sıtkı Koçman Üniversitesi

Kubyakin E.O. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief of Department of Philosophy and Sociology of Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs

Magomedov K.O. Moscow, Russia — Doctor of Social Sciences, Professor of Department of Personnel Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Head of the Sociological Group

Matulnik Josef Bratislava, Slovak Republic — Professor of St. Elizabeth University of Medicine and Social Sciences

Marshak A.L. Moscow, Russia — Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Research Associate, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Academician of Academy of Social Sciences, Academy of Political Sciences, Deputy Chief Editor of the National Scientific and Political Journal “Vlast’ (The Authority)”

Mironov A.V. Moscow, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow State Pedagogical University, Editor-in-Chief of Scientific Journal “Social and Humanities Knowledge”, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “POISK”

Muradov A.D. Baku, Azerbaijan — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Azerbaijan State University of Economics (UNEC)

Narykov N.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Philosophy, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Nitsevich V.F. Moscow, Russia — Ph.D in Political Science, Professor, Acting Rector of FSBEI «Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI)»

Plotnikov V.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Assistant Professor, Lecturer of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Smolin O.N. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-Chairman of the Education Committee, Academician RAO, President of The Association for the Publishers and Users of the Educational Literature “The Russian Textbook”, Chairman of the all-Russian public movement «Education — for all»

Human. Society. Inclusion

Issue 1(41) 2020

EDITORIAL BOARD

Bayramov V.D. Editor-in-Chief, Doctor of Sociology, Professor
Puzankova E.N. Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Pedagogics, Professor

Scientific Research Areas:

13.00.04 Adaptive Physical Education	Morozova E.V.	Candidate of Sociology, Associate Professor
01.01.00 Mathematics	Kadymov V.A.	Doctor of Physical and Mathematics Science, Professor
23.00.00 Political Science	Bayramov V.D. Sudorgin O.A.	Doctor of Sociology, Professor Doctor of Political, Associate Professor
13.00.00 Pedagogy	Puzankova E.N. Rudenko I.L.	Doctor of Pedagogics, Professor Candidate of Pedagogics, Associate Professor
19.00.00 Psychology	Tolstikova S.N. Belenkova L.Y.	Doctor of Psychology, Professor Candidate of Psychology, Associate Professor
22.00.00 Sociology	Naberushkina E.K.	Doctor of Sociology, Associate Professor
10.00.00 Philology	Tyurina L.G. Lanin B.A. Dzhabrailova V.S.	Doctor of Philology, Associate Professor Doctor of Philology, Professor Candidate of Philology, Associate Professor
09.00.00 Philosophy	Gerasimov A.V. Vorontsov E.A.	Doctor of Philosophy, Professor Candidate of Philosophy, Associate Professor
08.00.00 Economics	Nesterenko Y.N. Litvinenko I.L.	Doctor of Economics, Professor Candidate of Economics, Associate Professor
12.00.00 Legal Science	Nikiforov V.A. Nikitin A.N. Martyanova G.V.	Doctor of Legal Science, Professor Doctor of Legal Science, Professor Candidate of Legal Science, Associate Professor

Editors Address:

49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Tel.: (499) 160-92-00 * 1091

Registered by the Ministry of press, tele- and radiocasting and mass media

Mass media registration certificate

PE № FS 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Internet: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>; e-mail: bobko@mggeu.ru

Содержание

ИЗ МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИНВАЛИД В ОБЩЕСТВЕ XXI ВЕКА» (21–22 НОЯБРЯ 2019 Г.)

Ю.Н. Нестеренко

Занятость и условия труда инвалидов как индикатор качества публичной нефинансовой отчетности	12
---	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.В. Рожкова, А.Ш. Дубина

Образовательный потенциал современной молодежи мегаполисов России	18
--	----

М.В. Курникова

Занятия физической культурой ребенка-инвалида как способ социальной капитализации его семьи	27
--	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

В.А. Лапатын

Наблюдения «кинозрителя» (к вопросу об антропологическом максимуме)	40
--	----

Е.А. Воронцов

Философия и не-философия: проблема демаркации	50
---	----

И.Ю. Александров

Научная методология В.И. Вернадского и философия А. Бергсона	62
--	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Э.Р. Хасанов

Конституционно-правовые гарантии избирательных прав инвалидов и проблемы их реализации в Российской Федерации	69
--	----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е.В. Трубочеев, Д.В. Тимохин

Экономическое моделирование в контексте геоэкономической нестабильности: условия использования модели «экономического креста»	74
---	----

АДАПТИВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Ю.Д. Овчинников, К.С. Пигида

Установление степени воздействия занятий плаванием на двигательные функции больных ДЦП	82
---	----

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

А.И. Бембена

Социальная адаптация сотрудников органов внутренних дел: социологический анализ	91
--	----

А.Н. Довнар

Деятельность детских домов и интернатов как институтов первичной социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: проблемы и пути их решения	97
---	----

К сведению авторов	108
--------------------------	-----

Contents

FROM THE MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «DISABLED PEOPLE IN THE SOCIETY OF THE XXI CENTURY» (NOVEMBER 21-22, 2019)

Nesterenko J.N.

Employment and working conditions of the disabled as the quality indicator of public non-financial reporting	12
---	----

SOCIAL SCIENCE

Rozhkov A.L.V., Dubina A.S.

Educational potential of modern youth in russian megacities	18
---	----

Kurnikova M.V.

Physical education of a disabled child as a method of social capitalization of his family	27
--	----

PHILOSOPHY

Lapatin V.A.

Observations of the “cinema viewer” (to the question of the anthropological maximum)	40
---	----

Vorontsov E.A.

Philosophy and non-philosophy: the problem of demarcation	50
---	----

Aleksandrov I.Y.

Scientific methodology of V.I. Vernadsky and philosophy of A. Bergson	62
---	----

LEGAL SCIENCE

Khasanov E.R.

Constitutional and legal guarantees of voting rights of persons with disabilities and problems of their implementation in the Russian Federation	69
---	----

ECONOMICS

Trubacheev E.V., Timokhin D.V.

Economic modelling in conditions of instability of the global economy terms of use of the «economic cross» model»	74
--	----

ADAPTIVE PHYSICAL EDUCATION

Ovchinnikov Y.D., Pigida K.S.

Determining the degree of influence of swimming on the motor functions of patients with cerebral palsy	82
---	----

STUDIES OF YOUNG SCIENTISTS

Bembena A.I.

Social adaptation of internal affairs: sociological analysis	91
--	----

Dovnar A.N.

The functioning of orphanages and boarding schools as institutions
for the primary socialization of orphans and children deprived of parental care:
problems and solutions 97

For the Attention of Authors 108

ИЗ МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИНВАЛИД В ОБЩЕСТВЕ XXI ВЕКА» (21–22 НОЯБРЯ 2019 Г.)

Ю.Н. Нестеренко

ЗАНЯТОСТЬ И УСЛОВИЯ ТРУДА ИНВАЛИДОВ КАК ИНДИКАТОР КАЧЕСТВА ПУБЛИЧНОЙ НЕФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

EMPLOYMENT AND WORKING CONDITIONS OF THE DISABLED AS THE QUALITY INDICATOR OF PUBLIC NON-FINANCIAL REPORTING

НЕСТЕРЕНКО Юлия Николаевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, бухгалтерского учета и налогообложения МГГЭУ (e-mail: julia-nesterenko@mail.ru)

NESTERENKO Julia Nikolaevna — Doctor of Economics, Professor, Head of Finance, Accounting and Tax Assessment Department, MGGEU (e-mail: julia-nesterenko@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается влияние качества публичных нефинансовых отчетов на эффективность государственной политики в отношении трудоустройства инвалидов.

Предложено расширить перечень ключевых показателей отчетности за счет индикатора «Занятость и условия труда инвалидов». Это позволит повысить ответственность бизнеса за обеспечение занятости инвалидов, окажет положительное влияние на репутацию бизнеса как социального партнера государства и усилит контроль за эффективностью проводимой в стране политики «Доступная среда».

Ключевые слова: занятость инвалидов, трудоустройство инвалидов, доступная среда, публичная нефинансовая отчетность.

Abstract. The article examines the impact of public non-financial reports on the effectiveness of state policy regarding the employment of people with disabilities.

It is proposed to increase the list of key result indicators through the factor «Employment and working conditions of disabled people». This will increase business responsibility for providing employment for disabled, will have a positive impact on the business reputation as a social partner of the State and will strengthen the control over the effectiveness of «ability to access» policy making in the Russian Federation.

Keywords: activity of disabled, disabled employment, ability to access, public non-financial reporting

После ратификации в 2012 году Конвенции ООН о правах инвалидов, Российская Федерация взяла на себя обязательства по созданию условий для реализации инвалидами своих гражданских прав и обеспечению их социальной защиты. Это предусматривает устранение любой дискриминации по отношению к людям с нарушением здоровья, уважение инвалидов как личностей, полноцен-

ное их вовлечение в общественную жизнь, предоставление им свободы выбора и возможности приобретения материальной независимости.

Важнейшим направлением социальной политики государства является реализация прав инвалидов на труд и обеспечение их занятости, что закреплено в ряде принятых в стране нормативных актов.

Кроме Конституции Российской Федерации, Трудового кодекса РФ, Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», вопросы трудоустройства инвалидов отражены в государственной программе «Доступная среда», Типовой программе сопровождения инвалидов молодого возраста при получении ими профессионального образования и содействия в последующем трудоустройстве, Методических рекомендациях по разработке органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации мер, направленных на создание условий для обеспечения занятости инвалидов, в том числе на оборудованных (оснащенных) для них рабочих местах, и повышение эффективности реализации мероприятий по содействию трудоустройству инвалидов и пр.

Законодательство как на федеральном, так и региональном уровне предусматривает непосредственную государственную помощь инвалидам через квотирование рабочих мест, создание адаптированных условий труда, стимулирование предпринимательской активности и самозанятости, тьюторское сопровождение в процессе реабилитации на рабочем месте, организационное, психологическое и информационное консультирование, получение профессионального образования и приобретение необходимых навыков, переподготовку и обучение новым профессиям, а также опосредованную поддержку организаций-работодателей за счет налоговых льгот, предоставления государственных заказов и выделения бюджетных субсидий.

Утвержденный на государственном уровне комплекс практических мер по поддержке инвалидов, жесткий административный контроль их выполнения, масштабное финансовое обеспечение процесса (например, в рамках государственной программы «Доступная среда» общий объем бюджетных ассигнований на поддержку инвалидов превысит 700 млрд руб.) дает свои положительные результаты. Они выражаются как в снижении общей численности инвалидов в стране (на 1 января 2020 в России показатель составлял 11 875 тыс. человек), так и в уменьшении числа инвалидов на 1000 человек населения (в стране эта величина находится на уровне 80,9%) [7].

Вместе с тем по данным Федеральной службы государственной статистики за последние годы наблюдается отрицательная динамика числа трудоустроенных инвалидов, зарегистрированных в системе Пенсионного фонда РФ. Если в 2016 году работающих инвалидов было 2543 тыс. человек, что составляло 20,5% от общей численности инвалидов, то к началу 2020 года показатели снизились до 1571 тыс. человек и 14,0% соответственно [7].

При этом Росстат за последние годы зарегистрировал рост доли занятых в общей численности лиц трудоспособного возраста, имеющих инвалидность, которая к началу 2020 года составила 19,5% [7].

По информации Министерства труда и социального развития более 28% инвалидов трудоспособного возраста имеют постоянную работу [12]. Федеральный реестр инвалидов фиксирует на 01.06.2020 года занятость среди инвалидов на уровне 26,27% [6].

Такое расхождение в показателях свидетельствует о том, что люди либо работают неполный день, либо трудоустроены частично, либо осуществляют дея-

тельность в теневом секторе, что не находит отражение в официальных статистических документах.

В любом случае уровень занятости инвалидов в Российской Федерации — это серьезная экономическая и социальная проблема, состояние которой определяется рядом факторов. Во-первых, он отражает низкую эффективность принятых в отношении этой уязвимой группы населения решений. Право инвалидов на труд реализуется не в полном объеме. Во-вторых, показатели не соответствуют принятым западным стандартам. Например, в США имеют работу 30%, в Великобритании — 40%, в Китае — 80% инвалидов [9]. В-третьих, фактические данные свидетельствуют о сложностях в достижении запланированной государством доли занятых в общей численности инвалидов трудоспособного возраста в Российской Федерации (51,7% к 2025 году) [2]. Очевидно, что новые риски, в которых оказались экономика и общество в целом в связи с эпидемией коронавируса, еще более усугубят ситуацию. Четвертым фактором, с нашей точки зрения, служит недостоверность информации о численности работающих инвалидов и условиях их труда, поступающей в органы государственной статистики и исходящей от официальных лиц.

В целях решения проблемы занятости инвалидов, обеспечения выполнения поставленных перед обществом и бизнесом задач по трудоустройству лиц с нарушениями здоровья широко обсуждается вопрос о переходе от прямой государственной помощи собственно инвалидам и организациям, на которых они работают, к косвенным мерам, а также переориентации механизмов вовлечения инвалидов в трудовые отношения на использование инклюзивных принципов взамен более распространенных во всем мире механизмов сегрегации. Кроме того, представляется важным повышение социальной ответственности бизнеса перед инвалидами, что должно, с одной стороны, выражаться в привлечении лиц с нарушениями здоровья к выполнению трудовых обязанностей, создании для них необходимых условий труда и возможностей повышать свою квалификацию, предоставлении им профилактического лечения, обеспечении материальной помощью, медицинским страхованием и пр., а с другой стороны, проявляться через механизм публичности, отражающей степень достижения поставленных перед бизнесом социальных задач.

Как известно, переход и мирового, и отечественного бизнеса к новой экономической политике, основанной на принципах устойчивого развития, которые были провозглашены ООН, повысил требования к информационной открытости, полноте и достоверности сведений о воздействии организаций на экономику, общество и окружающую среду. Это, в свою очередь, привело к необходимости оценивать деятельность компаний по совокупности показателей, включающей не только экономическую, но и социальную, культурную, экологическую эффективность, а также качество управления. Источником получения такого комплекса информации служит отчетность организации, существенное место в которой занимает нефинансовая отчетность, отражающая связь между результатами деятельности организации и достижением целей устойчивого развития, в том числе социальных.

Мировая практика составления нефинансовой отчетности транснациональными корпорациями, национальными промышленными и финансовыми компаниями, государственными и муниципальными организациями широко распространена. За почти 30-летнюю историю опубликовано свыше 98 тыс. отчетов

тов [15]. Более 90% компаний, входящих в рейтинг Fortune Global 500, формируют такую отчетность ежегодно [16].

В то же время российский опыт публичного представления социальной политики организаций невелик. В Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов внесено 194 компании, которые, начиная с 2000 года, предоставили 1095 отчетов. В Библиотеке корпоративных нефинансовых отчетов Российского союза промышленников и предпринимателей на 09 августа 2020 года числится 382 отчета по устойчивому развитию, 368 социальных, 250 интегрированных, 95 экологических отчетов [14].

Среди лидеров по количеству и качеству сформированных отчетов выделяются предприятия пяти отраслей: нефтегазовой (ПАО «Газпром», ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «НК Роснефть», ПАО «Транснефть»), металлургической (ОАО «ММК», ПАО «НЛМК», АК «АЛРОСА», ПАО «Северсталь», АО «СУЭК»), химической и нефтехимической (АО «ЕвроХим», ПАО «СИБУР»), электроэнергетической (ПАО «ФСК ЕЭС», ПАО «МРСК Сибири», ПАО «Интер РАО ЕЭС») и атомной (ГК «Росатом», АО «Концерн Росэнергоатом»).

Несмотря на отсутствие единых стандартов по форме представления материала, нефинансовые отчеты большинства компаний комплексно отражают реализацию принципов ответственной деятельности через публичную информацию, которая включает в себя, во-первых, описание ценностных ориентиров и стратегии развития бизнеса, особенностей корпоративного управления и риск-менеджмента, требований безопасности на рабочем месте и повышения квалификации сотрудников, а во-вторых, анализ характера энергопотребления и эффективного использования ресурсов, результатов научных исследований и направлений внедрения инновационных разработок.

Следует заметить, что нефинансовая отчетность компаний содержит показатели, отражающие численность персонала, систему его материального стимулирования, производительность труда, текучесть кадров, гендерную политику и пр. Однако в отчетах отсутствует раздел, характеризующий занятость лиц с инвалидностью и условия их труда в организациях, что существенно сужает информационную полноту и значимость представляемых документов. Кроме того, это ставит самих инвалидов в очень уязвимое положение и делает их «неинтересными» для бизнеса, усиливая социальную напряженность в обществе.

Сегодня отечественные компании самостоятельно определяют объем и содержание информации, которая раскрывается в отчете. Хотя в качестве рекомендаций они могут использовать Стандарты отчетности в области устойчивого развития GRI, которые предусматривают обязательное наличие показателей результативности, разбитых на три основные категории — экономическую, экологическую и социальную [17]. К сожалению, данные о работающих инвалидах и политике организаций по их поддержке не установлены международными требованиями. Они не определены и в перечне ключевых (базовых) показателей публичной нефинансовой отчетности проекта Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня ключевых (базовых) показателей публичной нефинансовой отчетности» [8].

Поэтому в целях решения проблемы трудоустройства инвалидов и повышения ответственности бизнеса за обеспечение их занятости предлагаем в проекты нормативно-правовых документов, регулирующих разработку публичной нефинансовой отчетности, включить в качестве базовых индикатор «Занятость

и условия труда инвалидов». Он должен быть комплексным и включать следующие элементы:

- численность работающих инвалидов, в том числе по квоте;
- средняя заработная плата и условия материального стимулирования инвалидов;
- соответствие профиля выполняемой работы профессиональной квалификации;
- наличие в организации адаптированных рабочих мест для инвалидов;
- наличие в организации индивидуальной программы реабилитации инвалидов;
- соблюдение в организации трудовых правоотношений с инвалидами и предоставление им дополнительных гарантий;
- участие инвалидов в программах повышения квалификации.

Введение нового индикатора позволит повысить не только качество публичных нефинансовых отчетов российских организаций, но и информирование общества о реализуемых ими социальных программах. Это, в свою очередь, окажет положительное влияние на репутацию бизнеса как социального партнера государства и усилит контроль за эффективностью проводимой в стране политики, направленной на создание для инвалидов доступной среды.

Список литературы

1. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон № 181-ФЗ (с изменениями и дополнениями): [принят 24.ноября 1995 г.]. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/.
2. Доступная среда: государственная программа Российской Федерации. — Текст: электронный // Минтруд России: [сайт]. — URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/0>.
3. Об утверждении Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации»: Распоряжение Правительства РФ № 876-р: [принят 05 мая 2017 г.]. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216631/.
4. Об утверждении Типовой программы сопровождения инвалидов молодого возраста при получении ими профессионального образования и содействия в последующем трудоустройстве: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ, Министерства просвещения РФ и Министерства науки и высшего образования РФ № 804н/299/1154: [принят 14 декабря 2018 г.]. — Текст: электронный // Гарант.ру: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72039590/>.
5. О методологическом обеспечении реализации органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации мер, направленных на создание условий для повышения уровня занятости инвалидов, в том числе на оборудованных (оснащенных) для них рабочих местах, и повышение эффективности реализации мероприятий по содействию трудоустройству инвалидов: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ № 94: [принят 11 марта 2013 г.]. — Текст: электронный // Гарант.ру: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70244114/>.

6. Федеральный реестр инвалидов: Федеральная государственная информационная система. — Текст: электронный. — URL: <https://sfri.ru/analitika/zanyatost>.
7. Об утверждении перечня ключевых (базовых) показателей публичной нефинансовой отчетности: Проект Постановления Правительства Российской Федерации. — Текст: электронный. — URL: <http://www.consultant.ru/law/hot-docs/57290.html/>.
8. Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. — Текст: электронный. — URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/.
9. Герасимов А.В., Литвиненко И.Л. Профориентация и трудоустройство лиц с инвалидностью: учебное пособие. — МГГЭУ, 2019. — 192 с.
10. Зенкина И.В. Повышение информативной и аналитической ценности публичной нефинансовой отчетности // Международный бухгалтерский учет. — 2019. — Т. 22. — № 1 (451). — С. 4–23.
11. Корчагина Е.В. Нефинансовая отчетность: подходы к внедрению в России и мире // Журнал правовых и экономических исследований. — 2019. — № 1. — С. 135–138.
12. Лисицкая Т.В. Нефинансовые показатели в действующих форматах финансовой (бухгалтерской) отчетности: перспективы расширения применения // Инновации и инвестиции. — 2018. — № 2. — С. 157–162.
13. Минтруд назвал число инвалидов в России. — Текст: электронный. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/686454>.
14. Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов. — Текст: электронный. — URL: <http://рспп.пф/activity/social/registr/>
15. Нефинансовая отчетность в России и мире: цели устойчивого развития — в фокусе внимания (Аналитический обзор за период 2017–2018 гг.). — Текст: электронный. — URL: <http://media.rsp.ru/document/1/f/6/f6e6f97287df39e326d-6b2d236b459b1.pdf>.
16. Публичная нефинансовая отчетность. — Текст: электронный. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d22/publichnaya_nefinansovaya_otchetnost/.
17. Руководство по отчетности в области устойчивого развития. — Текст: электронный. — URL: <http://рспп.пф/12/11938.pdf>.
18. Сапожникова Н.Г., Эльвия Б.К. О развитии нефинансовой отчетности в России // Современная экономика: проблемы и решения. — 2018. — № 4 (100). — С. 85–94.
19. Сапрыкина О.А., Воронина Н.И. Развитие публичной нефинансовой отчетности российских организаций и ее социально-экономическая роль. // Непрерывное профессиональное образование и новая экономика. — 2019. — № 1 (4). — С. 105–111.

Л.В. Рожкова, А.Ш. Дубина

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ МЕГАПОЛИСОВ РОССИИ

EDUCATIONAL POTENTIAL OF MODERN YOUTH IN RUSSIAN MEGACITIES

РОЖКОВА Лилия Валерьевна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета (e-mail: mamaeva_lv@mail.ru)

ДУБИНА Альбина Шагидулловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета (e-mail: misurin@bk.ru)

ROZHKOVA Liliya Valerevna — Doctor of Social Sciences, Professor of the Department of economic theory and international relations of Penza state University (e-mail: mamaeva_lv@mail.ru)

DUBINA Albina Shagidullovna — Candidate of Social Sciences, associate Professor of the Department of economic theory and international relations of Penza state University (e-mail: misurin@bk.ru)

Аннотация. Актуальность изучения проблемы образовательного потенциала мегаполисов обусловлена субъективными и объективными факторами. В качестве объективных выступает высокий интерес к проблеме образования молодежи, так как молодое поколение выступает главным стратегическим ресурсом страны. Насколько качественно он будет сформирован, настолько успешным будет дальнейшее процветание страны. С позиции субъективных факторов рассматривается образование, как возможность для молодежи получения статусных позиций, трудоустройства, роста уровня дохода, а также повышения культурного уровня и формирования правильных жизненных установок. Также в статье рассматриваются понятия «потенциал» и «образовательный потенциал». На основе результатов исследования молодежи мегаполисов (Москва и Санкт-Петербург), проведенного в 2019 г. при поддержке Гранта Президента РФ, анализируются ценностные ориентации современной молодежи, в том числе ценности образования, цели получения образования, стратегии молодежи в получении образования в современных условиях кризиса и нестабильности. По данным исследования, для большинства опрошенных респондентов образование не является гарантией жизненного успеха. Главными факторами получения достойного уровня образования молодые жители мегаполисов выделяют: личностные усилия и навыки. Важным обстоятельством при трудоустройстве респонденты называли наличие связей и уровня образования.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, социальный потенциал, образование, молодежь, мегаполис.

Abstract. *The relevance of studying the problem of educational potential of megacities is determined by subjective and objective factors. The objective is a high interest in the problem of youth education, so the young generation is the main strategic resource of the country. How well it will be formed, so successful will be the further prosperity of the country. From the perspective of subjective factors, education is considered as an opportunity for young people to obtain status positions, employment, income growth, as well as to increase the cultural level and form correct life attitudes. The article also discusses the concepts of «potential» and «educational potential». Based on the results of a study supported by a Grant from the President of the Russian Federation for the youth of megacities (Moscow and St. Petersburg) conducted in 2019, analyzes the value orientations of modern youth, including the values of education, motives for obtaining education, educational strategies and modern learning conditions. According to the study, they call their own efforts and skills Necessary for getting a good education. The respondents mentioned the presence of connections and the level of education as an important factor in employment.*

Keywords: *human's lifespan, life path, person, twin method, education, psychological factors.*

На сегодняшний день численность молодежи России достигает порядка 30 миллионов человек, что составляет около четверти населения страны. Как известно, молодое поколение считается главным стратегическим ресурсом формирования процветающего общества с качественно накопленным человеческим капиталом [3, с. 70]. Изучение образовательного потенциала современной молодежи является достаточно актуальной проблемой в связи с происходящими в стране социально-экономическими переменами и кризисными явлениями.

Так, одним из приоритетных направлений политики России в настоящее время выступает научно-технологическое развитие регионов, рост промышленного потенциала страны, стремление к конкурентоспособной экономике и цифровизации. Реализация поставленных целей в большей мере зависима от качества человеческого потенциала [1, с. 175]. Процесс получения образования молодежью ведет к накоплению человеческого потенциала, а также к росту уровня культуры молодежи. Повышение образовательного уровня молодого поколения благоприятно влияет на формирование правильных ценностных ориентаций и жизненных установок. Как известно, высокий уровень образования расширяет круг статусных возможностей при трудоустройстве, а также повышает самооценку кандидата на должность.

В связи с высокой актуальностью изучения образовательного потенциала молодежи России и стремления нации к «обществу знания» интерес к данной проблеме активно возрастает. Так, в качестве образовательного потенциала современной российской молодежи будем понимать сумму личностных и профессиональных качеств, требуемых в процессе специализации и профессионального становления и возникающих посредством приложенного индивидуумом труда с целью освоения профессиональных компетенций, приобретенных в процессе образования.

В качестве объекта изучения была выбрана молодежь мегаполисов РФ. Это связано с тем, что мегаполис представляет собой особое единство взглядов, так как нарастающий процесс урбанизации объединяет вокруг себя представителей молодого поколения из разных уголков нашей родины. Также нельзя не отме-

тить необратимое превращение мегаполисов в автономные единицы, имеющие системное влияние на все сферы жизнедеятельности общества [2].

Выбор респондентов среди молодого поколения осуществлялся с учетом: пола, возраста, материального положения, статуса и уровня образования [6, с. 76].

Сегодня, в период нестабильности, когда кризисные явления охватывают практически все сферы общественной жизни страны, возрастает актуальность изучения причин, воздействующих на образовательные стратегии современной молодежи.

В рамках реализации Гранта Президента РФ был проведен анкетный опрос молодежи мегаполисов. Тип выборки квотная: пол, возраст (Москва, 2019 г. $n = 675$; г. Санкт-Петербург, 2019 г., $n = 554$), в том числе в Москве было опрошено 344 юноши и 331 девушка, 149 респондентов в возрасте от 16 до 20 лет, 182 — от 21 до 25 лет и 344 — от 26 до 30 лет; в Санкт-Петербурге — 282 юноши и 272 девушки, 126 респондентов в возрасте от 16 до 20 лет, 150 — от 21 до 25 лет и 278 — от 26 до 30 лет.

Целью исследования являлся комплексный анализ состояния и особенностей развития социального потенциала российской молодежи в современных условиях. Исследовались основные компоненты социального потенциала разных групп молодежи: политический, социально-экономический, образовательный духовно-нравственный. В рамках изучения образовательного потенциала рассматривались вопросы взаимосвязи образования и жизненного успеха, важности для современной жизни обучения и материальной обеспеченности, анализировались основные условия получения хорошего образования, установки на продолжение образования, отношение к самообразованию, оценка качества полученного или получаемого образования, а также о степень влияния кризисных явлений на образовательные планы молодёжи мегаполисов. Результаты исследования обрабатывались с использованием программы «Sociology», которая позволяет полностью автоматизировать процесс от создания анкет до обработки данных; дает возможность проводить многомерный анализ и формировать базы данных исследований посредством SQL-сервера Firebird.

Результаты авторского исследования показали следующее. В структуре базовых ценностей образование не занимает лидирующую позицию, уступая место семейным ценностям и ценностям здоровья. Получить хорошее образование хотели бы 14,54% молодежи Москвы и 20,14% молодежи Санкт-Петербурга.

В числе факторов жизненного успеха лидируют собственные усилия, хорошие связи и знакомства. Образование как фактор жизненного успеха рассматривает около трети молодежи (27,75% в Москве и 29,86% в Санкт-Петербурге). Чаше это работающая молодежь более старшего возраста с хорошим и очень хорошим материальным благосостоянием. Что касается высшего образования, то большая часть молодежи не рассматривает его в качестве гарантии жизненного успеха (71,81% молодежи Москвы и 77,34% молодежи Санкт-Петербурга, см. рис. 1).

В целом, высшее образование выступает в качестве базового ресурса, гарантирующего подъем по социальной лестнице. Однако, если обратиться к десятилетнему периоду после распада СССР, когда наша страна погрузилась в глубокий экономический и политический кризис, то очевидно, что среди успешных людей часто встречались далеко не самые образованные [5]. Во главу угла ставились социальные связи, взаимодействие между людьми. Другими словами, человек пользовался своими контактами с лицами, с которыми успел обзаве-

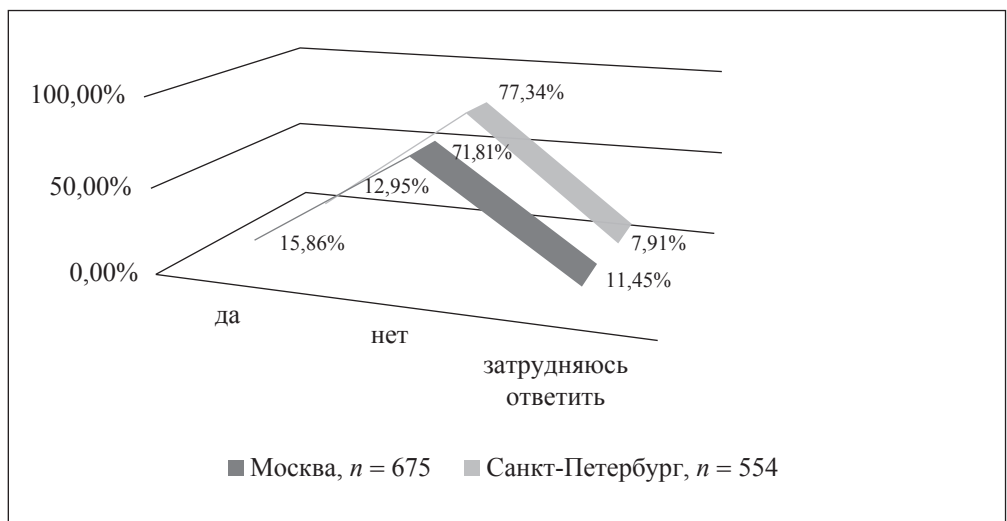

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «По вашему мнению, является ли сегодня образование гарантией жизненного успеха?» (в % от числа опрошенных)
Примечание: ответы на вопрос предполагали многовариантность

стись доверительными отношениями, при этом замещая или компенсируя отсутствие или недостаточный уровень образования и опыта.

Данные авторских исследований показали, что чаще юноши, чем девушки, считают высшее образование гарантией жизненного успеха — табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«По вашему мнению, является ли сегодня образование
гарантией жизненного успеха?» (в % от числа опрошенных)

Город	Москва		Санкт-Петербург	
Пол респондентов	мужской, n = 344	женский, n = 331	мужской, n = 282	женский, n = 272
да	21,92%	12,42%	19,12%	10,78%
нет	64,38%	75,82%	69,12%	80,39%
затрудняюсь ответить	13,70%	10,46%	10,29%	6,86%

Мнение молодежи мегаполисов в своих ответах относительно способов достижения жизненного успеха схоже с представителями более старшей возрастной категории, которые пережили период 1990-х в постсоветской России. Таким образом, с возрастом у многих российских граждан крепнет уверенность в том, что наличие высшего образования не является гарантией успеха. С большей вероятностью, по их мнению, успешными оказываются те, кто обладает полезными знакомствами, что в целом подтверждают ответы на вопрос о главных факторах жизненного успеха [3, с. 71].

Для изучения ценности знания респондентам был задан вопрос, включающий пару альтернативных высказываний для оценки. Первый вариант «знание — это главное достояние человека» и второй вариант — «в наше время без

знаний можно обойтись, были бы деньги». Выбор одного из двух вариантов подразумевает отношение респондента к роли знания в жизни современной российской молодежи. Опираясь на результаты авторского исследования, можно сделать вывод, что ценность знания в молодежной среде все же остается высокой (62,56% респондентов в Москве и 66,19% в Санкт-Петербурге, см. рис. 2).

Данные социологических исследований, которые были проведены в 2014 г. отечественными социологами Ю.А. Зубок и В.И. Чупровым, показали следующее: 43,8% молодых людей более старших возрастов (18–29 лет) отмечали, что

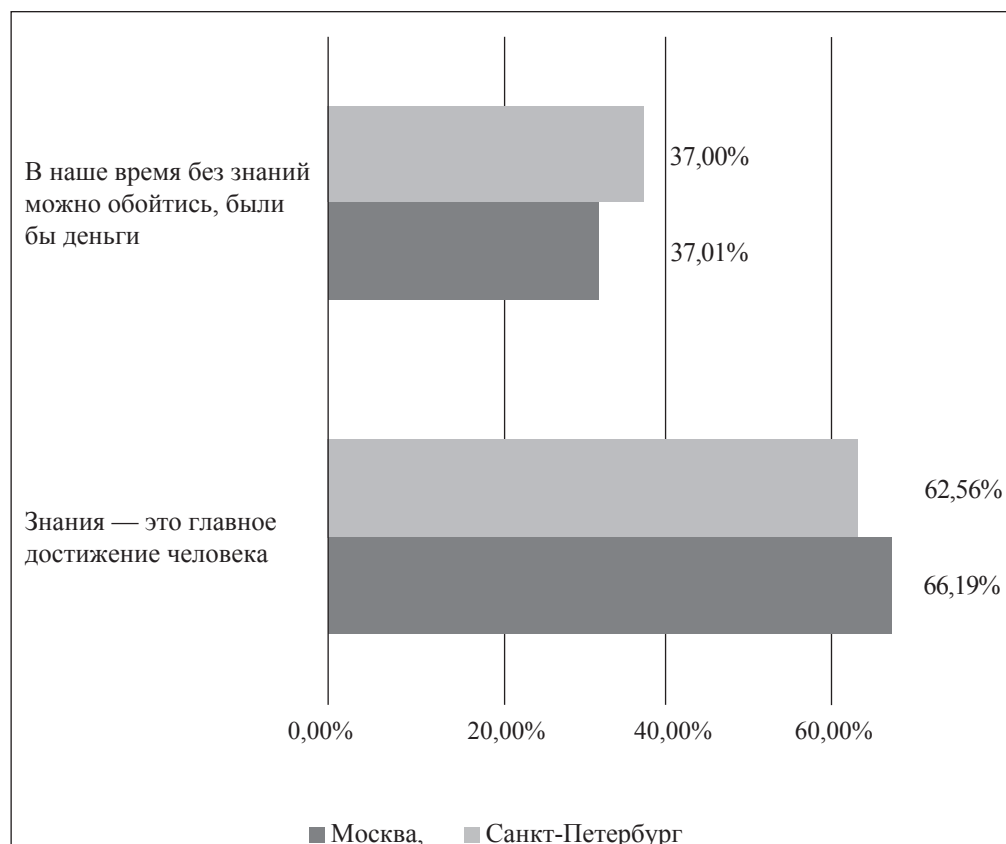

Рис. 2. Выбор полярных суждений: «знания» — «материальное благополучие» (в % от числа опрошенных по каждому региону)

знания — лишь средство в решении поставленных задач. При этом для 38,9% молодежи деньги могут заменить знания [4, с. 109].

Результаты авторского исследования показали, что наиболее значима ценность знания для столичной молодежи в возрасте 26–30 лет (100%), а для молодых респондентов в возрасте 16–20 лет и 21–25 лет соответственно 63,64% и 60,87%. Также были получены результаты, согласно которым ценность знания несколько более значима для юношей (67,12%), чем для девушек (60,78%). Молодые люди Санкт-Петербурга продемонстрировали похожее мнение. Так, в группе полярных суждений вариант «знание — это главное достояние человека» чаще выбирали респонденты в возрастной категории от 26 до 30 лет (83,33%), чем молодежь других возрастных групп (67,86% — 21–25 лет; 65,38% — 16–20 лет). Отметим, что позитивнее всех оценивают российское образование юноши, работающая молодежь и студенты младших курсов [1, с. 175].

Авторские исследования позволили выявить основные условия получения хорошего образования (рис. 3).

Одинаково высоко молодежь мегаполисов оценила упорство в получении знаний, собственные усилия (85,90% респондентов среди москвичей и 86,33% среди молодого поколения Санкт-Петербурга), также одинаково распредели-

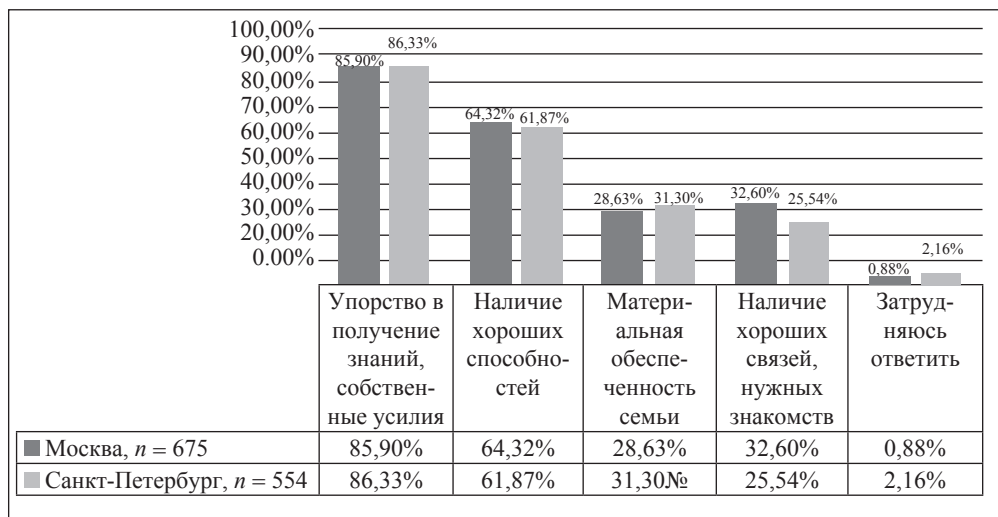

Рис. 3 Основные условия получения «хорошего образования», по мнению респондентов (в % от числа опрошенных по каждому региону)

Примечание: ответы на вопрос предполагали многовариантность

лись ответы в выборе варианта о наличии хороших способностей (64,32% Москва и 61,87% Санкт-Петербург). Наличие хороших связей является наиболее актуальной для столичной молодежи (32,60%), для северной столицы важнее нужных знакомств выступает материальная обеспеченность семьи (31,30%). Таким образом, респонденты признавшие, что наличие полезных связей и деньги являются гарантией жизненного успеха, чаще стремятся достичь высокого материального положения, чем получить достойный уровень образования [3, с. 71]. При этом для молодежи младшего возраста больше значимы собственные усилия и хорошие способности, а для более старших респондентов — система полезных связей. Девушки в ряду базовых условий получения «хорошего образования» чаще отмечают свои усилия и хорошие способности, а юноши — полезные связи и материальное благосостояние (табл. 2). Кроме того, было установлено: чем негативнее молодые люди оценивают сложившуюся сегодня социально-экономическую ситуацию, тем меньше респондентов в качестве основы получения «хорошего образования» рассматривают свои усилия и способности и тем больше респондентов отдают приоритет полезным связям и знакомствам как важному условию «хорошего образования».

Все же, несмотря на высокие показатели предпочтения материальных ценностей, среди российской молодежи образование остается неотъемлемой частью накопления человеческого капитала. Поэтому для получения достойного уровня образования молодому поколению требуется предпринять усилия в получении знаний, накоплении опыта и приобретении полезных для будущей профессии навыков.

Таблица 2

Основные условия «хорошего образования», по мнению респондентов, в зависимости от их пола (в % от числа опрошенных)

Город	Москва		Санкт-Петербург	
Пол респондентов	мужской, n = 344	женский, n = 331	мужской, n = 282	женский, n = 272
Собственные усилия и упорство	80,82%	88,24%	79,41%	89,71%
Способности	61,64%	65,36%	57,35%	63,73%
Материальное положение семьи	31,51%	27,45%	38,24%	29,41%
Полезные знакомства и связи	38,36%	30,07%	44,12%	19,61%
Затрудняюсь ответить	1,37%	0,65%	4,41%	1,47%

Примечание: ответы на вопрос предполагали многовариантность

Готовность продолжать свое образование присутствует у 45,82% молодежи Москвы и 30,58% молодежи Санкт-Петербурга (табл. 3). Чаще это девушки из семей с высоким уровнем материального достатка, более младших возрастных групп. Большая часть молодежи занимается самообразованием (77,09% в Москве и 80,94% в Санкт-Петербурге), причем практически вне зависимости от пола и материальной обеспеченности семьи, но при этом

Таблица 3

Установки на продолжение образования, отношение к самообразованию и оценка качества образования (в % от числа опрошенных по каждому региону)

Вопрос и варианты ответов	Москва, n = 675	Санкт-Петербург, n = 554
Планы на продолжение образования		
Да	45,82%	30,58%
Скорее да, чем нет	31,72%	38,49%
Скорее нет, чем да	13,22%	16,91%
Нет	5,29%	3,60%
Затрудняюсь ответить	3,96%	8,63%
Занятие самообразованием		
Да	77,09%	80,94%
Нет	22,91%	16,91%
Оценка качества полученного/получаемого образования		
Высокий уровень	38,77%	35,97%
Средний уровень	51,54%	56,83%
Низкий уровень	9,69%	5,76%

преобладает младший возраст. Качество полученного или получаемого образования респонденты оценивают как среднее (51,54% в Москве и 56,83% в Санкт-Петербурге).

Исследования показали, что происходящие в стране социально-экономические изменения влияют на образовательный потенциал молодежи [6, с. 75]. Так, более трети респондентов в Москве (38,33%) и Санкт-Петербурге (38,13%) отмечают влияние кризиса и нестабильности на их образовательные стратегии, продолжение образования и самообразование (рис. 4).

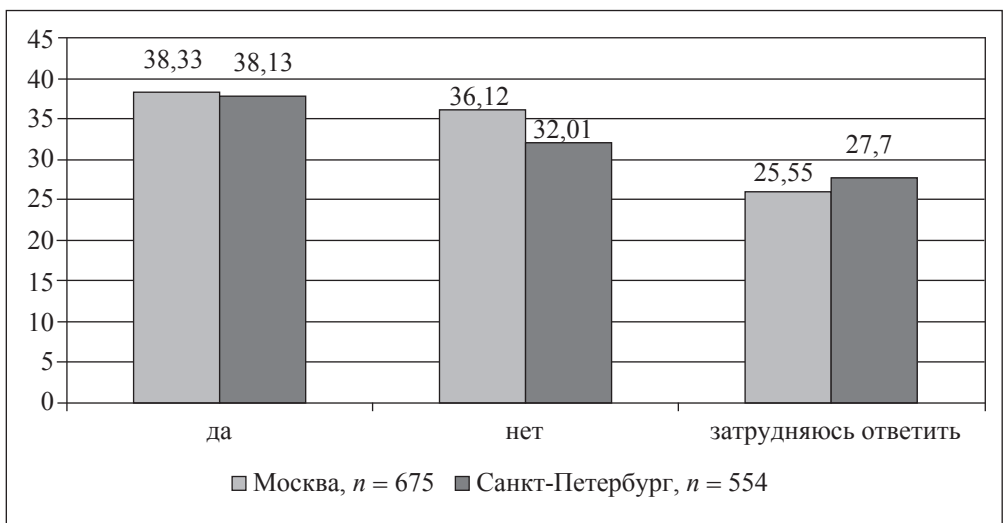

Рис. 4. Считаете ли вы, что кризис и нестабильность оказывают влияние в стране и регионе на образовательные планы молодежи (в % от числа опрошенных по каждому региону)

Исследования показывают, что практически до единого процента совпадает доля респондентов в Москве и Санкт-Петербурге, оценивающих ситуацию как кризисную и утверждающих, что она оказывает влияние на их образовательные планы и стратегии (табл. 4).

Таблица 4

Оценка современной социально-экономической ситуации в стране и регионе (в % от числа опрошенных)

Оценка социально-экономической ситуации в стране и регионе	Москва			Санкт-Петербург		
	Нормальная, спокойная, n = 114	Напряженная, кризисная, n = 465	Катастрофическая, n = 96	Нормальная, спокойная, n = 100	Напряженная, кризисная, n = 392	Катастрофическая, n = 62
Да	21,05%	38,71%	57,58%	30%	38,78%	51,72%
Нет	63,16%	32,26%	21,21%	52%	29,59%	13,79%
Затрудняюсь ответить	15,79%	29,03%	21,21%	14%	29,59%	34,48%

Таким образом, по данным исследований были выявлены основные тенденции в отношении трансформации ценностей образования современной молодежи. В структуре базовых ценностей образование не имеет лидирующих позиций и следует после семейных ценностей, интересной, престижной работы и материального благополучия. Большая часть молодежи не рассматривает высшее образование в качестве гарантии жизненного успеха, однако высокая ценность для молодежи знания. Основными условиями получения «хорошего» образования выступают упорство в получении знаний и хорошие способ-

ности. Молодежь имеет планы на продолжение своего образования. Большая часть молодежи занимается самообразованием. Качество полученного образования респонденты оценивают как среднее. Происходящие социально-экономические трансформации в стране, по оценкам молодежи, оказывают влияние на их образовательные планы.

Для формирования качественного образовательного потенциала среди молодежи органам власти и самоуправления в вопросах воспитания здоровой нации, трудовых и интеллектуальных человечески ресурсов необходимо обратить внимание на следующие мероприятия: формирование всесторонней образованности и грамотной адаптации молодого поколения в условиях динамично развивающегося общества посредством СМИ, интернет-ресурсов, социальных сетей; формирование культуры образованного человека; поддержка талантливой молодежи и вовлечение ее в гранты, конкурсы и т.п.; разработка и внедрение программ, проектов, курсов, направленных на повышение уровня образования (профессионального, дополнительного), качества подготовки молодежи (система сертификации знаний и компетенций, независимая оценка качества образования); совершенствование материально-технического обеспечения образовательных организаций и учреждений; дальнейшее развитие академической мобильности; создание условий и системы мотивации, способствующих самообразованию молодежи; развитие системы дистанционного обучения и инклюзивного образования; адресная помощь в образовании сиротам, инвалидам, лицам с ограниченными возможностями здоровья; бесплатные тренинги по профессиональной ориентации молодежи; в рамках образовательных учреждений и организаций (школы, ссузы, вузы) создание службы социологического мониторинга молодежных проблем.

Список литературы

1. Володин В.М., Рожкова Л.В., Дубина А.Ш. Удовлетворенность трудом и экономические ориентации рабочих промышленных предприятий г. Пензы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. — Общественные науки. — 2016. — № 2 (38). — С. 171–178.
2. Драчук Н.А. Особенности социального самочувствия молодежи крупного города // Экономика и общество. — 2018. — № 1. — Текст: электронный. — URL: <http://scipress.ru/economy/articles/osobennosti-sotsialnogosamochuvstviya-molodezhi-krupnogo-goroda.html>.
3. Дубина А.Ш. Трудовые ценности рабочей молодежи промышленных предприятий // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность: межвузовский сборник научных трудов. — Краснодар, 2018. — С. 69–73.
4. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социологические исследования. — 2012. — № 8. — С. 103–111.
5. Кризисы в экономике России по годам. — URL: <https://www.investmen-trussia.ru/krizisy-v-ekonomike-rossii-po-godam/>
6. Рожкова Л.В., Дубина А.Ш. Особенности образовательного потенциала: учащаяся и работающая молодежь Поволжья // Развитие образования. — 2018. — № 1 (1). — С. 74–77.

ЗАНЯТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ РЕБЕНКА-ИНВАЛИДА
КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ ЕГО СЕМЬИ

PHYSICAL EDUCATION OF A DISABLED CHILD
AS A METHOD OF SOCIAL CAPITALIZATION OF HIS FAMILY

КУРНИКОВА Мария Владимировна — кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой адаптивной физической культуры Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (e-mail: mkurnikova@yandex.ru)

KURNIKOVA Mariya Vladimirovna — Candidate of Medicine, Head of the Department of Adaptive Physical Education, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (e-mail: mkurnikova@yandex.ru)

Аннотация. Актуальность проблемы обусловлена потребностью в коррекции социального пространства семьи с ребенком-инвалидом. Целью исследования выступает социальный капитал данной категории семей в пространстве физической культуры и спорта. Эмпирической базой исследования послужили результаты анкетного опроса 485 членов семей, воспитывающих ребенка-инвалида. Контрольную группу составили 374 члена семьи со здоровым ребенком. Выявлена структура социального капитала через характеристику распределения социальных связей матерей, отцов и сиблингов. Доказано положительное влияние взаимодействия ребенка-инвалида с пространством физической культуры и спорта через интеграцию в различных сферах общественной жизни всех членов его семьи. Зарегистрирована динамика социальной капитализации данной категории семей до уровня семьи со здоровым ребенком.

Ключевые слова: социальное пространство, социальный капитал, семья с ребенком-инвалидом, физическая культура и спорт.

Abstract. The urgency of the problem is presented by the need to correct the social space of a family with a disabled child. The aim of the study is the social capital of this category of families in the physical culture and sports space. The empirical basis of the study was the results of a questionnaire survey of 485 family members raising a disabled child. The control group consisted of 374 family members with a healthy child. The social capital structure is revealed through the characteristics of the social ties distribution between mothers, fathers and siblings. The positive influence of the disabled child interaction with the space of physical culture and sports through integration in various spheres of public life of all members of his family has been proved. The dynamics of the social capitalization of this category of families to the level of a family with a healthy child has been registered.

Keywords: social space, social capital, a family with a disabled child, physical culture and sports.

Актуальность проблемы. Социологическая наука трактует семью как важнейший социальный институт, подверженный структурным и функциональным изменениям. Наличие здоровых и успешных детей традиционно считается критерием качества жизни семьи. Здоровье, психоэмоциональное состояние и физическое развитие ребенка является важной потребностью, влияющей на струк-

туру социального пространства семьи. По данным Росстата, на 1 января 2020 года в Российской Федерации зарегистрировано 687 718 детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, из них только 37 000 (5,4%) детей находятся в стационарных учреждениях социального обслуживания, следовательно, в Российской Федерации проживают около 650 тысяч семей, воспитывающих ребенка-инвалида [13]. Установление у ребенка особенностей развития и инвалидности всегда инициирует у родителей мощное стрессовое состояние и затрагивает все уровни функционирования семьи: физиологический, личностный, уровень межличностной и социальной интерактивности.

Множество исследователей анализируют медицинские, правовые, коммуникативные, внутрисемейные и личностные проблемы семьи, вызванные фактом рождения ребенка-инвалида. Социологи, педагоги, психологи и специалисты здравоохранения в основном акцентируют внимание на материально-бытовых, финансовых, жилищных условиях, эмоциональном истощении и редукции обязанностей родителей, проблемах инклюзивного образования, доступной реабилитационной и медицинской помощи, альтернативной коммуникации и социально-бытовой адаптации [8; 11; 9]. При этом в современном обществе настойчиво пропагандируется ориентация семьи на социальную самостоятельность, формирование стратегий самообеспечения по всем аспектам жизнедеятельности. Однако объективные условия жизни семей с ребенком-инвалидом не имеют достаточных ресурсов для воплощения независимой самореализации. Социальное пространство семьи с «особым» ребенком связано в основном с организациями системы образования, здравоохранения и социального обслуживания. Социальные коммуникации такой семьи обедняются и смещаются в зону определенного набора экономических и социальных условий, с характеристиками занимаемой семьей позиции и соответствующим стилем жизни. Данная категория населения находится в прямой зависимости от конкретных мер государственной социальной политики и склонна к пассивному возложению ответственности за заботу о себе на государственные учреждения.

Физическая культура и спорт как полифункциональный институт оказывает влияние на формирование физических, психических и социальных функций человека и его семьи, являясь неотъемлемой частью культуры и представляя собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых обществом в медико-биологических, психолого-педагогических и социальных целях. Целеориентированное использование физической культуры имеет большое социальное значение как общепризнанная форма социальной активности человека. Многокомпонентность материальных и духовных свойств физической культуры определяет ее многообразие, многосторонность и многоуровневость. По сути, физическая культура и спорт образуют социальное пространство, проникающее во все ключевые сферы жизни общества, входя в области трудовых отношений, отношений образования, культуры, медицины своими компонентами, т.е. спортом, физическим воспитанием, физической реабилитацией и рекреацией.

Мы предполагаем, что пространство физической культуры и спорта может положительно влиять на социальный капитал семьи с ребенком-инвалидом, приближая его объем и структуру к социальному капиталу семьи со здоровым ребенком.

Цель работы — эмпирическое исследование социального капитала семьи с ребенком-инвалидом в пространстве физической культуры и спорта через характеристику распределения социальных связей всех членов семьи.

Методология исследования. Наибольшее развитие концепция социального пространства получила в работах П. Бурдье, который трактовал его как совокупность многочисленных «тематических» полей — экономического, политического, культурного, — каждое из которых имеет внутреннюю структуру, обусловленную неравным распределением соответствующего типа капитала [3, с. 16]. Поля интегрируют между собой и обладают взаимозависимостью, синергизмом или антагонизмом, могут быть сильные и слабые, физические с материальными границами и виртуальные, с взаимодействием на уровне социальных связей, мышления и культурного обмена [4, с. 163]. Основная характеристика поля — это место накопления различных видов капитала. Сила поля зависит от характеристик самого поля и от практик агентов. Социальные взаимодействия агентов обусловлены разными группами социальных потребностей: физическими потребностями, потребностями в социализации и потребностями в творческой или профессиональной деятельности. Активность агента является важным условием формирования сильного социального поля. Именно активность делает возможным сохранять необходимый уровень социализированности индивидуума. Активность проявляется в разных формах деятельности и является условием удовлетворения потребностей. Социальное пространство сконструировано так, что агенты, занимающие сходные или соседние позиции, находятся в сходных условиях и подчиняются сходным обусловленностям. Отсюда они имеют все шансы иметь сходные диспозиции интересов, а следовательно, и сходные практики, то есть непосредственные действия, коммуникации, акты мышления и т.д. Действуют агенты с использованием разного рода капиталов: экономического — финансы, собственность; культурного — образование, знание, профессия; социального — происхождение, сеть отношений и связей [2, с. 51].

Структуру пространства физической культуры и спорта можно представить в виде нескольких полей: массовая физическая культура, физическая культура в системе образования, физическое воспитание, физическая реабилитация и спорт. Данные поля могут быть сильными или слабыми в зависимости от социальных взаимодействий между членами малых социальных групп или агентов внутри поля. Физические потребности удовлетворяются за счет физических упражнений в поле массовой физической культуры, потребности в социализации — посредством физического воспитания в поле учебной физической культуры; потребности в творческой и профессиональной деятельности — через спорт.

Пространство физической культуры и спорта позволяет органично формировать различные виды капитала, в первую очередь — социального капитала, за счет положительного опыта социального взаимодействия в коллективах единомышленников, а также взаимодействия с общественными и государственными организациями различной иерархической структуры и специфики деятельности. Все это значительно способствует расширению круга социальных контактов и потенцирует ситуации выбора практик агентов. Практики агентов направлены на тренировку сенсорных и моторных функций человека, освоение других, новых, образцов поведения, социальных норм, ролей и функций, вхождение в определенные социальные группы, например, спортсменов высшего спортивного мастерства, «группу здоровья» для пожилых людей или сообщества адаптивной физической активности для инвалидов [12].

Эмпирический опыт исследователей социального пространства семей с ребенком-инвалидом показывает, что совокупность обстоятельств остается более

контролируемой в семьях, в которых родители имеют более разнообразный кругозор и диапазон интересов [5]. Положительные результаты достигаются при выполнении условий, обеспечивающих возможность постепенного расширения пространства общения и сохранение активных контактов семьи с друзьями, коллегами, с миром [10]. Социальное пространство семьи с «особым» ребенком связано в основном с организациями системы образования, здравоохранения, некоммерческими партнерами и другими социально ориентированными структурами [7, с. 134]. Данные структуры, согласно концепции Пьера Бурдьё, характеризуются как поля и места накопления социальных связей и обогащения социального капитала [1]. Социальный капитал семьи реализуется через проявление ценностных ориентаций членов семьи и представляет собой сочетание реальных или потенциальных ресурсов, аффилированных с устойчивой сетью реципрокных отношений знакомства и аддикции, то есть социальными связями. Воспроизводство социального капитала предполагает непрерывающуюся работу по установлению социальных связей, непрерывные серии обменов, в ходе которых эти связи постоянно утверждаются и подтверждаются. Увеличивая количество и качество структур определенного класса, условий существования для членов семьи с ребенком-инвалидом, создавая условия необходимости проявления семейной и сетевой коммуникации, возможно воздействовать на активность членов семьи и моделировать стиль жизни и социальное пространство данной категории семей [6, с. 70].

В нашем исследовании принимали участие семьи с ребенком-инвалидом, в которых практикуется регулярная физическая активность ребенка, связанная непосредственно с физкультурной или спортивной деятельностью: занятия для правильного физического развития в центрах физической реабилитации; тренировки в секциях адаптивного спорта для достижения спортивного результата; регулярные занятия физическими упражнениями на базе общественных организаций для приобретения ребенком необходимых двигательных умений, физических качеств, социальных навыков.

Группу исследования № 1 составили члены семей с ребенком-инвалидом, который не занимается физической культурой ($n = 218$, из них матери — 124 человека, отцы — 64 человека, сиблинги старше 14 лет — 30 человек). Средний возраст детей-инвалидов $9,55 \pm 4,4$ лет.

Группу исследования № 2 составили члены семей с ребенком-инвалидом, который регулярно посещает физкультурные (или спортивные) занятия в физкультурно-спортивных, образовательных или социальных учреждениях ($n = 267$, из них матери — 154 человека, отцы — 74 человека, сиблинги старше 14 лет — 39 человек). Средний возраст детей-инвалидов $9,34 \pm 6,2$ лет.

Группу контроля составили члены семей со здоровым ребенком ($n = 374$, из них матери — 236 человек, отцы — 86 человек, сиблинги старше 14 лет — 52 человека). Средний возраст здоровых детей $10,0 \pm 2,9$ лет. Отношения ребенка с пространством физической культуры и спорта в этой группе не учитывались.

Результаты ответов сравнивались с использованием критерия χ^2 , статистически значимыми принимали отличия при $p < 0,05$.

Опрос осуществлялся методом анкетирования, индикаторами определения социального капитала были выбраны «наличие хобби и друзей», «интенсивность расширения коммуникативных контактов и их репертуар», «способы поддержки существующих дружеских контактов». Наличие и объем социального капитала, согласно теории П. Бурдьё, напрямую связаны с сетью социальных

связей индивидуума, его коммуникативных контактов и их интенсивности. Для определения особенностей данного капитала нами были заданы вопросы: «где и как часто заводите знакомства и приобретаете друзей?», «откуда берете информацию о событиях?», «есть ли у вас хобби?», «как часто вы ходите в гости или принимаете гостей?»

Результаты и их обсуждение. Если рассматривать структуру социальных связей матерей здоровых детей контрольной группы как некий эталон (табл. 1), то большинство социальных контактов расположены в поле профессиональной деятельности и собственного образования (55,9%). Достаточная доля матерей (22,0%) ограничивают себя только друзьями детства и не нуждаются в новых социальных связях. Матери здоровых детей практически не пользуются социальными сетями для коммуникаций, небольшая доля имеет хобби и другие социальные поля общения, такие как «фитнес-клуб», «детские уличные площадки», «прогулки с собакой».

Таблица 1

Распределение структуры и интенсивности социальных контактов у матерей

Фактор	Группа №1 n = 124	Группа №2 n = 154	Группа контроля n = 236	Значение p
	%	%	%	
1. Где заводите знакомства, приобретаете новых друзей?				
Работа	42,0	38,9	55,9	p = 0.002*
Хобби	0	5,2	8,5	p = 0.221
Социальные сети	22,6	11,7	6,8	p < 0.001**
Достаточно друзей детства	35,4	29,9	22,0	p = 0.020*
Другое	0	14,3	6,8	p = 0.015*
2. Как часто Вы заводите новые знакомства?				
Постоянно	6,7	11,7	19,5	p < 0.001**
Иногда	22,8	36,4	44,9	p < 0.001**
Редко	70,5	51,9	35,6	p < 0.001**
Никогда	0	0	0	p = 0.013*
3. Откуда Вы берете информацию о новостях, событиях?				
Интернет, телевидение, радио	83,8	71,4	72,0	p = 0.027*
От сотрудников на работе, учебе	6,5	7,8	15,3	p = 0.014*
От соседей, родственников, знакомых	6,5	15,6	8,5	p = 0.023*
Не интересуюсь новостями, событиями	3,2	5,2	4,2	p = 0.722
4. Если Вам придется искать работу, где будете брать информацию о вакансиях?				
Интернет, телевидение, радио	80,7	51,7	71,2	p < 0.001**
От сотрудников на работе, учебе	3,2	18,7	11,8	p < 0.001**
От соседей, родственников, знакомых	3,2	14,1	5,1	p < 0,001**
Государственные службы (служба занятости, ярмарки вакансий)	0	15.5	7,7	p = 0.014*
Не работаю	12,9	0	4,2	p = 0.003*

Фактор	Группа №1 n = 124	Группа №2 n = 154	Группа контроля n = 236	Значение p
	%	%	%	
5. Есть ли у Вас хобби, увлечения, самостоятельные занятия?				
Да	51,6	63,6	76,3	p < 0.001**
Нет	48,4	36,4	23,7	p < 0.001**
6. Появились ли новые умения, хобби за последний год?				
Да	29,9	38,8	42,4	p = 0.044*
Нет	70,1	61,2	57,6	p = 0.044*
7. Как часто Вы ходите в гости (принимаете гостей)?				
Только по праздникам	22,6	35,1	44,1	p < 0.001**
Без повода — для желания общения	29,0	40,3	53,4	p < 0.001**
Практически никогда	48,4	24,6	2,5	p < 0.001**
**Связь между факторными и результативными признаками высокая				
*Связь между факторными и результативными признаками слабая				

В ответах матерей детей-инвалидов группы № 1 работа и обучение тоже имеют наибольшую долю, но при этом увеличивается доля коммуникаций в социальных сетях, 35,4% матерей общаются только с друзьями детства, отсутствуют социальные контакты в поле хобби и другие виды общения.

В группе № 2 структура социальных контактов матерей схожа с контрольной группой: видна тенденция уменьшения контактов в социальных сетях и общения только с друзьями детства (до 11,7% и до 29,9% соответственно), появляются другие контакты («уличные детские площадки», «физкультурный клуб», «больница», «общественные организации»), при этом процент матерей, занимающихся хобби, небольшой, статистически незначимый.

Интенсивность расширения новых дружеских социальных связей у матерей здоровых детей распределилась следующим образом: постоянно расширяют дружеские связи 19,5% опрошенных, иногда знакомятся 44,9%, очень редко заводят новые знакомства около трети матерей данной группы. В группе №1 активны в расширении дружеских связей только 6,7% респондентов, а подавляющее большинство (70,5%) матерей детей-инвалидов практически никогда не знакомятся с новыми людьми. В группе № 2 интенсивность расширения социальных контактов увеличивается до 11,7% в графе «постоянно», до 36,4% — в графе «иногда» и значительно уменьшается в графе «редко» — до 51,9%, что свидетельствует о том, что матери данной группы более активны в коммуникативном взаимодействии с социумом.

Матери всех групп, независимо от состояния здоровья детей, черпают информацию о внешних событиях в основном через средства массовой информации, но в первой группе исследования доля таких матерей превышает 80%. Отмечена статистически значимая динамика увеличения доли вербальных контактов с ближайшим окружением для обсуждения текущих событий с сотрудниками, соседями, родственниками, знакомыми матерей группы № 2 — 15,6%.

Ребенок с ограниченными функциями здоровья требует дополнительных ресурсов по его жизнеобеспечению, и основной груз по уходу за таким ребенком чаще всего ложится на мать, поэтому трудоустройство женщин, воспитыва-

вающих детей-инвалидов, затруднено. В современных условиях поиск работы и успешное трудоустройство имеет прямую зависимость от наличия социальных связей, разнообразия социальных структур, в которых индивидуум может быть признан как компетентный специалист. Спектр и долевой вес источников информации о потенциальных работодателях является важной характеристикой социального капитала человека. Поле средств массовой информации в современном мире является доминирующим для поиска работы, и матери как здоровых детей, так и детей-инвалидов в данном случае не составили исключения. Но если матери здоровых детей задействуют дополнительно для поиска работы ближний круг знакомых, родственников, государственные структуры (службы занятости, ярмарки вакансий), то круг социальных контактов для поиска работы у матерей детей-инвалидов первой группы ограничен только интернет-сообществом и другими средствами массовой информации (80,7%). Матери детей из группы № 2 продемонстрировали максимальное взаимодействие со всеми возможными социальными путями поиска работы, и только в этой группе не зарегистрированы матери, которые не могут или не хотят найти работу.

Одним из источников социальных связей, который может значительно обогатить социальный капитал индивидуума, является хобби и новые друзья, разделяющие увлечения и занятия по интересам. Имеют постоянное хобби и новых друзей большинство матерей здоровых детей (76,3%), причем у 42,4% из них за последний год появилось новое хобби. В группе № 1 только половина опрошенных матерей детей-инвалидов имеют самостоятельные увлечения по интересам, и только треть из них активно расширяют свой социальный ресурс с помощью новых хобби. Доля матерей детей-инвалидов группы № 2, занимающих активную позицию по отношению к собственным увлечениям, приближается к показателям матерей здоровых детей (63,6%).

Поддержание и укрепление существующих социальных связей является фундаментом для социального капитала. Регулярно встречаются с друзьями и родственниками практически все матери здоровых детей (97,5%), половина из них делает это не только по праздникам, а спонтанно, по желанию общения. В группе № 1 половина опрошенных женщин никогда не принимает гостей и не ходит в гости. Матери детей-инвалидов, регулярно занимающихся физкультурой, обнаружили активную позицию по укреплению и поддержанию ближнего круга личных контактов (75,4%), и только 26,4% из них ведут замкнутый образ жизни по отношению к друзьям, родственникам и знакомым.

Таким образом, матери детей-инвалидов, не занимающихся регулярно физической культурой, ведут более замкнутый образ жизни и имеют сниженный уровень социального взаимодействия с другими людьми с целью приобретения новых знакомых и друзей. Большинство из них заводят новые знакомства на работе или в процессе собственного обучения, пассивны в расширении сети знакомых и друзей в рамках профессионального социального поля, более склонны общаться только «с друзьями детства».

Структура социального поля коммуникаций у матерей детей-инвалидов, занимающихся физической культурой, является аналогичной структуре социального поля коммуникаций матерей здоровых детей (работа, образование, хобби, друзья детства, другие виды общения), а интенсивность поддержания существующих социальных связей и образование новых приближена к таковым у матерей здоровых детей.

Распределение структуры и интенсивности социальных контактов у отцов представлены в табл. 2. В социальных контактах у отцов здоровых детей преобладает работа и обучение (50,0%), и имеется равномерное распределение долей коммуникации между «хобби» и «социальные сети» (15,2% и 17,4% соответственно). Не общаются ни с кем, кроме друзей детства, только 17,4% отцов данной группы.

Таблица 2

Распределение структуры и интенсивности социальных контактов у отцов

Фактор	Группа №1 n = 64	Группа №2 n = 74	Группа контроля n = 86	Значение p
	%	%	%	
1. Где заводите знакомства, приобретаете новых друзей?				
Работа, обучение	100,0	48,6	50,0	p < 0.001**
Хобби	0	13,6	15,2	p = 0.006*
Социальные сети	0	10,8	17,4	p = 0.003*
Достаточно друзей детства	0	27,0	17,4	p < 0.001**
Другое	0	0	0	0
2. Как часто Вы заводите новые знакомства?				
Постоянно	8,1	12,4	9,3	p = 0.674
Иногда	27,0	56,3	46,5	p = 0.002*
Редко	62,2	31,3	44,2	p = 0.002*
Никогда	2,7	0	0	p = 0.130
3. Откуда Вы берете информацию о новостях, событиях?				
Интернет, телевидение, радио	81,3	75,7	55,8	p = 0.002*
От сотрудников на работе, учебе	0	13,5	20,9	p < 0.001**
От соседей, родственников, знакомых	0	10.8	14.0	p = 0.010*
Не интересуюсь новостями, событиями	18,7	0	9,3	p < 0.001**
4. Если Вам придется искать работу, где будете брать информацию о вакансиях?				
Интернет, телевидение, радио	68,8	37,8	65,1	p < 0.001**
От сотрудников на работе, учебе	18,7	27,0	11,6	p = 0.046*
От соседей, родственников, знакомых	0	13.5	11,6	p = 0.012*
Государственные службы (служба занятости, ярмарки вакансий)	0	16,3	11,6	p = 0.005*
Не работаю	12,5	5,4	0	p = 0.004*
5. Есть ли у Вас хобби, увлечения, самостоятельные занятия?				
Да	62,5	62,2	67,4	p = 0.739
Нет	37,5	37,8	32,6	p = 0.739
6. Появились ли новые умения, хобби за последний год?				
Да	31,3	35,1	39,5	p = 0.574
Нет	68,7	64,9	60,5	p = 0.574
7. Как часто Вы ходите в гости (принимаете гостей)?				
Только по праздникам	50,0	52,7	55,8	p = 0.735

Фактор	Группа №1 n = 64	Группа №2 n = 74	Группа контроля n = 86	Значение p
	%	%	%	
Без повода — для желания общения	18,7	32,4	32,6	p = 0.121
Практически никогда	31,3	14,9	11,6	p = 0.006*
**Связь между факторными и результативными признаками высокая				
*Связь между факторными и результативными признаками слабая				

У отцов детей-инвалидов подавляющее большинство социальных контактов находится в поле «работа и обучение», но при этом мы видим абсолютное отсутствие коммуникаций в полях «хобби», «социальные сети», «друзья детства» у отцов группы № 1. Отцы группы № 2 показали идентичную структуру социальных контактов с контрольной группой отцов здоровых детей.

Активно наращивают сеть друзей и знакомых около половины опрошенных отцов здоровых детей, и лишь 17,4% предпочитают общаться только с друзьями детства. Большинство отцов детей-инвалидов, не занимающихся физической культурой, пассивно относятся к своим коммуникациям и редко заводят новые знакомства (62,2%). Объем коммуникативной активности у отцов детей-инвалидов в группе № 2 совпадает с таковым у отцов здоровых детей.

Средства массовой информации ожидаемо лидируют в способах познания новостей окружающего мира у отцов всех трех групп. Но если отцы здоровых детей используют для обсуждения мировых событий вербальные контакты с ближайшим окружением, с сотрудниками, соседями, родственниками, то спектр новостных коммуникаций у отцов детей-инвалидов группы № 1 ограничен только средствами массовой информации. При этом почти 20% отцов данной группы равнодушны к новостям социума и не интересуются ими. Взаимодействие с поступлением новой информации у отцов детей-инвалидов группы № 2 по структуре и долевого объему совпадает с ответами отцов здоровых детей.

Социальная сеть контактов для профессиональной реализации и поиска работы у отцов детей-инвалидов в группе № 1 представлена доминированием средств массовой информации и частично профессиональным кругом. Отцы детей-инвалидов группы № 2, так же как и отцы здоровых детей, при поиске работы намерены задействовать весь спектр социальных коммуникаций: от средств массовой информации, до друзей, родственников, знакомых и государственных структур, занимающихся трудоустройством. При этом только в группе № 2 отсутствуют безработные отцы.

Наличие в семье ребенка-инвалида и его взаимодействие с пространством физической культуры и спорта не оказывает влияния на наличие хобби у отцов, и разница в ответах по сравнению с контрольной группой статистически не значима. Но, принимая во внимание, что отцы группы № 1 не указали хобби как источник новых знакомств, можно предположить, что только в этой группе отцы не рассматривают хобби как социальную сеть коммуникаций, либо это свидетельствует об индивидуальных увлечениях, которые не предусматривают общение с другими людьми.

Отцы всех трех групп достаточно активны в поддержании и укреплении существующих социальных связей. Регулярно по праздникам и знаменательным датам встречаются с друзьями и родственниками около половины опрошенных. Но если треть отцов здоровых детей и отцов детей-инвалидов группы № 2 не отказывают себе в удовольствии встретиться с близкими людьми по мере возникновения желания общения, то треть отцов детей-инвалидов группы № 1 никогда не ходит в гости и не принимает гостей.

Таким образом, у отцов детей-инвалидов, не занимающихся физической культурой, подавляющее большинство социальных контактов находится в поле «работа и обучение», расширение контактов происходит пассивно за счет профессиональной сферы, спектр новостных коммуникаций ограничен только средствами массовой информации. Наличие в семье ребенка-инвалида и его взаимодействие с пространством физической культуры и спорта не оказывает влияния на наличие хобби у отцов и их активность в поддержании и укреплении существующих социальных связей. При этом отцы детей-инвалидов, не занимающихся физической культурой, более склонны к индивидуальным хобби, которые не предусматривают активные коммуникации, и практически не поддерживают социальных связей с ближним кругом родственников, друзей и знакомых. Структура поля коммуникаций, интенсивность поддержания существующих социальных связей и образование новых у отцов детей-инвалидов, занимающихся физической культурой, является аналогичной со структурой и интенсивностью социального поля коммуникаций отцов здоровых детей.

Ограничения выборки сиблингов по возрасту (старше 14 лет) не позволили сформировать статистически значимого результата из-за малого количества респондентов (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение структуры и интенсивности
социальных контактов у сиблингов**

Фактор	Группа №1 n = 30	Группа №2 n = 39	Группа контроля n = 52	Значение p
	%	%	%	
1. Где заводите знакомства, приобретаете новых друзей?				
Работа, обучение	53,3	64,1	30,7	p = 0.006**
Хобби	6,7	12,8	15,4	p = 0.512
Социальные сети	10,0	23,1	46,2	p = 0.002*
Достаточно друзей детства	6,7	0	7,7	p = 0.219
Другое	23,3	0	0	p < 0.001**
2. Как часто Вы заводите новые знакомства?				
Постоянно	33,3	69,2	19,2	p < 0.001**
Иногда	23,3	30,8	53,8	p = 0.011*
Редко	43,3	0	26,9	p < 0.001**
Никогда	0	0	0	0
3. Откуда Вы берете информацию о новостях, событиях?				
Интернет, телевидение, радио	83,3	48,7	53,9	p = 0.009*

Фактор	Группа №1 n = 30	Группа №2 n = 39	Группа контроля n = 52	Значение p
	%	%	%	
От сотрудников на работе, учебе	6,7	35,9	19,2	p = 0.012*
От соседей, родственников, знакомых	0	10,3	21,2	p = 0.018*
Не интересуюсь новостями, событиями	10,0	5,1	5,7	p = 0.686
4. Если Вам придется искать работу, где будете брать информацию о вакансиях?				
Интернет, телевидение, радио	84,6	40,0	84,6	p < 0.001**
От сотрудников на работе, учебе	10,3	23,3	7,8	p = 0.104
От соседей, родственников, знакомых	5,1	30,0	3,8	p < 0.001**
Государственные службы (служба занятости, ярмарки вакансий)	0	6,7	3,8	p = 0.296
Другое	0	0	0	0
5. Есть ли у Вас хобби, увлечения, самостоятельные занятия?				
Да	43,3	69,2	88,5	p < 0.001**
Нет	56,7	30,8	11,5	p < 0.001**
6. Появились ли новые умения, хобби за последний год?				
Да	43,3	61,5	15,4	p < 0.001**
Нет	56,7	38,5	84,6	p < 0.001**
7. Как часто Вы ходите в гости (принимаете гостей)?				
Только по праздникам	6,7	15,4	30,8	p = 0.022*
Без повода — для желания общения	66,7	84,6	53,8	p = 0.009*
Практически никогда	26,6	0	15,4	p = 0.012*
**Связь между факторными и результативными признаками высокая				
*Связь между факторными и результативными признаками слабая				

Обнаружена интересная тенденция совпадения удельного веса и структуры ответов сиблингов здоровых детей и сиблингов детей-инвалидов, не занимающихся физической культурой, а именно: пассивность в расширении дружеских связей и максимальное использование для контактов интернет-ресурсов, скудность вербальных контактов и значительная доля ответов, отрицающих активную поддержку уже имеющихся дружеских связей.

Братья и сестры детей-инвалидов, занимающихся физической культурой, активнее в коммуникациях с социумом, чем их сверстники в семьях со здоровым ребенком (64,1% — в группе № 2 и 30,7% — в группе контроля), постоянно заводят новые знакомства (69,2% — в группе № 2 и 19,2% — в группе контроля), имеют больше вербальных контактов с ближайшим окружением в случае помощи поиска работы (30,0% — в группе № 2 и 3,8% — в группе контроля), активно осваивают новые увлечения и хобби (61,5% — в группе № 2 и 15,4% — в группе контроля), регулярно ходят в гости без повода (84,6% — в группе № 2 и 53,8% — в группе контроля).

Выводы. В целом исследование показало, что независимо от состояния здоровья ребенка особенностью социальных связей современной российской семьи

является ориентация на профессиональное поле деятельности, доминирование невербальных контактов в способах коммуникации. Социальный капитал формируется и функционирует в основном в локальных сетях, при низком уровне институционального доверия к государственным учреждениям.

Воспитание ребенка-инвалида обедняет качественную структуру социального пространства и репертуар социальных полей членов семьи, а также существенно ограничивает интенсивность их использования для приобретения социального капитала. В структуре социального капитала таких семей доминируют профессиональные контакты и «контакты детства». Прирост социальных связей скудный, практически не используется резерв таких доступных социальных полей, как «вербальные контакты с ближайшим окружением», «хобби», «общественные организации».

Физическая культура и спорт — это пространство познания новых социальных статусов и ролей для всех членов семьи с ребенком-инвалидом. Активное взаимодействие ребенка-инвалида с пространством физической культуры и спорта в учреждениях физкультурной и оздоровительной направленности оказывает положительное влияние на социальный капитал семьи, увеличивая репертуар и количество вербальных контактов с другими социальными полями (ближайшее окружение, хобби, друзья), снижая зависимость от интернет-пространства. Двигательные потребности ребенка-инвалида выступают одним из специфических условий проявления активности членов семьи в накоплении социального капитала. Вовлечение ребенка-инвалида в пространство физической культуры обеспечивает социальную интеграцию в различных сферах общественной жизни: социально-практической, информационно-познавательной, коммуникативной. Следовательно, при возрастании количества и качества структур пространства физической культуры и спорта в обществе формируются внешние условия мотивационного расширения сценариев двигательной активности агента (или группы), позволяющие управлять практиками и направленно менять образ жизни данной категории семей.

Список литературы

1. Блок М. Социальный капитал: к обобщению понятия / М. Блок, Н.А. Головин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2015. — № 4. — С. 99–111.
2. Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1998, Т. 1. — № 2. — С. 44–59.
3. Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
4. Докторович А.Б. Социальная активность и динамические социальные поля // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2009. — № 4. — С. 159–168.
5. Дубровина Н.А., Набойченко Е.С. Оптимизация личностного потенциала родителей как аспект сопровождения семей с детьми, имеющими нарушения опорно-двигательного аппарата // Образование и наука. — 2018. — Т. 20. — № 8. — С. 129–147.
6. Курникова М.В. Влияние физической активности ребенка-инвалида на социальное самочувствие его семьи с позиции социологической теории Пье-

ра Бурдые // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. — 2019. — Т. 14. — №4 (194). — С. 63–71.

7. Курникова М.В. Характеристика социального пространства семьи с ребенком-инвалидом по отношению родителей к регулярной двигательной активности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. №3(55). — Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. — 2019. — С. 129–135.

8. Низова Л.М., Черных В.В., Ямбаева Е.Р. Интенсификация программы «Доступная среда» для детей-инвалидов на мезоэкономическом уровне // Детская и подростковая реабилитация. — 2018. — № 2(34). — С. 41–47.

9. Пеункова О.С. Организация группы поддержки для родителей, воспитывающих детей-инвалидов, в условиях центра ПМСС // Наука и образование: новое время. — 2015. — № 2(7). — С. 454–456.

10. Реан А., Баранов А., Сунцова А. Ресурсы семьи в социокультурной интеграции ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Развитие личности. — 2017. — №4. — С. 38–56.

11. Социально-бытовая адаптация детей-инвалидов: методические рекомендации / сост. Дербенева Г.В., Пузеп Л.Г., Бажук О.В. и др. — Омск: Полиграфический центр КАН. — 2014. — 55 с.

12. Филимонова С.И. Физическая культура и спорт как пространство формирования оптимальной самореализации личности: автореферат дисс. ... докт. пед. наук: 14.00.04 / Всеросс. научно-иссл. ин-т физ. культуры и спорта. — М., 2004.

13. Детская инвалидность. — Текст: электронный // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. — URL: <https://www.gks.ru/folder/13807> (дата обращения 23.08.2020).

В.А. Лапатин

НАБЛЮДЕНИЯ «КИНОЗРИТЕЛЯ» (К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ МАКСИМУМЕ)

OBSERVATIONS OF THE "CINEMA VIEWER" (TO THE QUESTION OF THE ANTHROPOLOGICAL MAXIMUM)

ЛАПАТИН Вадим Альбертович — кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (e-mail: lapatin.vadim@gmail.com)

LAPATIN Vadim Albertovich — Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Subdepartment of History and Philosophy, Mozhaisky Military Space Academy (e-mail: lapatin.vadim@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена проблеме обнаружения антропологического максимума — предполагаемой верхней границы человеческого. С этой целью исследуется опыт человеческого сознания. Сознательный субъект («я») уподобляется кинозрителю. Исследование феноменологии сознания приводит к идее недостаточности и аффицированности «я». Автор полагает, что преодолеть это положение дел возможно лишь в таком опыте сознания, в котором устранялось бы всякое содержание «я». Тем самым пересекается верхняя граница человеческого, что отвечает условиям обнаружения антропологического максимума. В статье приводятся примеры социокультурных коррелятов описанного опыта.

Ключевые слова: сознание, антропологический максимум, субъект, самость, аффективность, катарсис, страдание.

Abstract. The article concerns the question of the anthropological maximum, which is considered as the alleged upper limit of the human being. To this end, the experience of human consciousness is investigated. The conscious subject (ego) is likened to a cinema viewer. The study of the consciousness phenomenology leads to the notion of ego insufficiency and affection. The author maintains that the only way of overcoming this state of affairs consists in such an experience of consciousness in which any ego content would be eliminated. Thus, the upper limit of the human being is transgressed, which meets the conditions for detecting the anthropological maximum. The article provides examples of sociocultural correlates of the described experience.

Keywords: consciousness, anthropological maximum, subject, the self, affectiveness, catharsis, suffering.

В физической антропологии существует понятие антропологического минимума. Оно обозначает совокупность морфологических признаков, благодаря которым человека как биологическое существо можно отличить от других существ. К таковым обычно относят бипедализм, противопоставление большо-

го пальца кисти, грацилизацию черепа (уменьшение толщины костей черепа и размеров костей лицевого скелета; уменьшение размеров, а также числа зубов; сглаживание надбровного, теменного, затылочного и височного рельефа), подбородочный выступ.

Использование термина «минимум» предполагает, что наличие тех или иных физических характеристик обозначает лишь минимальную границу человеческого, пересекая которую невозможно говорить о человеке даже как о биологическом виде. Однако если оттолкнуться от прагматического содержания физической антропологии, можно задаться вопросом антропологических лимитов как таковых, или, иными словами, вопросом установления своего рода «нижней» и «верхней» границ человеческого. Например, можно предположить, что если есть антропологический минимум, то должен быть и антропологический максимум — некий предполагаемый верхний порог, при преодолении которого человек также «заканчивается»/«перестает быть собой»/становится чем-то «совсем иным». Задаче обнаружения этого порога и будет посвящен настоящий текст.

Вопрос, поставленный подобным образом, отсылает к проблемному полю философской антропологии. Поскольку телесная сторона человека представляется чем-то если не простым, то по крайней мере объективно наблюдаемым, в отношении минимума легче установить консенсус, привязав его к отличительным особенностям строения человеческого тела. Много сложнее обстоит дело с определением верхнего порога человеческого. Несмотря на это, вопрос исследования «человеческого пограничья» имеет не только чисто теоретическое значение, но, как справедливо отмечает философ Б.Г. Юдин, оборачивается вопросом «вполне прагматическим, вопросом нашей повседневной жизни» [7, с. 103], ведь от того, где, как мы полагаем, «начинается» и «заканчивается» человек, зависит наше отношение к проблемам абортов, использования стволовых клеток, пересадки органов, эвтаназии, генной инженерии и многим другим.

Конечно, эта работа, как и любая другая, не может претендовать на то, чтобы дать исчерпывающий ответ на вопрос, что есть максимум для человека. Еще меньше хотелось бы заниматься редукционизмом при изучении столь многообразного феномена. Поэтому предложенный здесь путь обнаружения антропологического максимума — лишь одна из множества исследовательских перспектив.

Логично предположить, что если «нижнюю» границу человеческого мы считаем относительно простой и наблюдаемой, то «верхний» порог должен быть связан с чем-то более сложным, с чем-то, что сам человек считает своим наивысшим выражением. Кажется уместным для решения поставленной задачи рассмотреть опыт человеческого сознания, поскольку оно представляет собой границу сложности в человеке, и попытаться установить, в каком аспекте этот опыт перестает быть «человеческим». Однако прежде этого потребуются достаточно объемное рассмотрение некоторых особенностей функционирования сознания как такового.

Сознание — многоплановый и чрезвычайно сложный процесс, но рассуждать о нем и исследовать его может лишь та его часть, которая связана с самостью. Это та самая часть, которую люди считают «собой» и пользуются местоимением «я» для ее обозначения. Эта инстанция — наш главный и, по существу, единственный инструмент получения научного знания и его дальнейшего выражения в языке. Однако уже на этом этапе возникают проблемы, поскольку, если

проводить анализ феноменологии сознания, обнаружится, что «я» достанется малая доля среди прочей активности ума. По сути, «я» возникает — или, что то же самое, *я возникаю*, — лишь когда вспоминаю о его существовании. Анализ доступной наблюдению активности сознания показывает, что подавляющую часть времени бодрствования, совершая повседневные действия, мы обычно полностью растворены в непрерывно обновляющемся потоке состояний сознания. А во время сна, особенно в той части, где отсутствуют даже сновидения, сознающий субъект и вовсе куда-то исчезает, растворяется. Тем удивительнее, что люди ретроспективно полагают, что они (их «я», личность) наличествовали всё это время. Аналогичное представление мы находим и в новоевропейской философской традиции, основоположником которой стал Р. Декарт. Например, И. Кант пишет, что «должно быть *возможно*, чтобы я *мыслю* (здесь и далее курсив авторский. — В.Л.) сопровождало все мои представления» [3, с. 101]. А Э. Гуссерль, развивая эту идею, полагает, что трансцендентальное *ego*, или чистое «я», непосредственно и обладает аподиктическим статусом: «Естественному бытию мира... в качестве самого по себе более первичного бытия предшествует бытие чистого *ego* и его *cogitationes*» [2, с. 78]. Важно понимать, что у обоих авторов речь идет не об эмпирическом «я» (психофизическом единстве, которое составляет предмет изучения психологии), а о чистом «я», которое есть «пустая форма, абсолютно равнодушная к интенсивности сингулярного Я» [6, с. 15], и которое фундирует феноменальный опыт сознания. Тем не менее показательно, что эта инстанция всё равно раскрывается И. Кантом и Э. Гуссерлем в терминах «я».

Возвращаясь же к анализу, можно заключить, что сознание как процесс функционирует в автономном режиме, и «я» для него — вовсе не необходимый, а в некоторых отношениях даже нежелательный элемент. Этот процесс вовсе мог бы не сопровождаться представлением о самости, как это, по-видимому, происходит у подавляющего большинства живых существ, с которыми мы делим одну и ту же эволюционную историю. Не важно, вышиваем ли мы крестиком, ведем ли автомобиль, разгадываем ли кроссворд, играем ли в шахматы, гладим ли кота или проходим полосу препятствий — для выполнения всех этих действий не требуется никакого сопровождающего их *я мыслю*, равно как не нужно каждое мгновение удостоверяться в том, что я такой-то и такой-то. «Я» может проявиться, а может не проявиться в потоке сознания, и, проявившись, оно также может раствориться спустя несколько мгновений.

Помимо того, что «я» не сопровождает большинство актов сознания, есть еще несколько оснований сомневаться в самостоятельном характере самости. Продолжив анализ, можно заметить, что мы способны контролировать лишь незначительную часть активности сознания. Например, мы совершенно не ответственны за любые «внешние» восприятия. Я не могу усилием воли заставить себя воспринимать формы предметов иначе, чем я их воспринимаю. Подобным же образом я вижу цвета, ощущаю вкусы и запахи. Сценарии чувственного восприятия единообразны и повторяемы, и «написаны» они явно прежде возникновения какого-либо индивидуального «я».

Точно так же «я» плохо контролирует свою, казалось бы, вотчину — неповторимый и удивительный «внутренний мир» субъекта, хотя различие между внутренним и внешним достаточно условно, поскольку и то и другое всё равно актуализируется в едином поле сознания. Аналогично с восприятием внешнего мира, «внутренняя жизнь» сознания до известной степени автономна по отно-

шению к «я». Различные акты сознания просто приходят и уходят. Они зарождаются без участия нашего «я» и так же сами собой исчезают, провоцируя возникновение следующих актов сознания. Для примера можно вспомнить любую ситуацию, когда мы испытывали гнев. Обычно в подобных случаях я просто осознаю, что *уже* охвачен гневом. «Я» не присутствовало, когда эта эмоция зарождалась, формировалась и развивалась. По существу, самость пригодна регистрировать уже случившееся, но и после «регистрации» от ее внимания обычно ускользает, как эта же эмоция растворяется. Похожим образом протекают прочие акты сознания: мысли, ощущения, влечения, фантазии, образы. Они зарождаются сами собой и протекают автономно; абсолютное большинство из них, вероятнее всего, даже не попадают в поле зрения «я». Обычно мы уже находим себя охваченными тем или иным состоянием, и эта охваченность есть одно из фундаментальных свойств сознания. В свою очередь, это обстоятельство вновь позволяет усомниться в том, что самость — твердая основа нашего сознания, начальствующая над всеми прочими актами.

Но даже если «я» попытается занять главенствующее положение во внутренней жизни сознания, ему очень скоро на опыте придется убедиться, что активностью сознания чрезвычайно непросто управлять. В качестве эксперимента можно попытаться сконцентрироваться на каком-либо объекте созерцания наподобие собственного дыхания. Если бы мы обладали «я», которое начальствует над всем психическим миром, концентрация не составила бы проблемы, но именно сосредоточить внимание на объекте, даже таком простом и естественном, как дыхание, не получается без должной тренировки — спустя несколько мгновений ум начнет петлять; он будет увлечен новым объектом. По большому счету, так и проходит жизнь «вещи мыслящей»: от одного спонтанно возникшего импульса к другому. Сознательный опыт в каком-то смысле похож на цепную ядерную реакцию, в которой каждый акт сознания порождается предыдущим и сам, в свою очередь, порождает следующий. Мы способны частично корректировать протекание реакции, но никаких «нас» не существовало, когда она началась, и у нас нет возможности по своему произволению ее остановить, поскольку «я» само является побочным продуктом этой реакции.

Тем не менее, акты сознания, которые каждую секунду проносятся мимо мысленного взора, откуда-то приходят, у них должен быть источник, и им никак не может быть самость, «я». В одной из своих лекций Д. Чалмерс [10], описывая сознание, использовал напрашивающуюся метафору кинотеатра. Согласно этой метафоре, нас можно уподобить зрителю в кинотеатре. Этот кинотеатр несравнимо более совершенен, чем любой из реально существующих. «Фильм», который там идет, демонстрируется в высочайшем качестве, которое дополняется различными ощущениями — их дарят нам органы чувств. Но в этом «фильме» присутствуют и воспоминания о прошлом, а также мечты и фантазии о будущем. Удивительным образом в пространстве «кинокартины» я обнаруживаю собственное тело вместе с его переживаниями боли и наслаждения, голода и сытости, тепла и холода, болезни и здоровья. Этот «фильм» как будто бы не имеет начала и конца: я не могу вспомнить, когда он начался, и не могу знать, когда он закончится. Он почти беспрерывен. Паузы между «сеансами» можно обнаружить разве что в те минуты, когда мы спим и не видим сновидений, и не исключено, что это самые блаженные минуты в нашей жизни, потому что именно тогда куда-то исчезает внешний мир, а также растворяется тот, кто мог бы этот мир воспринимать, — то самое «я», а значит, в его отсутствие и претерпе-

вать некому. «Я» подобно кинозрителю еще и в том, что оно не может повлиять на ход сюжета, однако его положение несколько хуже, чем у кинозрителя, о чем будет сказано в своем месте. Хороший фильм так захватывает своим сюжетом, что мы словно даже забываем на время сеанса как о собственном существовании, так и о том, что происходящее на экране — вымысел: в отношении картин, разворачивающихся перед «я», у самого «я», как правило, также отсутствует какая-либо критика.

Однако, если использовать сравнение с кинозрителем, самым интересным вопросом является не вопрос о статусе «я», коль скоро оно только зритель, а вопрос о том, откуда транслируется «фильм», кто управляет «проектором». Сам Д. Чалмерс для ответа на этот вопрос прибегает к «гипотезе расширенного сознания» [8], которая представляет собой один из вариантов панпсихизма. Согласно ей, неправильно полагать сознание свойством мозга: сознание — фундаментальное свойство любой материи, разница заключается лишь в том, что разные материальные объекты обнаруживают разную степень «сознательности», или психической раздражимости. Таким образом, согласно Д. Чалмерсу, весь материальный мир представляет собой в той или иной степени «проектор».

Гипотеза расширенного сознания амбициозна, однако на нынешнем этапе научного развития трудно представить какие-либо условия ее подтверждения или опровержения. В любом случае допустимо предположить, что должна быть какая-то инстанция, которая формирует опыт сознания. Именно она должна из ощущений, которые получают наши органы чувств, сформировать феноменальный опыт — тот «фильм», который мы видим. Из этой же темной для нас области приходят к нам мысли, эмоции и желания. Для удобства самость, или «я», можно назвать «поверхностным умом»¹, а эту инстанцию — «глубинным умом». Последний соединяет восприятия воедино, но сам никогда не воспринимается; актуализирует всякую феноменальную реальность субъекта, но не может быть актуализирован; делает возможным всякий опыт, но не бывает предметом опыта. Посредством «глубинного ума» мы сцепляемся с миром, хотя вернее будет сказать, что он должен быть истечением из этого единого, универсального способа, каким существует мир и который зовется бытием. Здесь не может быть разделения на субъект и объект, на внутреннее и внешнее, потому что эти понятия имеют значение только тогда, когда есть кому различать внутреннее и внешнее, а «глубинный ум» предшествует субъекту с его способностью к различению. Мы не находим возможности наделить эту инстанцию чертами «я», как это делает феноменологическая традиция, и уж тем более говорить, что *«это абсолютное бытие в том смысле, что оно принципиально nulla "re" indigent ad existendum»* [1, с. 150]. Трудно понять, как после редукции эмпирического «я» за ним можно усмотреть какое-либо другое бытие, наделенное свойствами «я». Менее противоречивым было бы представлять инстанцию, сообщающую сознанию связность, как сверхиндивидуальный субъект, но без того, чтобы приписывать ему *я мыслю* в качестве пустой формы, сопровождающей всякий акт сознания. Как отмечает С.М. Кускова, и трансцендентальная аналитика И. Канта, и феноменологический анализ Э. Гуссерля допускают бессубъектное истолкование: если устранить из этих теорий самотождественное чистое «я», в своей

¹ Термин «ум» в принципе представляется более удачным. «Я» отсылает к представлению о постоянной самотождественной сущности, в то время как из проведенного анализа следует, что такой сущности нет. «Ум» же предполагает процессуальность и изменчивость, свойственные мышлению.

основе оба учения остаются жизнеспособными. Исследовательница отмечает, что «безличная нормативная система, регулирующая работу сознания, заменяет чистое Я» [4, с. 46], подразумевая под такой системой, например, мораль как совокупность норм и запретов. Тем самым, фундирующая сознание инстанция может иметь социокультурное происхождение и вовсе обходиться без субъекта, поскольку нормативность морали не страдает от исчезновения отдельного ее носителя. Если же вернуться к тому, что было названо «глубинным умом», то его также правильней было бы представлять бессубъектным. Кроме того, он должен каким-либо образом быть связанным с детерминизмом, пронизывающим материальный мир. Разумным объяснением генезиса этой инстанции можно считать эволюционное, предполагающее, что описанные свойства органическая материя приобретает на определенной стадии своего развития. Однако выяснение происхождения «глубинного ума» не входит в задачи этой статьи.

Теперь, наконец, открывается перспектива ответа на вопрос об антропологическом максимуме. Это исследование началось с указания на то, что всё, что мы можем знать и выразить в отношении него, связано с той его областью, которую люди обычно называют «я». Выяснилось, что позиции «я» достаточно неустойчивы. Чувство самости не сопровождает большинство актов сознания: «я» то проявляется, то снова исчезает. Представление о единстве и постоянстве самости оказывается до известной степени воображаемым и базируется на механизме памяти, которая прошлые и текущие акты сознания атрибутирует одному и тому же носителю. Далее обнаружилось, что «я» практически не контролирует процессуальность сознания как таковую ни во «внешнем», ни во «внутреннем» аспектах. Субъект способен частично корректировать протекание отдельных актов, но он «отсутствует» в момент их зарождения и не властен прервать само их течение. «Я» преимущественно аффицируется различными импульсами, исходящими из иной по отношению к себе инстанции, которая находится вне «зоны видимости» для «я». Эта первичная инстанция была названа «глубинным умом», в то время как самость, в силу свойства охваченности и подчиненности, получила название «поверхностного ума». Сознание человека, таким образом, представляет собой неравновесные, асимметричные отношения между этими инстанциями.

Трагедия субъекта состоит в том, что «поверхностный ум» способен сознавать множество отдельных актов сознания, но принципиально не способен сознать сам процесс сознания. В принципе, из одного только понятия о самости вытекает ее ограниченность, что, однако, не предполагает никакой оценки: мы просто фиксируем, что «я» мыслится как нечто обособленное и представленное много превосходящей тотальности сущего. Но ограниченность самости может драматически оборачиваться осознанием собственной недостаточности, в каком-то смысле даже ущербности. Недостаточность проявляется минимум в двух аспектах: прагматическом и гносеологическом.

В прагматическом аспекте она выражается в описанных выше аффективности, охваченности и вовлеченности. Субъект постоянно влечется импульсами, которые сам не генерирует. Такое положение дел можно назвать «страданием», поскольку страдание — это не только отдельное болезненное состояние тела или духа, но любое претерпевание, любая ситуация, когда субъект аффицирован. Как бы сильно человек ни поддерживал в себе убежденность, что существование — несомненное благо, всё же думается, каждый подспудно ощущает присущую жизни неудовлетворенность — то фоновое беспокойство, которое

мы перманентно испытываем и которое изнашивает нас быстрее любого телесного недуга.

Гносеологический аспект является частным случаем неудовлетворенности. Он связан с невозможностью постичь вещи такими, какими они есть. Всегда сохраняется подозрение, что «поверхностный ум» имеет дело только лишь с проекциями сознания, а не с самими вещами, и что он отделён от мира символической прослойкой, за которой не видно реальности.

Таким образом, оказывается, что представление об ограниченности и недостаточности самости будет порождать неудовлетворенность. Можно предположить, что антропологический максимум проявится в попытке преодолеть такое положение дел. Очевидно, что в любом повседневном, обыденном опыте сознания избыть эту неудовлетворенность невозможно. Значит, необходимо достичь запредельного опыта, что вытекает из самого понятия об антропологическом максимуме как преодолении предполагаемой верхней границы. Не исключено, что такого опыта не существует в принципе. Точно так же возможно, что человек с самого начала отталкивается от неверных представлений в этих вопросах. Например, неудовлетворенность от невозможности адекватного познания мира может оказаться безосновательной, поскольку в таком случае заведомо предполагается, что познающее «я» является какой-то отдельной сущностью, противопоставленной объективному миру, в то время как оно образует с ним неразрывное единство. Трудно представить, как сознание могло бы возникнуть без воздействия среды и как, возникнув, оно могло бы быть оторванным от среды [9]. Беспристрастный феноменологический анализ покажет, что при различении субъекта и объекта отчетливую границу между ними провести нельзя точно так же, как нельзя указать, в какой точке красная часть спектра переходит в оранжевую. В практическом отношении, однако, не важно, насколько верны те или иные представления, поскольку, если человек обнаруживает саму интенцию преодоления недостаточности «я», даже воображаемую, последствия этого в любом случае будут реальными: например, будут сформированы те или иные социокультурные практики.

Итак, в силу того что отношения между «глубинным» и «поверхностным» умом асимметричны, у субъекта нет возможности избыть неудовлетворенность в обыденном опыте сознания. Неудовлетворенность предполагается самой структурой таких отношений, поскольку «поверхностный ум» влечется проекциями, исходящими из «глубинного ума», а это не что иное, как страдательное, причинно-зависимое существование. Значит, необходимо каким-либо образом разорвать цепь аффицирующих воздействий. При этом возможности напрямую повлиять на «глубинный ум» у субъекта нет, поскольку даже существование такой инстанции выводится не из опыта (он невозможен), а лишь на основании анализа протекания доступных созерцанию актов сознания. Стало быть, для того чтобы изменить общую конфигурацию, воздействовать можно лишь на эту «видимую» область.

Наиболее надежной техникой представляется работа с отдельными актами сознания. Ранее говорилось, что, будучи предоставлен сам себе, «поверхностный ум» всё время находит себя охваченным тем или иным состоянием, а зачастую его аффективность столь велика, что он просто не замечает, как акты сознания зарождаются, проявляются и угасают. Он как будто увлечен просмотром «фильма», не задумываясь над тем, как «изображение» проецируется на «экран», и принимая проекции за что-то самостоятельно существующее. Пожалуй, один

из немногих шансов для «поверхностного ума» пресечь аффективность и расфокусированность заключается в том, чтобы начать наблюдать за различными спонтанно возникающими актами сознания и постараться не вовлекаться в них. Нет необходимости даже корректировать волевым усилием протекание актов, ставших предметом созерцания, достаточно просто созерцать. «Поверхностный ум» будет постоянно отвлекаться, но, если быть терпеливым и настойчивым, продолжительность сосредоточения на предмете будет увеличиваться. А это означает, что по мере совершенствования будет сокращаться разрыв между возникновением того или иного акта сознания в «глубинном уме» и его проявлением в «поверхностном уме». Созерцатель понимает, что созерцание тех или иных феноменов вовсе не обязывает его реагировать на них и увлекаться ими. Он должен как бы начать присутствовать в момент зарождения актов сознания, или — если использовать метафору — ему необходимо проникнуть в «киноаппаратную» и остановить «проектор».

Это, конечно, только метафора, потому что, если бы сосредоточение было совершенным, то останавливать «проектор» было бы попросту некому: исчезла бы разница между созерцателем и созерцаемым; исчез бы субъект, который мог бы что-либо различать; разрушился бы сам механизм воздействия «глубинного ума» на «поверхностный». Всё вместе это означало бы достижение антропологического максимума, ведь тем самым была бы пересечена верхняя граница человеческого, граница человеческой сложности, и сам человек как носитель самости исчез бы, «закончился». Представляется, что это максимум того, что человек может сделать со своим сознанием, а быть может, и со своей жизнью.

Необходимость достижения такого опыта, напомним, была продиктована интенцией преодоления неотъемлемо присущей человеческому сознанию неудовлетворенности. Когда субъект растворяется, некому больше страдать и претерпевать. Заслуживает внимания вопрос, остается ли эта потребность индивидуальной или же она имеет коллективное выражение в виде тех или иных социокультурных практик.

В одной из предыдущих работ [5] этот вопрос исследовался. В ней избавление от страдания за счет очищения от всякого личностного содержания в особом опыте сознания было названо «катарсисом». Исследование показало, что в западном социокультурном пространстве было выработано две модели (техники) достижения катарсиса, которые по аналогии с эстетическим учением Ф. Ницше получили условные наименования «дионисийской» и «аполлонической». Обе техники одинаковы по цели (снятию индивидуальных ограничений «я»), но противоположны по методу.

Описанная в этом тексте техника отвечает «аполлонической» модели, поскольку она предполагает аскезу, глубокое сосредоточение и пресечение аффективной деятельности сознания. Ее социокультурным коррелятом на Западе можно считать, например, обожение в исихазме, а на Востоке — медитацию в индийских религиях. В философии схожая концептуализация обнаруживается у Плотина и у целого ряда христианских мистиков.

«Дионисийская» модель также исходит из представлений о недостаточности самости и неудовлетворенности. Однако метод очищения от «я» предполагает не аскезу, а, напротив, максимальную активизацию психофизических функций и достижение экстаза. Добиваясь исступления, субъект как бы переливается через край и преодолевает на время узкие границы своего «я». Для этого он может обращаться к различным средствам: музыке, танцу, опьяняющим веществам.

Примерами этой катартической техники могут служить различные мистериальные культы (Диониса, Аттиса, Адониса и другие), зикр у мусульман, радения различных христианских сект.

Такой способ достижения катарсиса представляется не самым надежным по ряду причин. Во-первых, неудовлетворительное положение субъекта связано с тем, что «поверхностный ум» подвержен аффектам, в то время как эта катартическая практика предполагает максимальную активизацию аффективной сферы. Во-вторых, дионисийство зачастую сопряжено с жестокостью и деструктивным поведением (в том числе аутодеструктивным). Именно поэтому по мере возрастания цивилизованности «дионисийские» элементы практики часто заменяются «аполлоническими»: например, вместо кровавых жертвоприношений может приноситься символическая жертва. В некоторых случаях наблюдается смешение обеих техник катарсиса: так, в суфизме можно обнаружить и очистительную «аполлоническую» аскезу, и «дионисийскую» по своей сути церемонию «сама». В-третьих, любой экстаз заканчивается, а значит, субъекта ожидает возвращение к прежнему соотношению сил между «глубинным» и «поверхностным» умом. При этом в экстатическом состоянии человек получает необычный опыт, к которому может развиться привязанность, и не стяжает никаких добродетелей и навыков, позволяющих в долгосрочной перспективе корректировать аффективность сознания, как это происходит в случае с «аполлонической» техникой, способствующей сохранению осознанности и в повседневной жизни. Тем не менее и «дионисийская» модель может быть отнесена к антропологическому максимуму, поскольку она также предполагает достижение запредельного опыта сознания, в котором разрушаются индивидуальные границы самости.

Обозревая обе модели катарсиса, можно заметить, что почти все они так или иначе оказываются насыщены религиозной мистикой, что неудивительно — в силу запредельного характера такого опыта. Современная западная культура, будучи материалистической в своей основе, к такому типу переживаний относится настороженно, связывает его с опасностью и в основном не приветствует. Тем не менее — представляется, что, несмотря на имеющиеся в обществе ограничения, сама потребность в избавлении у людей остается. Если рассматривать современное социокультурное пространство, интенцию вырваться из оков самости мы обнаружим в таких разнородных феноменах, как экстремальные виды спорта, различные школы йоги и медитации, рейвы, практики медикаментозного и немедикаментозного достижения измененных состояний сознания, психотехники (например, ребефинг или холотропное дыхание). Можно отметить, что в отсутствие легитимных институтов практическая реализация этой интенции действительно может приобретать опасные и деструктивные формы. Это означает, что, возможно, современная цивилизация стоит перед необходимостью создания новых институализированных катартических практик, в которых мог бы достигаться антропологический максимум теми, кто в нем заинтересован.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. — М.: Академический Проект, 2009. — 489 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. — СПб.: Наука, 2006. — 316 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. — СПб.: Наука, 2008. — 608 с.

4. Кускова С.М. Проблема нормативности сознания без субъекта // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — Т. I, № 4. — С. 38–58.
5. Лапатин В.А. Две модели катарсиса в культурной традиции Европы // Дискурс. — 2019. — № 3. — С. 12–23.
6. Сухачев В.Ю. Опыт сознания и действительность Другого // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. — 1998. — Выпуск 3 (№ 20). — С. 14–18.
7. Юдин Б.Г. Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Вопросы социальной теории: Научный альманах. — 2011. — Т. V. Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности. — С. 102–118.
8. Clark A., Chalmers D.J. The Extended Mind // Analysis. — 1998. — 58, no. 1. — P. 7–19.
9. Rowlands M. Externalism: Putting Mind and World Back Together Again. — London: Acumen, 2003. — 240 pp.
10. Chalmers D.J. TED Lecture: How do you explain consciousness? — URL: <https://www.pressenza.com/2014/07/ted-lecture-explain-consciousness/> (accessed 02.05.2020).

ФИЛОСОФИЯ И НЕ-ФИЛОСОФИЯ:
ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ

PHILOSOPHY AND NON-PHILOSOPHY:
THE PROBLEM OF DEMARCATION

ВОРОНЦОВ Евгений Алексеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и философии МГТЭУ (e-mail: evg-v@yandex.ru)

VORONTSOV Evgeny Alekseevich — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Philosophy of MGGEU (e-mail: evg-v@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена обоснованию концепции самобытности философского познания. В работе дается целостное дифференцированное представление о его предмете, методе и цели; выявляется специфика философских учений, обусловленная их культурно-историческим контекстом; определяются черты сходства и различия философского мирозерцания с иными формами постижения реальности (наукой, религией, обыденным сознанием).

Ключевые слова: философия, наука, религия, обыденное сознание, онтология, гносеология, этика, Платон, Аристотель, Гегель, Хайдеггер.

Abstract. The article is devoted to the justification of the concept of originality of philosophical world-outlook. The paper provides a complete differentiated view of its subject, method and purpose; shows that the teachings are conditioned by their cultural and historical context; defines the similarities and differences between the philosophical worldview and other forms of understanding of reality (science, religion, everyday consciousness).

Keywords: philosophy, science, religion, everyday consciousness, ontology, gnoseology, ethics, Plato, Aristotle, Hegel, Heidegger.

Философия — одна из древнейших и титулованных областей знания. Ее по праву называют праматерью наук, любовью к истине, началом и концом мудрого устройства жизни. Со времени первых университетов и по настоящий момент изучение философии рассматривалось в качестве неотъемлемого компонента общего и высшего профессионального образования. Фундаментальное положение философии в системе социально-гуманитарных знаний (в их методологическом и мировоззренческом аспектах) общепризнано. Весома роль философии в обосновании религиозных, этических, эстетических и идеологических концепций. Однако, несмотря на столь внушительный реестр выполняемых функций, философия — в ее сущностном измерении — остается одной из самых трудноопределимых и сложных сфер знания. Неудивительно, что для подавляющего большинства людей она ассоциируется с чем-то непонятным, туманным, а то и вовсе пустым и даже вредным.

Отчасти в этом «виноваты» сами мыслители, определяющие сущность своей деятельности далеко не однозначно. Но дело не только во внутреннем содержании философии. Ситуация усложняется преобладанием неадекватных подходов, к этому содержанию применяемых. Как правило, в современной научной и учебной литературе, прямо или косвенно затрагивающей вопрос о природе

философский познания, чаще всего используются следующие три объясняющие модели.

1. Термин «философия» специально не уточняется, но толкуется произвольно, исходя из общепринятых обыденных представлений и субъективных установок того, кто этим понятием оперирует. Закономерно, что при указанном подходе философия оказывается бессмысленным конгломератом разношерстных мнений, и ни о каком знании (не говоря уже о знании научном) в данном случае не может быть речи.
2. В качестве руководящего принципа для уточнения термина «философия» исходят из безусловной истинности того или иного учения. Например, у нас в стране не одно десятилетие таковым служил так называемый «диалектический материализм». В наши дни задают тон приверженцы постмодернизма. Однако всё многообразие философских учений посредством одной-единственной системы координат охвачено быть не может, даже если речь идет о таких фундаментальных учениях, как неоплатонизм, тоизм или гегельянство, не говоря уже о течениях меньшего калибра.
3. Термин «философия» рассматривается в качестве видового по отношению к более общим понятиям, таким как «форма познания», «наука» или «мировоззрение». К примеру, у нас в стране не одно десятилетие «философия» определялась как «наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления» [17, с. 726]. Но подобные определения неминуемо обречены быть «круговыми», поскольку опорные понятия, в них фигурирующие, существуют не изолированно, но обретают смысл в рамках изначально заданной системы философских взглядов. Причем в различных системах смысл этот может определяться по-разному. Скажем, тот же термин «наука» в диалектическом материализме и кантианстве понимается далеко не одинаково.

В настоящей работе обосновывается концепция принципиальной самобытности философского познания. Для реализации поставленной цели в нижеследующих рассуждениях освещаются такие вопросы: первоначальный смысл слова «философия», предмет и метод философских исследований, их культурно-историческая обусловленность, сходство и различие философии с иными формами восприятия и интерпретаций сущего. Решая очерченные задачи, мы не будем отдавать предпочтение какому-либо одному учению, рассматривая его в качестве истины в последней инстанции, но будем опираться (насколько это возможно и необходимо) на всю традицию западной философской мысли в ее целостности.

Слово «философия» введено в европейскую культуру древнегреческим мыслителем Пифагором (VI в. до н.э.). Так он назвал особое мировосприятие, сердцевину которого составляла любовь к мудрости (от *греч.* *φιλέω* — люблю, *σοφία* — мудрость). Создавая это понятие, Пифагор обращает внимание на то, что философ — не мудрец, ибо не обладает мудростью, а лишь стремится к ней. «Пифагор назвал свое учение любомудрием, не мудростью. Упрекая семерых мудрецов, он говорил, что никто не мудр, ибо человек по слабости своей природы часто не в силах достичь всего, а тот, кто стремится к нраву и образу жизни мудрого существа, может быть подобающе назван любомудром» [8, с. 338]. Уточняя своеобразие философского мировосприятия, Пифагор отмечает: «Жизнь подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные торговать, а самые счастливые — смотреть; так и в жизни иные, подобные рабам, рождают-

ся жадными до славы и наживы, между тем как философы — до единой только истины» [8, с. 338].

Двигаясь в русле пифагорейской традиции, Сократ утверждает, что философией занимаются «те, кто находятся посредине между мудрецами и невеждами» [13, с. 114]. Мудрецы обладают мудростью и знают об этом. Невежды думают, что обладают. Философы не имеют мудрости, но, в отличие от невежд, знают об этом. Большинство людей является невеждами. Таким образом, Пифагор и Сократ солидарны не только в том, что человек истиной не обладает, но и в том, что философия есть знание элитарное.

Итак, философия в своем первоначальном значении есть любовь к мудрости. Однако было немало учений, в контексте которых понятия «философия» и «мудрость» (т.е. абсолютное достоверное знание) трактовались как термины взаимозаменяемые. Например, Аристотель определяет философию как науку об определенных началах и причинах» [1, с. 119]. Аналогичной установки придерживается Гегель: «Моим намерением было — способствовать приближению философии к форме науки — к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени *любви к знанию* и быть *действительным знанием*» [5, с. 284].

Противоборство пифагорейской и аристотелевской традиций понимания философии проходит через всю историю европейской мысли [12, с. 34–65]. Интересно, что каждый из подходов по-своему оправдан. Подавляющее большинство известных нам учений преподносятся их создателями как безусловно и окончательно истинные, однако множество таковых учений свидетельствует о том, что в философия истину ищет, а не обладает ею.

В начале настоящей работы обращалось специальное внимание на социальную востребованность и многофункциональность философской мысли. Но сводить внутреннее содержание философии к решению выполняемых ею внешних задач было ошибочно. Посмотрим, что говорят о сущности своей деятельности сами философы.

Аристотель определяет философию как особую науку, которая исследует общую природу существующего, вне зависимости от его многообразных частей и проявлений. Отдельные виды сущего составляют предмет внимания частных наук [1, с. 119].

Согласно Канту, все философские рассуждения в конечном счете «вращаются» вокруг трех фундаментальных идей: идеи Бога, идеи души, идеи мира.

Осмысление идеи мира, в свою очередь, порождает следующие вопросы.

Имеет ли мир начало во времени и пространстве?

Существуют ли атомы или материя делится до бесконечности?

Существует ли свобода или всё совершается по необходимости?

Предполагает ли мир существование Бога или мир самодостаточен? [9, с. 215–385].

Хайдеггер трактует философию как «вопрошание», стремящееся охватить целое и требующее пересмотра представлений о самом познающем [19, с. 333].

В самом общем виде весь комплекс вопросов относительно устройства целого и места в нем человека может быть распределен по трем основным разделам: учение о реальности (онтология), учение о познании (гносеология), учение о нравственности (этика). Традиция трехчастного деления предметов философских раздумий сложилась еще в школе Платона. Им пользовались практически все эллинистические мыслители. Кант признавал это деление «соответствующим природе вещей» [10, с. 221].

Основным вопросом онтологии (от *греч.* ὄν — сущее) является вопрос о том, что есть основа (сущность) всех вещей. Если всё имеет причину и следствие, а все окружающие нас вещи постоянно изменяются, то должно быть нечто первое, служащее основой указанных изменений. При этом первое не возникает. Ведь возникающее первым как таковым быть не может. В противном случае придется признать, что все, с одной стороны, возникает из ничего, а с другой — в ничто исчезает. Однако такое допущение находится в явном противоречии с законами мышления и свидетельствами чувств.

Как явствует из вышесказанного, предпосылкой основного вопроса онтологии является основополагающий для теоретической и практической деятельности человека принцип причинности. В подавляющем большинстве случаев человек довольствуется локальным применением данного принципа, ограничиваясь нахождением ближайших причин интересующего его явления. Философ же ищет ответ на вопрос о сущности первой причины всего происходящего.

Подчеркивая фундаментальное значение данного принципа для классической философии, приведем рассуждения двух ее крупнейших представителей. В диалоге «Тимей» Платон пишет: «То, что постигается с помощью размышления и рассуждения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле. Однако всё возникающее должно иметь какую-нибудь причину» [15, с. 432]. Аналогичный ход мысли мы встречаем у немецкого мыслителя Лейбница. «До сих пор я говорил просто как физик; теперь нам следует подняться на высоту метафизики [философии], пользуясь великим принципом, к которому обыкновенно редко прибегают и который гласит следующее: ничего не делается без достаточного основания, т.е. не происходит ничего такого, для чего нельзя было бы при полном познании вещей указать основания, достаточного для определения, почему это происходит так, а не иначе» [11, с. 408].

В зависимости от характера ответов на вопрос о первоначале всех вещей многочисленные философские учения могут быть сведены к двум главным позициям, между которыми и располагается широкий спектр промежуточных точек зрения. Первая позиция — материалистическая, вторая — идеалистическая. С точки зрения материализма основанием всего сущего является вещество. Идеализм утверждает, что неформленного вещества не бывает и существующий в действительности порядок сам по себе возникнуть не может. Причина этого порядка — совокупность идей, составляющих содержание мирового разума. Конкретизируя смысл идеалистической позиции, обратимся, подобно самим приверженцам этой позиции, к примерам из математики. Возьмем, скажем, положение $2+2=4$. Сохранит ли оно свою истинность, если не будет ни ума, который эту формулу мыслит, ни вещей, к которой мы ее прикладываем? Значительная часть людей, являющихся стихийными материалистами, ответит на этот вопрос отрицательно. А для представителей идеализма эта и подобные ей истины существуют самостоятельно и не зависят ни от ума, ни от вещей. Более того, ум и вещи сами подчиняются этим самым истинам.

Главной проблемой гносеологии (от *греч.* γνῶσις — познание) является вопрос о том, как соотносятся наши представления о действительности с самой действительностью. Догматики (от *греч.* δόγμα — учение) утверждают, что действительность познаваема, т.е. мир такой, каким мы его воспринимаем. Согласно этой позиции, наши познавательные способности подобны зеркалу, без искажений отражающему объективное положение дел. Подавляющее большин-

ство людей — стихийные догматики. Впрочем, догматизм господствует и среди философов.

Эта позиция оспаривается агностиками (от *греч.* ἀ — отрицательная приставка, γνῶσις — познание). Агностики отрицают возможность приобретения объективных знаний. Знать вещь объективно невозможно, ибо воспринимая ее, мы «вкладываем» в нее наши собственные свойства. Говоря языком Канта, человек всегда обречен иметь дело не с «вещью-в-себе», а с «вещью-для-нас». Например, согласно тому же Канту, пространственно-временные характеристики окружающих нас предметов на самом деле не объективны, а субъективны, т.е. без познающего не существуют. Итак, с точки зрения агностицизма мы смотрим в мир через наши познавательные способности, и освободиться от их влияния невозможно. В рамках современной физики данная проблема известна как «эффект наблюдателя».

Наконец, третья позиция представлена скептиками (от *греч.* σκέπτομαι — исследую, ищу). Скептики резонно полагают, что дать однозначный ответ о познаваемости вещей невозможно. Для того чтобы решить, соответствуют ли наши представления действительности или не соответствуют, мы каким-то образом должны сравнить «вещь-в-себе» с «вещью-для-нас». Но сделать это никому из людей не под силу. Вопреки догматикам и агностикам, скептики настаивают на том, что ни в чувственном опыте, ни в мышлении незыблемых положений обнаружить не удастся, поэтому все наши рассуждения в лучшем случае лишь правдоподобны.

Здесь мы должны сделать одно отступление и задержать внимание еще на одной гносеологической позиции, без уразумения которой легко упустить интригующую сложность разбираемой проблемы. И хотя в некотором отношении эта позиция близка взглядам агностиков и скептиков, она заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Впервые в явном виде интересующая нас точка зрения была сформулирована и обоснована софистами — греческими мыслителями V века, пришедшими на смену натурфилософам.

Согласно софистической картине мира, фундаментальная гносеологическая проблема — проблема различения истины и мнения — на самом деле никакого значения не имеет. Так, согласно Протагору, всякое познание базируется на чувственном опыте, но чувственный опыт всегда субъективен и напрямую зависит от состояния воспринимающего, например, один и тот же ветер холоден для человека без плаща и тепл для человека в плаще. А раз так, значит, всякое основанное на свидетельствах чувств мнение всегда субъективно и относительно, что, однако, не мешает ему быть истинным для тех, кто его придерживается. Что же касается так называемых объективных знаний, то таковых просто нет, как нет и самой объективной реальности. «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» [16, с. 72].

Переключка релятивизма софистов с воззрениями скептиков и агностиков очевидна. Но есть и существенные отличия. Скептики и агностики — теоретики. Софисты — люди практичные. Дело в том, что для софистов знание самодостаточной ценностью не обладает, а является средством достижения тех или иных материальных и социальных благ. Тот, кто умеет манипулировать взглядами других людей (или, говоря современным языком, владеет в совершенстве различными PR-технологиями), извлекая из этого собственную выгоду, и должен быть признан настоящим мудрецом.

Уже со времен Сократа слово «софистика» приобретает сугубо негативное звучание, а ее изобличение становится одной из программных задач философии. Платон посвящает исследованию софистики одно из главных своих произведений («Софист»), где приходит к выводу, что софист в отличие от философа имеет дело не с бытием, а с небытием [14, с. 324]. Уточняя данное положение Платона, Аристотель говорит о том, что софист, рассматривая то или иное явление, фиксирует не существенное и необходимое, а второстепенное и случайное [1, с. 183]. Показательно, что в оценке данного феномена философы опираются на то самое различие подлинного и мнимого, которого софисты всеми возможными способами хотят избежать. Люди, неискушенные в тонкостях интеллектуальной культуры, об этом не догадываются и считают все рассуждения на общие темы корыстной субъективной болтовней, солидаризуясь, таким образом, с теми же софистами.

Онтология и гносеология составляют содержание теоретической философии. Практическая часть философии называется этикой. Слово «этика» происходит от существительного ἦθος, которое переводится как «местопребывание», «нрав», «характер», «привычка». Основной вопрос этики — «Что ведет человека к благу?» Сразу обратим внимание, что подавляющее большинство современных людей искренне убеждено в том, что общезначимого ответа на данный вопрос не существует, т.е. придерживается в данном вопросе позиции софистической. Напротив, классическая философия решает данную проблему догматически, выдвигая в качестве основных три позиции. Гедонизм (от *греч.* ἡδονή — наслаждение) отождествляет благо с получением отфильтрованных разумом удовольствий (Эпикур). Приверженцы аскетизма (от *греч.* ἄσκησις — упражнение) связывают благополучие человека со степенью его добродетельности (стоики). Наконец, согласно третьей позиции, подлинным смыслом жизни человека как существа разумного является познание (Аристотель).

Итак, философия занимается проблемами фундаментальными и вместе с тем вполне конкретными. Рассуждения, в которых указанные проблемы не только не ставятся, но даже не осознаются, едва ли могут быть названы философскими. Широко распространенные в современной научной литературе случаи «привязки» философии к отдельным фрагментам реальности («философские основания биологии», «философия неоконсерватизма», «философия здорового образа жизни») требуют уточнения и, как правило, оказываются дезинформирующими и бесосновательными.

Наряду с вниманием к вопросу об устройстве целого, другой основополагающей чертой философского мировосприятия является неизменная опора на мышление. «Естественный свет разума», как правило, противопоставляется непосредственному чувственному опыту, религиозному авторитету, общепринятым социальными установками. Это вовсе не значит, что перечисленные элементы в философии не встречаются. Напротив, в большей или меньшей степени скрыто или явно они присутствуют в любой философской системе. Но их включение должно быть оправдано доводами разума. Например, на протяжении всего существования философии обсуждается вопрос, можно ли доверять непосредственному чувственному опыту. Те немногие мыслители, кто отвечает на этот вопрос утвердительно, вынуждены искать для этого рациональные основания: мол, если не доверять свидетельствам чувств, не будет никакого познания. Или другой пример. В Средние века исходили из представления о целесообразности гармонии веры и разума, что, в свою очередь, подкреплялось вполне рациональ-

ным доводом: можно и нужно опираться на Писание, поскольку собственными силами разум познать истину не может.

Но и это не всё. В рамках философии критическому переосмыслению подвергаются не только элементы иррациональные. Через горнило рефлексии должно пройти само мышление. В данном случае достаточно указать на один из главных трудов всей классической философии — «Критику чистого разума» Канта. Любопытно, что во многих древних культурах символом мудрости выступала кусающая себя за хвост змея.

Раскрывая сущностные характеристики философского познания, необходимо также сказать о том, что ни одно философское учение не существует изолированно, но возникает и функционирует в рамках определенного культурно-исторического контекста, вне связи с которым оно адекватно воспринято и оценено быть не может.

Наиболее возвышенное представление о философии характерно для Античности (VI в. до н.э. — VI в. н.э.). Во-первых, философия выступает здесь как свободный образ жизни. Вдумаемся в знаменитую фразу Аристиппа, под которой могли бы подписаться и другие античные мыслители: «Отмените все законы — философ будет жить так же». Это значит, что в своих поступках философ руководствуется не внешним принуждением, а внутренними целями и мотивами и в этом смысле является человеком свободным. Во-вторых, в Античности философия выступает как высшее знание, дающее ответы на все вечные вопросы, начиная с представления о возникновении вселенной и заканчивая критерием различения добра и зла.

В Античности философия служит не просто суммой всех рациональных знаний, но одновременно является их вершиной. Наиболее ясно и последовательно эта позиция представлена в учении Аристотеля. С одной стороны, он отождествляет «философию» с наукой вообще, а с другой — трактует как специфическую область знаний о мире в целом. Аристотель утверждает, что все науки необходимы, но ценнее нет ни одной. Яркий образ, подчеркивающий превосходство философских знаний, дает другой античный мыслитель — софист Горгий. Тот, кто не восходит к философии, останавливаясь на изучении частных дисциплин, подобен женихам Пенелопы, которые, не добившись руки супруги Одиссея, вынуждены довольствоваться ее служанками.

В Античности философия возвышается не только над частными науками, но и над самой религией. Показательно, что вразумительный ответ на вопрос о том, что такое божественное, мы находим не у поэтов (выразителей религиозных взглядов греков), а именно у философов. При этом греческие мыслители, не отрицая существования богов, не устают изобличать несуразности народной веры. Впоследствии многие из доводов греческих философов с успехом применялись христианскими мыслителями в ходе их идейной борьбы с язычеством.

Если в Античности философия выступает как законодатель и арбитр интеллектуальных и нравственных ценностей, то в рамках культуры средневековой (I–XIV вв.) ей отводится скромное место «служанки богословия». Кардинальное изменение роли философии было обусловлено утверждением новой картины мироздания, сформировавшейся в результате победы христианства над язычеством.

В духе античной традиции философия понимается здесь как суммирующая наука, с одной стороны, и одновременно как высшая из естественных наук — с другой. Теперь, однако, она лишается права выступать в качестве источника

и критерия истины. Таковыми являются Библия и разработанное на ее основе отцами Церкви христианское богословие. Роль путеводительницы жизни также переходит к религии.

Начиная с эпохи Возрождения, философия дистанцируется от религии и связывает свою судьбу с успешно развивающейся наукой, которая становится для мыслителей этой эпохи главным объектом изучения и подражания. В то же время философия по-прежнему трактуется как суммирующая наука, с одной стороны, и высшая из них — с другой. Этой точки зрения придерживались и основоположники новой философии — Декарт и Бэкон. В то же время появляется осознание, что философии недостает точности и практичности, характерных для частных наук. Декарт объявляет ориентиром философии математику, Бэкон — физику.

Вопрос о соотношении философии и религии решается в духе отвергаемой в Средние века концепции двух истин, согласно которой истины философии, основанные на разуме, — это одно, а истины религии, основанные на вере в Откровение, — это другое. Двоевластие продолжается до XIX столетия. Гегель объявляет высшей инстанцией человеческий разум и отдает пальму первенства философии. Последняя понимается традиционно и как сумма всех наук, и как высшая из них. По степени приближенности к истине далее следуют религия и искусство. Но впечатляющие достижения частных наук и вера в прогресс становятся основанием иной иерархии ценностей. В лице Конта позитивизм заявляет, что в своем развитии человечество проходит три стадии: религиозную, философскую, научную. При этом вся предшествующая философия никоим образом считаться наукой не может.

Начиная с XX в. философия сосредотачивает свое внимание на фундаментальных проблемах человеческого существования и культуры, а также вопросах теории познания. Проблемы происхождения и устройства мироздания, которыми традиционного занималась философия, передаются в ведение частных наук, главным образом физики и биологии. Меняется и отношение к самой науке. Еще раздаются призывы к перестройке философии по образцу «строгой науки» (Гуссерль). Однако культ науки, характерный для подавляющего большинства философов XVII–XIX вв., уходит в прошлое. Представители ряда учений XX столетия (философия жизни, экзистенциализм) рассматривают саму идею приравнивания философии к науке как не только неосуществимую, но и в корне ложную [19, с. 328].

При общем взгляде на смену философских эпох обращает на себя внимание невозможность интерпретировать последнюю в линиях детерминированного прогресса. Каждая из эпох составляет замкнутую самодостаточную мировоззренческую систему, которая должна пониматься из своих собственных оснований.

На протяжении всей своей истории философия находится в неразрывном взаимодействии с наукой и религией.

В самом общем виде наука есть система общезначимых проверяемых знаний, направленных на методическое описание и объяснение существенных связей, присущих явлениям определенной предметной области. В зависимости от цели и глубины проникновения в исследуемую сферу сущего науки делятся на описательные и номотетические (от *греч.* νόμος — закон). Описательные науки сосредоточены на фиксации и систематизации определенных фактов. Номотетические науки претендуют на открытие законов, этими фактами управля-

ющих. С известной долей условности можно сказать, что описательные науки отвечают на вопрос «что?», а номотетические — на вопрос «почему?» Своеобразие выводов, фиксируемых номотетическими науками, заключается в присущей этим выводам необходимости. Необходимым, в свою очередь, является «то, что иначе быть не может» [1, с. 183]. Необходимость научных утверждений основывается либо на фактах (физика, биология), либо на базовых принципах мыслительной деятельности (математика, логика). Примером положений, фиксирующих фактическую необходимость, могут служить законы механики Ньютона или законы наследственности Менделя. Примеры утверждений, необходимых логически: «Катет меньше гипотенузы», «Если X есть Y, а Y есть Z, то X есть Z». Обратим внимание, что суждения, утверждающие иное, противоречивы логически и не осуществимы фактически. Вопрос о степени научности гуманитарных знаний (в их номотетической части) является дискуссионным.

Как и наука, философия опирается на естественные познавательные способности человека и стремится быть общезначимой и доказательной. Но если в науках мы эту общезначимость и доказательность имеем, в области философии эти параметры являются, скорее, идеалами, а не реалиями. Последнее обстоятельство не отменяет того факта, что многие философы, будучи догматиками, полагали, что провозглашаемые ими философские истины обладают стопроцентной достоверностью и ни в чем не уступают положениям научным. Чаще всего примерами таковых истин служат закон недопустимости противоречия и принцип причинности (Аристотель, Лейбниц). Но, опять же, есть философы, которые указанные положения в качестве универсальных истин не признают (Кант, Гегель).

Другое существенное отличие философии от науки заключается в различии предметных областей [3, с. 113]. Обратим внимание, что не существует науки вообще, есть множество конкретных наук, каждая из которых исследует свой набор объектов. По меткому замечанию Бердяева, «науки нет, есть науки» [2, с. 67]. Иными словами, наука всегда фрагментарна [20, с. 1260]. Научного знания об универсуме в его целостности быть не может. Начиная рассуждать об устройстве целого, мы попадаем в область философии.

Наряду с наукой другим неизменным спутником философии является религия. Религия (от *лат.* *religio* — соединяю) — особая деятельность, исходящая из признания сверхъестественной мироуправляющей силы и возможности установления связи с ней. Религиозное сознание воспринимает эту силу как более реальную и значимую, чем сфера явлений естественных. Религия, как и наука, невозможна без определенных знаний. Но знания эти предполагают доверие опыту избранных. Основу указанных знаний составляет Откровение [21, с. 457–459]. По отношению к философии религия, точно так же как и наука, может выступать и в качестве союзника, и в качестве противника.

И для религии, и для философии непреходящее значение имеют два взаимосвязанных вопроса — первопричина мира [4, с. 152] и смысл человеческой жизни. Первый из вопросов составляет предмет внимания онтологии, второй — этики. Научного (т.е. проверяемого и общезначимого) ответа на эти два вопроса не существует. Нередко встречающиеся представления, что таковые ответы имеются или обретутся в будущем, могут служить примерами наивной веры.

Таковы пункты родства философии и религии. Но есть и существенные различия. Во-первых, сфера философских знаний значительно шире знаний религиозных. Например, вопросы теории познания, имеющие важнейшее значение

для философии, для религиозного сознания интереса не представляют. Вторых, как уже говорилось, религия предполагает опору на авторитет. Философия же — это область свободного мышления. Здесь тоже есть свои авторитеты (Платон, Аристотель, Кант, Хайдеггер), но они могут оспариваться, в чем легко убедиться в ходе знакомства с эволюцией философской мысли. В-третьих, философия истину ищет, религия же исходит из установки, что она уже найдена, осталось к ней приобщиться.

Посмотрим, как решается вопрос о соотношении философии с наукой и религией в рамках истории европейской мысли.

Философия — высшая наука, совпадающая по основному предмету с учением о Боге (теологией), но отличающаяся более совершенным методом (Аристотель, Спиноза, Гегель [6, с. 331]);

Философия — высшая из естественных наук, тождественная по основному предмету с теологией, но характеризующаяся менее совершенным методом (Августин, Фома Аквинский [18, с. 826]);

Философия — естественная наука, не имеющая ничего общего с теологией и тождественная другим дисциплинам по своему методу и предмету (Бэкон, Гоббс [7, с. 79]);

Философия — наукообразное заблуждение относительно сверхчувственных идей, таких как Бог, душа, мир (Юм, Кант);

Философия — несовместимая с религией методология научного познания (позитивизм);

Философия — самобытное мировосприятие, родственное по своему предмету религии и отличное по методу и предмету от науки (Ясперс, Хайдеггер [19, с. 328]).

Разбирая вопрос о специфике философского сознания, необходимо также обратить внимание не его соотношение с сознанием обыденным.

С одной стороны, бытует представление о том, что стремление к философствованию есть неотъемлемая характеристика всякого человека как существа разумного, который в своих словах и действиях всегда руководствуется определенной мировоззренческой матрицей. Есть даже такое выражение: «У каждого своя философия». Другим доводом в пользу тезиса «каждый человек — философ» служит наша повседневная речь. Последняя обильно пересыпана сентенциями общего характера («Всё относительно», «Что не делается — всё к лучшему», «Всё течет — всё меняется», «Не всё таково, каким кажется» и т.д.), которые могут легко квалифицироваться как свидетельства той или иной философии.

С другой стороны, сами мыслители, т.е. те, кто являются философами не в переносном, а в прямом смысле этого слова, с приведенным выше ходом мысли категорически не согласны и настаивают на том, что «охота за мудростью» — занятие сугубо элитарное, для обычного человека недоступное. «Большинство людей не могут быть философами, — утверждает Шопенгауэр. — Это объясняется тем, что конкретное, отдельное в явлениях, разнообразие опыта своею кажущейся реальностью так приковывает их внимание, что им, как ребенку, покинутому няней, страшно отвлечься для рассмотрения целого; они как будто боятся что-то пропустить, если оставят на время поток действительности. Философу, напротив, страшно именно оставаться в этом потоке отдельных явлений, и, как у обыкновенных людей не хватает терпения каждый раз отрывать-ся от частного для рассмотрения целого, так у философа не хватает терпения

рассматривать частное, не узнав, что такое целое» [20, с. 1242–1243]. Но дело не только в различии предмета внимания. Не менее важно другое. Как отмечалось выше, основной инструмент философского познания — рефлексия, или контролирующее себя мышление. Напротив, обыденное сознание руководствуется в своих выводах данными непосредственного чувственного опыта, господствующими социальными установками, личными предпочтениями. Проблема истинности указанных ориентиров в данном случае не ставится и не осознается. По своей сути обыденное сознание догматично.

Другая существенная особенность последнего — практическая направленность. Обыденное сознание озабочено выживанием человека как существа биосоциального. Напротив, в философском восприятии происходящего преобладает компонент созерцательности и даже отрешенности. Интересующий нас момент отчетливо представлен в приведенной выше пифагорейской метафоре жизни как соревнования: там, где всех интересует нажива или слава, философ движим стремлением к бескорыстному пониманию. Недаром во все времена занятие философией воспринималось большинством как дело праздное и бесперспективное. Философы, со своей стороны, тщательно разделяют «ценное» и «необходимое» и усматривают в заикленности на последнем признак внутренней несвободы.

Подведем итоги. Исходя из многовековой истории философской мысли, в качестве ее отличительных особенностей следует выделить следующие характеристики:

- сфокусированность на решении фундаментальных вопросов;
- опора на рефлекслирующее мышление;
- несовместимая с релятивизмом убежденность в возможности рационального постижения истинного положения дел;
- не допускающие абстрактных подходов взаимозависимость и конкретность утверждаемых положений;
- обусловленность культурно-историческим контекстом;
- препятствующие догматизму открытость и динамизм.

Осознание принципиальной самобытности и многомерности философского познания блокирует возможность сведения последнего к иным объясняющим моделям и создает необходимые предварительные условия аутентичного восприятия его результатов.

Список литературы

1. *Аристотель*. Метафизика // Сочинения: в 4 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1976.
2. *Бердяев Н.Н.* Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989.
3. *Гегель В.* Лекции по истории философии. Книга первая. — СПб.: Канон, 1993.
4. *Гегель В.* Наука логики. — М.: Мысль, 1999.
5. *Гегель В.* Феноменология духа // Антология мировой философии. Т. 3. — М.: Мысль, 1971.
6. *Гегель В.* Философия религии: в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1977.
7. *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1989.
8. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М.: Танаис, 1995.

9. *Кант И.* Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994.
10. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Сочинения: в 6 т. Т. IV. Ч. 1. — М.: Мысль, 1965.
11. *Лейбниц В.Г.* Собрание соч.: в 4 т. Т. 1. — М.: Мысль.
12. *Майоров Г.Г.* София. Эпистема. Технема // Философия как искание Абсолюта. — М.: УРСС, 2004.
13. *Платон.* Пир // Собрание соч.: в 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1993.
14. *Платон.* Софист // Собрание соч.: в 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1993.
15. *Платон.* Тимей // Собрание соч.: в 4 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1994.
16. *Секст Эмпирик.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1976.
17. *Философский энциклопедический словарь.* — М.: Мысль, 1983.
18. *Фома Аквинский.* Сумма теологии // Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 2. — М.: Мысль, 1969.
19. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики // Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1993.
20. *Шопенгауэр А.* Новые афоризмы // Мир как воля и представление. — Минск: Харвест, 1999.
21. *Ясперс К.* Философская вера // Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991.

НАУЧНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В.И. ВЕРНАДСКОГО
И ФИЛОСОФИЯ А. БЕРГСОНА

SCIENTIFIC METHODOLOGY OF V.I. VERNADSKY
AND PHILOSOPHY OF A. BERGSON

АЛЕКСАНДРОВ Илья Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (e-mail: ilyamir67@yandex.ru)

ALEKSANDROV Ilya Yurevich — Candidate of Philosophical Science, Associate Professor of Department of Theory and History of Culture of Saint Petersburg State University of Culture (e-mail: ilyamir67@yandex.ru)

Аннотация. Полемика о том, был ли В.И. Вернадский философом или только ученым, остается актуальной. Научное мировоззрение Вернадского испытало влияние философии А. Бергсона. Задача данной статьи показать, что влияние философии Бергсона распространяется также и на научную методологию Вернадского. В статье показано, что эмпирические обобщения были только методологическим идеалом создателя биогеохимии. Научные воззрения Вернадского в разной мере пронизаны метафизикой. В статье продемонстрировано, что Вернадский, как и Бергсон, сближает эмпирическое и интуитивное познание. Выявлено влияние интуитивизма Бергсона на критику Вернадским витализма и механицизма. Методология познания живого вещества Вернадского связана с принципом Бергсона: «не ставить предел исследованию и действовать так, как будто исследование не должно иметь конца».

Ключевые слова: научная методология, научное мировоззрение, эмпирические обобщения, интуитивизм, В.И. Вернадский, А. Бергсон

Abstract. The controversy about whether V.I. Vernadsky was a philosopher or only a scientist remains relevant. The scientific worldview of Vernadsky was influenced by the philosophy of H. Bergson. The purpose of this article is to show that the influence of Bergson's philosophy also extends to the scientific methodology of Vernadsky. The article shows that empirical generalizations were only the methodological ideal of the creator of biogeochemistry. Vernadsky's scientific views are permeated with metaphysics to varying degrees. The article demonstrates that Vernadsky, like Bergson, brings together empirical and intuitive knowledge. The influence of Bergson's intuitionism on Vernadsky's criticism of vitalism and mechanism is revealed. Vernadsky's methodology for knowing living matter is related to the Bergson principle: «do not set a limit to research and act as if the study should not have an end.»

Keywords: scientific methodology, scientific worldview, empirical generalizations, intuitionism, V.I. Vernadsky, H. Bergson.

В.И. Вернадский высоко ценил философию и вместе с тем стремился оградить свою научную методологию от метафизических, выходящих за рамки опыта, положений. Научное мировоззрение Вернадского, несомненно, испытало влияние идей А. Бергсона. Задача данной статьи показать, что влияние философии Бергсона распространяется и на научную методологию Вернадского. В.И. Вернадский планировал более подробно коснуться вопроса о ноосфере

в третьей части подготавливаемой им к печати книги «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». Кончина ученого в январе 1945 г. оставила учение о переходе биосферы в ноосферу в незавершенном виде, что породило и продолжает порождать различные, зачастую противоречащие друг другу толкования. Полемика о том, был ли Вернадский философом или к его идейному наследию мы должны относиться только как к наследию крупного ученого, остается актуальной. Дискуссионными остаются методологические представления Вернадского, рассматривавшего в качестве кумулируемых составляющих науки эмпирические обобщения, одним из которых, по мнению создателя биогеохимии, и является переход биосферы в ноосферу. Вернадский стремился этой эмпирической методологией оградить свое научное мировоззрение от произвольных философских толкований научных проблем. Но возможен ли чистый эмпиризм? И не напоминает ли он троянского коня, если воспользоваться метафорой П. Фейерабенда? Так, по словам Э.М. Галимова, «Вернадский был философом в науке. То, что он называл эмпирическим обобщением, было, в сущности, философским осмыслением известных фактов» [10, с. 11]. Очевидно различие между открытием Вернадским коалинового ядра, которое он относил к «эмпирическим обобщениям» [7, с. 517], и в значительной мере философской концепцией перехода биосферы в ноосферу, которой сам ученый стремился придать тот же методологический статус. Вопреки Галимову, речь идет об обобщениях фактического материала, которые делает ученый, а не философ. В то же время эмпирические обобщения Вернадского находятся в разной степени близости к обобщениям, которые делают философы. Отсутствие строгого определения ноосферы сближает концепцию перехода биосферы в ноосферу Вернадского с философскими положениями, которые выполняют эвристическую функцию в науке. Г.П. Аксёнов в многочисленных публикациях отстаивает точку зрения, что мы не должны относиться к идеям Вернадского как к философским, поскольку его научное мировоззрение формировалось на анализе огромного объема естественнонаучных данных. В частности, Аксёнов подверг критике истолкование Н.Н. Моисеевым идей Вернадского как развитие философии русского космизма [1, с. 56]. Вернадский подвергал жесткой критике любые религиозные и философские положения, которые закреплялись в научных теориях, не имея строгого эмпирического фундамента. Вместе с тем многие его труды в нашей стране издаются именно как философские. В посвященной В.И. Вернадскому статье Р.А. Гальцевой из V тома Философской энциклопедии его научное мировоззрение связывается с «натурфилософскими идеями так называемого русского космизма» [11, с. 624]. Известно негативное отношение Вернадского к отвлеченной натурфилософии, но комплекс идей, о котором идет речь в этой энциклопедической статье сложно отнести исключительно к эмпирической науке. Гальцева относит Вернадского наряду с Циолковским и отчасти Фёдоровым и Флоренским к мыслителям, «рассматривающим Вселенную и человека как единую систему со своей регуляцией (гомеостазисом) и предлагающим разумное преобразование космоса» [11, с. 624].

Бертран Гийом полагает, что вполне резонно рассматривать концепцию «живой материи» Вернадского и его концепцию направленной эволюции в качестве «метафизики его философии науки и техники на двух разных уровнях» [15, с. 142]. Согласно одному из ключевых положений «Биосферы» Вернадского, в геологической истории Земли периода, когда на нашей планете не было жизни, попросту не существовало, что является эмпирическим обобще-

нием накопленных наукой знаний. Сложней доказать, что именно живое вещество формирует химию различных планет, потому что сперва нужно получить строгие данные о наличии жизни в космосе. Для научного мировоззрения Вернадского это принципиальное положение — жизнь в космосе вечна наряду с материей и энергией. Гийом, показав зависимость представлений Вернадского в этом вопросе от представлений Бергсона, для которого жизнь совечна космосу, а по мере ослабления напряженности жизненного потока она обращается в неодушевленную материю, справедливо относит концепцию «живой материи» Вернадского именно к метафизике. Гийом прав и в том, что представление Вернадского о направленной исключительно к прогрессу эволюции своей оптимистичностью этого сценария будущего планеты и человечества на ней также метафизично, хотя выдающийся русский ученый-космист неоднократно относил его к эмпирическим обобщениям. Гийом отмечает у Вернадского и Бергсона общий «мистицизм, обожествляющий человечество» [15, с. 144]. Согласно Вернадскому, эволюционно совершенствуются познавательные способности человека, речь при этом идет не только о совершенствовании узко интеллектуальных способностей, что соответствует рассуждениям Бергсона об эволюционном совершенствовании интуитивных способностей. В Заключительных замечаниях «Двух источников» Бергсон называет Вселенную «машиной по производству богов» [2, с. 346], и, судя по всему, утверждение это близко представлениям Вернадского.

Очевидны отголоски философской мысли Платона и индийских мыслителей через посредничество идей А. Бергсона в рассмотрении космоса как единого целого Вернадским. Бергсон блестяще критиковал односторонность классических понятий европейской философии: нет в чистом виде субъекта и объекта, расщепление на дух и материю — лишь интеллектуальная попытка охватить наиболее общие категории. Первична жизнь, которая постижима целостной интуицией, но не доступна понятийному интеллектуальному познанию. У Бергсона острое понимание необходимости целостного постижения того или иного явления. Согласно французскому философу, истинность научных знаний зависит от правильного деления понятий. Он приводит в пример дурного повара из «Федра» Платона, повара, который производит противоестественное деление на части: «...умение разделять на виды почленно, сообразно с их природой, стараясь не раздробить ни одной части, то есть не по способу дурных поваров» [14, с. 52]. Возникает вопрос о достижимости наукой естественного деления (естественной классификации). Такого рода рассуждения Бергсона в методологическом плане повлияли на Вернадского не меньше, чем докучаевское открытие почвы. В.В. Докучаев переосмыслил хорошо известный ко второй половине XIX в. эмпирический материал, который позволил ему ввести в науку, по сути, новое теоретическое понятие почвы со строгими морфологическими признаками типов почв, позволяющими их классифицировать. То самое неправильное деление понятий, которое Бергсон пояснил ссылкой на пример из «Федра», определяло односторонние классификации почв по происхождению из той или иной горной породы, известные до Докучаева. Оговорюсь, что пример с поваром взят из поздней работы Бергсона «Два источника морали и религии», в которой он частично воспроизводит положения своей «Творческой эволюции». Если изначальное деление произведено естественно, то более частные деления не так существенны — научная мысль будет двигаться в правильном направлении.

Известно критическое отношение Вернадского к методам физики микромира, не позволяющим добиться визуализации объектов в той же мере, в какой это возможно в отношении объектов макромира. Методологический идеал Вернадского — эмпирические обобщения, которые могут длительное время, не поддаваясь никаким гипотетическим объяснениям, будучи даже непонятными, тем не менее оказывать огромное благотворное влияние на развитие науки. Такова периодическая система Д.И. Менделеева, которая уже после смерти великого химика стала обрастать научными гипотезами. Гипотезы же выходят за пределы фактов, служащих основой для их построения, что требует от физиков максимально широкой связи с другими господствующими теоретическими представлениями о природе, в противном случае они лишены необходимой прочности. По мнению Вернадского, «эмпирическое обобщение, раз оно точно выведено из фактов, не требует проверки» [3, с. 51]. Почти в тех же словах последовательный методологический эмпиризм исповедует Бергсон: «Говоря о “жизненном порыве” и творческой эволюции, мы следовали за опытом настолько близко, насколько это возможно» [2, с. 119]. Вернадский подвергает критике в биологии как витализм, наделяющий живое одушевляющими сущностями, наличие которых невозможно подтвердить обычным опытом, так и механицизм, который редуцирует живое к химическим реакциям и физическим взаимодействиям. Бергсон также остро чувствует подмены в науке, когда те или иные объяснения исследователей как бы ставят окончательную точку в вопросе, полностью расколдовывают мир, лишают его тайны, а сущее предстает при этом полностью исчисленным и опредмеченным. Согласно Бергсону, наука обязана исследовать физическое и химическое в феномене жизни, но «нельзя заранее ставить предел этому исследованию и действовать надо так, как будто исследование не должно иметь конца» [2, с. 119]. Бергсон предлагает методологическое правило в этом как бы не имеющем конца исследовании: не высказываться по поводу факта.

Опираясь на открытие Л. Пастером диссимметрии живого вещества и принцип П. Кюри, согласно которому, «если какие-нибудь явления проявляют диссимметрию, та же диссимметрия должна существовать в причинах, которые эти явления вызвали» [4, с. 422], Вернадский предполагал, что научное развитие представлений о специфике живого и косного вещества будет связано с исследованиями отличия их пространственно-временных структур. Представления о будущем науки у Вернадского при этом не сводятся к разработке обладающей принципиальной новизной концепции биологического пространства-времени. Очень интересно отношение Вернадского к парапсихологическим феноменам, о чем некоторые сведения можно почерпнуть из его дневниковых записей и переписки с Б.Л. Личковым. Приведу здесь только одно высказывание Вернадского из письма к Б.Л. Личкову от 1 ноября 1940 г.: «“Материя”, “энергия”, “состояния пространства” недостаточны уже теперь для научных построений. Сколько я могу судить, передача мысли на расстояние (воздействие одного человека на другого), по-видимому, доказана или будет скоро доказана. Вероятно, восстановится “эфир”, Эйнштейновы представления меня не удовлетворяют, я с ними не считаюсь» [13, с. 38]. Очевидно, что для Вернадского материя не ограничена известными ко времени его научной деятельности типами взаимодействия, не случайно, что на протяжении всей своей научной карьеры он признавал наличие в природе некой тонкой среды, которую условно называли эфиром. Можно допустить наличие в природе помимо известных науке электромагнитных полей также «факторов иной полевой природы, создаваемых потоками космических

излучений и излучений самого живого вещества» [12, с. 96], что и было сделано развивавшим идеи В.И. Вернадского академиком РАМН В.П. Казначеевым на основании его многолетних экспериментальных результатов и накопленных в науке знаний. Бергсон заканчивает книгу «Два источника морали и религии» пророчествами о будущем эволюционном развитии человечества: «Радостью в действительности будет жизненная простота, которую разнесет по свету распространившаяся мистическая интуиция; радостью еще и той, которая автоматически последует за видением потустороннего мира в более широком научном опыте» [2, с. 345]. Чувствительный организм Вернадского позволял воспринимать такого рода расширенный опыт, но он не позволил себе пойти по пути мистика, выбрав куда более сложный путь ученого. В отличие от Вернадского, скрывшего свое *alter ego* за научной методологией, философ Бергсон мог позволить себе в печатных работах допущение будущего признания в культуре честных ясновидцев. Согласно Бергсону, эволюция человеческого сознания идет в сторону постепенного утончения восприятий, что сделает видение потустороннего мира нормальным для людей будущего. Научный опыт будущего, согласно Бергсону, это расширенный опыт. В этом предположении Бергсон сближается с теософией Е.П. Блаватской и представлениями о науке будущего литературно-философского наследия Рерихов. Труды Бергсона не содержат каких-либо недоказуемых эзотерических положений об эволюции, на которых построена «Тайная доктрина» Блаватской, к примеру, положения о «семи коренных расах», которые поэтапно эволюционируют на каждой из планет. Бергсон всегда оставался в рамках философии с ее критической рефлексией, но его представления о духе, проникающем в темную, инертную материю и оживляющем ее, звучит уже не стоически (мотив вечного возвращения античной философии) и в не русле идей Плотина — налицо эволюционистские представления XIX века.

Вернадский подвергает критике научный и философский рационализм, ставя, вслед за Бергсоном, бессознательно интуитивное постижение природы выше интеллектуального: «Стоя на почве научного охвата природы, натуралист по существу в своих суждениях стоит бессознательно на почве, далеко превышающей современные достижения научной мысли, выражающиеся в так называемых научных объяснениях, причинах и следствиях, в математических образах и формулах. Основа его научной действенной мысли превышает даже и высказанные, научно принятые аксиомы и принципы природы» [8, с. 19]. Это высказывание Вернадского может показаться очень претенциозным, но к таким синтетическим положениям, как учение о космической роли живого вещества, учение о биосфере и переходе ее к ноосфере, признание фундаментальной роли симметрии в природе, создатель биогеохимии пришел не с помощью рационалистических методов. И хотя он неоднократно подчеркивал эмпирический характер своей методологии, налицо особая интуитивная синтетическая научная мысль, тот самый глубинный, мистический инстинкт, который так высоко ценил Бергсон.

Пространство натуралиста, согласно Вернадскому, многомерно и заполнено эфиром. Тезис о многомерности пространства характерен для герметической традиции, которую Вернадский мог бы упрекнуть за не основанные на опыте представления о фундаментальной симметричности в природе и за методологическую несостоятельность объяснений устоявшихся знаний и поиска новых знаний с помощью закона подобия. Реальное пространство натуралиста, напротив, не содержит отвлеченных, метафизических предположе-

ний. Центральный тезис «Биосферы» Вернадского — это тезис о космичности всего сущего. Вернадский объясняет ошибочность длительное время не вызывавшего сомнения у ученых представления о том, что химический состав земной коры обусловлен исключительно геологическими причинами без учета влияния космических лучей, космической пыли и метеоритов. Вернадский выделяет излучения «передачи состояний» и излучения, быстро переносящие отдельные мельчайшие частицы. Излучениями разной длины волн заполнено все мыслимое пространство, мы живем в космической среде мира и по мере совершенствования приемов исследования, как поясняет создатель биогеохимии, в одном и том же месте и в одно и то же время ученые различают и измеряют все новые и новые излучения. Вернадский критичен к восходящему к Ньютону представлению об абсолютном, пустом пространстве и абсолютном времени — реальное пространство натуралиста заполнено всевозможными излучениями. Мы должны признать принципиальную неполноту наших знаний, из невидимых излучений нам пока известны немногие. Именно в смысле неполноты наших знаний можно утверждать, что пространство многомерно. Пространство будущей науки, насколько можно понять эту мысль Вернадского, будет многомерным и заполненным эфиром, в определенном смысле оно ближе к пространству Декарта, чем к пространству Ньютона. Время в этом пространстве не линейно, но векторально. Высоко оценивая идею мирового вихря Декарта, Вернадский говорит о его «гениальной философской интуиции» [9, с. 517], но не об эмпирическом обобщении. Таким образом, столь ценимая им, как и Бергсоном, интуиция не обязательно связана с эмпирическим познанием. Обращает на себя внимание, что и об открытиях в области математической физики Вернадский тоже говорит как о сделанных «интуитивно» и «бессознательно». Полученный результат методологии физики микромира — «это как бы выраженное в виде “символа”, создаваемого интуицией, т.е. бессознательным для исследователя охватом бесчисленного множества фактов, новое понятие, отвечающее реальности» [5, с. 317–318]. Вернадский отмечает, что эта новая методика не позволяет логически понять символы, но применение к указанным символам математического анализа позволяет открывать новые явления, создавать их теоретические обобщения, которые подтверждаются фактическим материалом. Очевидно отличие реального пространства натуралиста от пространства физика с его явлениями, но методы физики микромира позволили существенно расширить границы познаваемого.

Центральная для научного мировоззрения Вернадского тема симметрии также не обошлась без влияния представлений Бергсона о первичной глубинной интуитивной бессознательности, которая сменяется интеллектуальными решениями, позволяющими поставить под контроль объекты внешнего мира, но познавательными ограниченными. Согласно Вернадскому, симметрия есть «эмпирически выработанное вначале бессознательно <...> и идущее вглубь веков эмпирическое обобщение, до известной степени, бытовая точка зрения на окружающее, бытовое выражение, обработанное мыслью геометрических пространственных правильностей, эмпирически наблюдаемых в природе» [6, с. 292]. Вернадский полагал, что в будущей науке принцип симметрии, геометрический охват пространства-времени будет играть основную роль. Симметрия, по его замыслу, позволит найти общий язык между философией и наукой. Синтез мысли Вернадского в этом вопросе столь абстрактен, что сравнить его можно только с интуицией Бергсона.

Список литературы

1. Аксёнов Г.П. Владимир Иванович Вернадский / Вернадский В.И. Избранные труды. — М.: РОССПЭН, 2010.
2. Бергсон А. Два источника морали и религии. — М.: Канон, 1994.
3. Вернадский В.И. Биосфера / Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. — М.: Айрис-пресс, 2003.
4. Вернадский В.И. Изучение явлений жизни и новая физика / Известия Академии наук СССР. VII серия, выпуск 3. Отделение математических и естественных наук, 1931.
5. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. — М.: Айрис-пресс, 2003.
6. Вернадский В.И. О геологическом значении симметрии / Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. — М.: Наука, 1988.
7. Вернадский В.И. По поводу критических замечаний акад. А.М. Деборина / Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. — М.: Айрис-пресс, 2003.
8. Вернадский В.И. Принцип симметрии в науке и философии / Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Пространство и время в неживой и живой природе. — М.: Наука, 1975.
9. Вернадский В.И. Проблема времени в современной науке / Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. — М.: Айрис-пресс, 2003.
10. Галимов Э.М. Научные достижения могут быть едиными для всех / Вернадский В.И. пережитое и передуманное. — М.: Вагриус, 2007.
11. Гальцева Р.А. Вернадский Владимир Иванович / Философская энциклопедия. Т. V. — М.: Советская энциклопедия, 1970.
12. Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного изучения. — Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991.
13. Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1940–1944. — М.: Наука, 1980.
14. Платон «Федр» // пер. А.Н. Егунова, в ред. Ю.А. Шичалина. — М.: Прогресс, 1989.
15. Bertrand Guillaume. Vernadsky's philosophical legacy: A perspective from the Anthropocene. The Anthropocene Review. 2014, Vol. 1(2).

Э.Р. Хасанов

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ИНВАЛИДОВ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES OF VOTING RIGHTS OF PERSONS WITH DISABILITIES AND PROBLEMS OF THEIR IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

ХАСАНОВ Эльнур Расимович — старший преподаватель, кафедры теории и истории государства и права МГТЭУ (e-mail: hasanov.elnur@mail.ru).

KHASANOV Elnur Rasimovich — Senior lecturer, Department of Theory and History of State and Law, MGGEU (e-mail: hasanov.elnur@mail.ru).

Аннотация. Актуальность данной темы заключается в том, что настоящее исследование позволяет взглянуть на современные проблемы и пути решения по обеспечению конституционных прав граждан с ограниченными возможностями здоровья при осуществлении ими своего избирательного права. Кроме того, именно в формате настоящей статьи приведены реальные пути по совершенствованию как тематики конституционно-правовых гарантий избирательных прав инвалидов, так и практические проблемы их реализации в современной Российской Федерации.

Также в настоящей статье приведены итоговые предложения по дальнейшему совершенствованию конституционно-правовых гарантий избирательных прав инвалидов и решению проблем их дальнейшей реализации в современной Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция РФ, инвалид, гражданин с ограниченными возможностями здоровья, мобильная урна для голосования, избирательное право, избирательная комиссия РФ.

Abstract. The relevance of this topic lies in the fact that this study allows you to look at modern problems and solutions to ensure the constitutional rights of citizens with disabilities in the exercise of their «suffrage». In addition, it is in the format of this article that real ways are given to improve both the subject matter of constitutional and legal guarantees of the electoral rights of disabled people, and practical problems of their implementation in the modern Russian Federation.

Also, this article provides the final proposals for further improving the constitutional and legal guarantees of the electoral rights of disabled people and the problems of their further implementation in the modern Russian Federation.

Keyword: constitution of the Russian Federation, disabled person, citizen with disabilities, mobile ballot box, electoral law, Election Commission of the Russian Federation.

Приступая к непосредственному рассмотрению тематики настоящей статьи — «Конституционно-правовые гарантии избирательных прав инвалидов и

проблемы их реализации в Российской Федерации» — в обязательном порядке необходимо отметить следующее. Этот вопрос всегда имел, имеет и будет иметь актуальное значение, поскольку инвалиды, находясь в более тяжелом физическом состоянии по сравнению со здоровыми гражданами нашей страны, также требуют обязательного соблюдения их основных конституционных прав и гарантий.

На основании вышесказанного непосредственным объектом рассмотрения данной статьи выступают конституционно-правовые гарантии избирательных прав инвалидов и практические пути их обеспечения в современной гражданской жизнедеятельности.

Как следует из фактического анализа современной Конституции Российской Федерации, в нашей стране избирательными правами обладают все граждане, достигшие возраста совершеннолетия и являющиеся дееспособными. Тем не менее для граждан-инвалидов как Российской Федерации, так и иной любой страны современного мира реальное соблюдение конституционно-правовых гарантий в области осуществления ими избирательных прав далеко не всегда обеспечено в должной мере.

После ратификации Российской Федерацией Конвенции ООН о правах инвалидов от 3 мая 2012 года данная проблематика приобрела особую значимость ввиду принятия нашей страной дополнительных обязательств по данному вопросу [1].

Присоединение Российской Федерации к вышеназванному нормативно-правовому акту было направлено в первую очередь на соблюдение прав и законных интересов граждан-инвалидов нашей страны в области избирательного права. При этом, как это и следует из действующего законодательства Российской Федерации, правом осуществления своих избирательных прав обладают в том числе и граждане с ограничениями по здоровью, вне зависимости от их характера.

Необходимо отметить следующее: благодаря целенаправленной и многолетней политике Российской Федерации в настоящее время проблемы практического осуществления гражданами-инвалидами своих конституционных прав в виде права голосования находят свое решение.

Более того, учитывая всю важность и актуальность осуществления избирательных прав гражданами-инвалидами, в современной Российской Федерации кроме Конституции нашей страны принято достаточное количество нормативно-правовых актов для обеспечения этих очень существенных прав.

В настоящее время при подготовке к голосованию в целях учета граждан с ограниченными возможностями здоровья отделения Пенсионного фонда Российской Федерации готовят списки таких граждан, которые постоянно обновляются и надлежащим образом проверяются.

Ввиду важности и значимости исследуемого вопроса в законодательстве Российской Федерации была закреплена обязанность избирательных комиссий РФ вовремя изготавливать и размещать на видных местах всю необходимую информацию о выборах и выдвигаемых кандидатах в форме, удобной для избирателей, имеющих ограничения по зрению (использование увеличенного размер шрифта, а также рельефно-точечного шрифта Брайля).

Граждане-инвалиды, а также граждане с ограниченными возможностями могут иметь самые разные дефекты физического здоровья, что должно учитываться при осуществлении как подготовки, так и проведения голосования.

Для того чтобы в данном случае не было разного рода непредвиденных накладок и ошибок, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации разработала и утвердила нормативно-правовой акт под названием «О рекомендациях по обеспечению реализации избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации» от 29 июля 2020 года [2].

Как следует из общего анализа данного нормативно-правового документа, всем без исключения избирательным комиссиям Российской Федерации надлежит в обязательном порядке как информировать граждан с ограниченными возможностями здоровья, так и всячески содействовать максимально комфортному осуществлению ими избирательных прав.

Уже сегодня в Российской Федерации практически во всех зданиях государственных органов власти имеются специальные подъемники, а также кнопки вызова специалистов для получения всей необходимой помощи, что отражает усилия государственных властей Российской Федерации, предпринимаемые в данном направлении на протяжении многих лет.

Кроме того, в настоящее время происходит постоянная адаптация помещений избирательных комиссий для граждан с ограниченными возможностями в каждом субъекте Российской Федерации и на всех без исключения уровнях государственного взаимодействия: федеральном, региональном, муниципальном.

Продолжая дальнейшее рассмотрение настоящей тематики, также нельзя обойти стороной и вопрос о возможности выезда уполномоченных членов избирательной комиссии на дом к гражданину с ограниченными возможностями — в случаях, когда физическое передвижение такого гражданина существенно затруднено или невозможно.

Для такого рода случаев в каждой избирательной комиссии имеется как необходимое количество надлежащим образом оформленных урн для голосования, так и необходимое число уполномоченных сотрудников.

Продолжая дальнейшее рассмотрение настоящего вопроса, также нельзя обойти стороной тот факт, что в современной Российской Федерации сегодня работает «дорожная карта» по тематике обеспечения надлежащего осуществления избирательных прав гражданами с ограниченными возможностями здоровья.

В то же время проведенный анализ информации, полученной от избирательных комиссий Российской Федерации, показал наличие большого числа проблем в вопросах практического осуществления и обеспечения гарантируемых Конституцией избирательных прав граждан с ограниченными возможностями здоровья.

Среди этих проблем отметим следующие:

- фактическое отсутствие необходимого числа пандусов, лифтов-подъемников, что не позволяет гражданам с ограниченными возможностями здоровья осуществлять свои конституционные права в виде избирательного права;
- фактическое отсутствие либо специализированного, либо надлежащим образом подготовленного общественного транспорта, что также не позволяет гражданам с ограниченными возможностями здоровья надлежащим образом осуществить конституционное право на голосование.

При этом, как и следовало ожидать, все выявленные недостатки, касающиеся обеспечения избирательных прав граждан с ограниченными возможностями здоровья, были доведены до федеральных, региональных и местных властей

современной Российской Федерации. Тем не менее быстрого разрешения проблемы доступности избирательных участков для граждан с ограниченными возможностями здоровья в настоящее время ожидать не приходится, поскольку это требует значительного объема финансовых ресурсов [3].

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что в современной Российской Федерации имеет место два вида проблем в области обеспечения реализации избирательных прав граждан с ограниченными возможностями:

- большое количество объектов городской инфраструктуры, не приспособленных для нормального передвижения по городу граждан с ограниченными возможностями здоровья;
- необходимость структурирования нормативно-правовых актов по тематике обеспечения гарантированных Конституцией избирательных прав граждан с ограниченными возможностями здоровья, так как в настоящее время число принятых по этим вопросам нормативно-правовых актов существенно выросло.

В целях совершенствования системы обеспечения конституционных прав граждан с ограниченными возможностями, а именно избирательного права, предлагается следующее:

- выработать и законодательно принять нормативно-правовой акт, который был бы полностью посвящен вопросам надлежащего осуществления избирательных прав гражданами с ограниченными возможностями здоровья;
- законодательно закрепить обязанность участия общественных организаций Российской Федерации во всех без исключения избирательных комиссиях РФ для осуществления на практике реального взаимодействия по дальнейшему обеспечению соблюдения конституционных прав граждан с ограниченными возможностями в виде осуществления ими избирательного права.

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно сделать общий вывод, что в современной Российской Федерации, несмотря на то, что в целом общее состояние вопросов обеспечения конституционных прав граждан с ограниченными возможностями здоровья носит более-менее урегулированный характер, оно не в полной мере отвечает целям и задачам развития нашей страны.

Решение данной проблемы, безусловно, потребует как дальнейшей нормативно-правовой разработки, так и значительного материального финансирования.

Более того, на основании всего вышесказанного можно с уверенностью говорить о том, что единственным выходом из сложившейся ситуации является фактическое обеспечение сразу двух направлений развития по названной выше проблематике:

- дальнейшая модернизация транспортной системы, а также зданий избирательных комиссий Российской Федерации в целях их доступности для граждан с ограниченными возможностями здоровья;
- создание необходимого числа мобильных урн для голосования, чтобы исключить случаи, когда вне голосования остаются граждане с ограниченными возможностями здоровья, которые физически не могут самостоятельно прийти на избирательную комиссию Российской Федерации.

Однако даже при наличии указанных выше проблем уже сегодня необходимо отметить следующее: общая тенденция решения вопросов по надлежащему обеспечению конституционных прав граждан с ограниченными возможностями

здоровья в виде осуществления ими избирательного права в современной Российской Федерации носит положительный характер, и это касается как нормативно-правовой разработки, так и реального положения дел.

Список литературы

1. Федеральный закон «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» от 03.05.2012 № 46-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. — 05.05.2012. — №100.
2. Постановление ЦИК России от 29.07.2020 № 262/1933-7 «О Рекомендациях по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами при проведении выборов в Российской Федерации». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358928/.
3. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.09.2020) // Российская газета. — 15.06.2002. — № 106.

Е.В. Трубачеев, Д.В. Тимохин

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: УСЛОВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДЕЛИ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРЕСТА»

ECONOMIC MODELLING IN CONDITIONS OF INSTABILITY OF THE GLOBAL ECONOMY TERMS OF USE OF THE «ECONOMIC CROSS» MODEL»

ТРУБАЧЕЕВ Евгений Валерьевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и инноваций МГГЭУ (e-mail: genez7777@gmail.com)

ТИМОХИН Дмитрий Владимирович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и инноваций МГГЭУ (e-mail: dtprepod@yandex.ru)

TRUBACHEEV Evgeniy Valerievich — Candidate of Economic Scienses, Associated Professor of Economics and innovation chair, MGGEU (e-mail: genez7777@gmail.com)

TIMOKHIN Dmitriy Vladimirovich — Candidate of Economic Scienses, Associated Professor of Economics and innovation chair, MGGEU (e-mail: dtprepod@yandex.ru)

Аннотация. В статье представлено исследование проблематики, связанной с осуществлением экономического моделирования в условиях нестабильности глобальной экономики. Оценены сложности, с которыми сталкиваются экономисты при осуществлении экономического моделирования, и возможности, созданные технологическим развитием общества и рыночной конъюнктурой в сфере организации стратегического планирования и моделирования развития коммерческого предприятия. Омечены сильные и слабые стороны методики «экономического креста» как инструмента моделирования экономических процессов на микроуровне. По результатам проведенного анализа авторами разработаны предложения по использованию модели «экономического креста» для планирования деятельности организации в посткоронавирусной экономике.

Ключевые слова: экономическое моделирование, экономика организации, инновации, цифровизация, макроэкономическая нестабильность, модель «экономического креста», параметризация.

Abstract. The article presents a study of issues related to the implementation of economic modelling in conditions of instability of the global economy. The difficulties faced by economists in carrying out economic modeling and the opportunities created by the technological development of society and market conditions in the field of organizing strategic planning and modeling of the development of a commercial enterprise were evaluated. The strengths and weaknesses of the «economic cross» technique as a tool for modeling economic processes at the micro level were evaluated. Based on the results of the analysis, proposals were developed on the use of the economic cross model to plan the organization's activities in the post-coronavirus economy.

Keywords: *economic modelling, organization economics, innovation, digitalization, macroeconomic instability, model of the «economic cross».*

Экономическое моделирование является инструментом прогнозирования устойчивого развития организации во времени. Роль экономического моделирования, в первую очередь построения математизированных цифровых моделей развития предприятия на кратко- и среднесрочную перспективу, в современной экономике растет пропорционально развитию информационно-коммуникационных технологий и институционализации глобального транспарантного информационного пространства. Качество формируемых в начале XXI века экономических моделей развития предприятия улучшилось благодаря введению системы глобальных стандартов TQM, предполагающей цифровую параметризацию планируемых и реальных результатов деятельности организаций. Рост объема унифицированной статистической информации, представляемой организацией во внешний мир в рамках деловых предложений, маркетинговых компаний и иных информационно-коммуникационных мероприятий, создает дополнительные возможности для повышения качества экономической модели за счет увеличения ее информационной насыщенности.

Вместе с тем текущая экономическая ситуация как в России, так и в мировой экономике требует пересмотра опыта организации процесса планирования. Рассмотрим, каковы экономические посылки к пересмотру процедуры планирования в организации, и предложим возможные инновационные решения в этой области.

Дестабилизация внешней среды и нарастание геоэкономической неопределенности создают проблемы в процессе экономического моделирования и прогнозирования деятельности предприятия. Ситуация, сложившаяся в экономике России в 2020 году, создает существенные препятствия использованию традиционных подходов к организации экономического моделирования развития коммерческого предприятия. Рассмотрим основные факторы дестабилизации внешней среды предприятия и аспекты их влияния на процесс экономического моделирования.

Значимым фактором неопределенности внешней среды остаются экономические санкции, введенные в отношении нашей страны условным Западом, и вероятность расширения санкционных списков.

Санкционное давление создает следующие проблемы применительно к организации экономического моделирования деятельности отечественных предприятий:

- возрастают риски ограничения в планируемом периоде доступа к ресурсам глобального финансового рынка и риски заморозки активов организаций, находящихся на территории стран, поддерживающих санкционную политику;
- возникают сложно формализуемые риски ограничения доступа организации к иностранным технологиям, что особенно заметно для отраслей, не обладающих технологической самостоятельностью;
- экономико-математическая модель требует расширения спектра параметров за счет тех, которые ранее могли приниматься за константу; примером такого параметра является спрос на продукцию компании в стране, поддерживающей санкционную политику.

Существенное увеличение числа параметров в рамках формируемой экономико-математической модели деятельности организации требуется в силу ви-

доизменения национальной экономической политики. Факторами нестабильности, требующими дополнительного исследования при моделировании развития организации в России в 2020 году, стали:

- нестабильность налоговой системы, сопровождаемая многочисленными законодательными инициативами, часто противоречивыми;
- видоизменение денежно-кредитной политики государства, что проявляется как отказ от остававшийся многие годы неизменной политики поддержания стабильности национальной валюты за счет ограничения рублевой ликвидности для национального производителя;
- существенные трансформации системы распределения бюджетных ресурсов; при этом фактором, требующим особого внимания при моделировании, является рост вероятности смены первых лиц регионов, в которых организация планирует развитие бизнеса.

Указанные выше факторы вносят существенные трудности в организацию процесса планирования деятельности фирмы, особенно вовлеченной во внешнеэкономическую деятельность. Вместе с тем факторы, указанные выше, все же могут быть формализованы как регрессоры экономической плановой модели на основе изучения опыта работы российских и зарубежных компаний в условиях экономической нестабильности.

В конце 2019 – начале 2020 года возникла необходимость учитывать еще один дестабилизирующий фактор, ранее не фигурировавший ни в одной экономической модели микроуровня. Данным фактором является угроза выхода из-под контроля пандемии COVID-19 и возможность принятия государством жестких мер по противодействию распространения пандемии, вплоть до возобновления режима самоизоляции. В текущих условиях перед организациями встает вопрос о необходимости пересмотра самой концепции развития бизнеса с учетом вероятности возникновения «идеального шторма» в краткосрочной перспективе.

Следует отметить, что проблемы, возникающие у организации при планировании ее развития, могут носить как объективный, так и субъективный характер. Субъективные проблемы более опасны, так как касаются исключительно конкретного предприятия и обусловлены недостатками процесса управления на этом предприятии [5].

Рассмотрим, какие конкретно сложности в процессе организации планирования создаются при его осуществлении с учетом указанных выше факторов. В первую очередь, следует отметить, что все указанные ниже проблемы актуальны для различных процессов планирования. Потому сопоставим конкретные выявленные автором сложности с этапами организации процесса планирования. Общая схема, в соответствии с которой осуществляется процесс экономического моделирования деятельности коммерческой организации, представлен на рис. 1.

Сложности организации планирования на предварительной стадии связаны с трансформацией информационной среды, в рамках которой функционирует предприятие. Известные ранее (в 2000–2010) годах приемы управления информационными потоками отчасти утрачивают актуальность по следующим причинам:

- необходимость оперирования глобальными данными, что возможно исключительно за счет внедрения в процесс планирования цифровых технологий класса «big data» [3];
- снижение конкурентоспособности известных организации каналов сбора информации о рынке по причине информационной дивергенции ранее однородных целевых групп;

Рис. 1. Базовая структура этапов экономического моделирования

Источник: составлено авторами на основе источников [2; 9]

— увеличение объема коммерчески значимых данных, не подлежащих классификации по ранее разработанным шаблонам.

В текущих условиях возрастает потребность организации в использовании средств автоматизации сбора и обработки информации за счет внедрения в аналитический процесс программных продуктов. На рис. 2 представлена статистика организаций, испытывающих потребности в инновационных программных продуктах для целей сбора и анализа используемых в планировании данных.

Главной проблемой, стоящей перед организатором планирования на стадии построения экономико-математической модели, является проблема координации действий всех участников процесса цифрового моделирования и проектирования. Значимое место при этом занимает определение структуры формирования бизнес-модели в реальном и цифровом пространстве (Building information model, BIM). Базовая модель построения моделирования и проектирования бизнес-процессов для современной организации представлена на рис. 3.

Практическая реализация приведенной выше модели при модернизации системы планирования в организации представляется затруднительной. Поскольку в значительном количестве отечественных организаций не до конца сформиро-

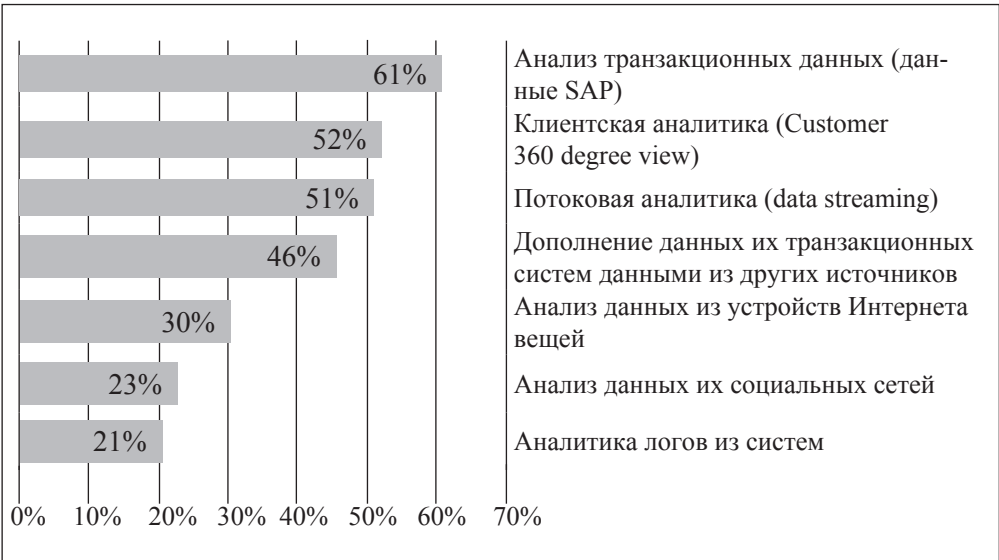

Рис. 2. Доля организаций, испытывающих потребность в модернизации системы сбора и обработки данных, по категориям данных, в % к общему числу организаций

Источник: Аналитика больших данных как инструмент бизнес-инноваций, 2019. — Текст: электронный. — URL: <https://filearchive.cnews.ru/img/files/2019/05/27/20190424idchitachiwpbdafin.pdf>

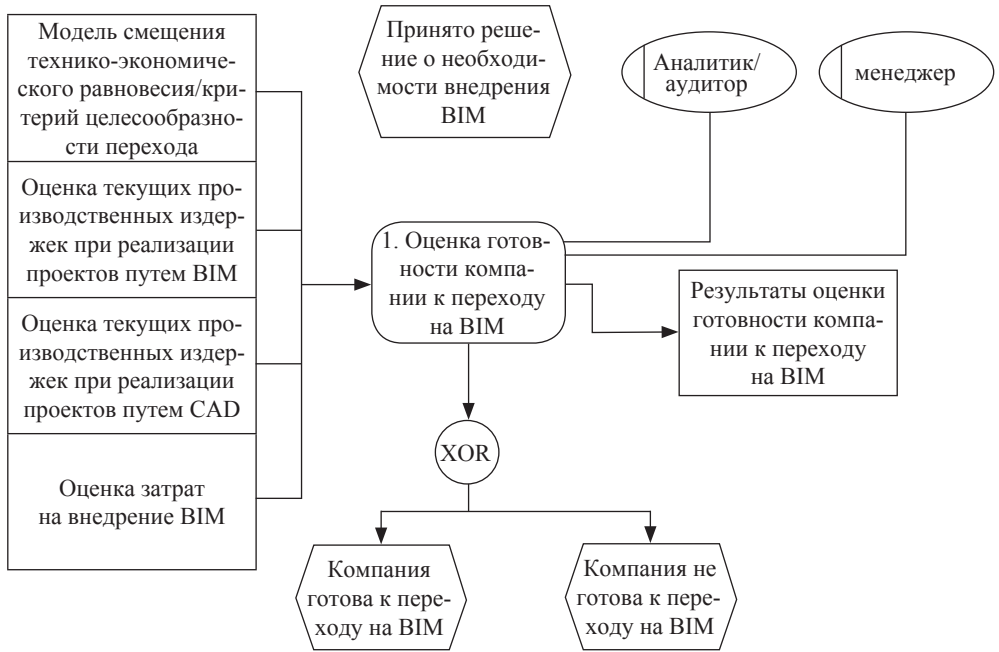

Рис. 3. Современный алгоритм перехода организации на Вim — модель организационного планирования

Источник: Руководство по информационному моделированию (bim) для заказчиков — М.: Autodesk. 2019. — Текст: электронный. — URL: https://www.idtsoft.ru/sites/default/files/fields/node/publication/field-files/2019-09/bim_guide_for_owners_%28clients%29_of_industrial_facilities_2019-03-18.pdf

рована система делегирования полномочий и взаимодействия между структурными подразделениями, вовлечение сотрудников в разработку *бim*-структуры планирования затруднено. С одной стороны, интенсификация вовлечения будет перегружать коммуникационные каналы, а после начала процесса модернизации способна создать проблемы для выполнения сотрудниками своих штатных обязанностей. С другой стороны, без соответствующей мотивации сотрудников их предложения будут иметь формальный, часто малоинформативный характер.

Аналогичная проблема может появиться на стадии апробации модели и заключительной стадии. Сигналы об успешности/неуспешности модели могут поступать на различных уровнях управленческо-информационной структуры — в зависимости от характера планируемой деятельности организации. Примерами таких сигналов могут служить:

- позитивные/негативные отзывы от целевых групп клиентов, не учтенных при планировании как единая контактная группа на уровне исполнителей [1];
- мнения специалистов о возможных сбоях функционирования системы организации потоков товаров, ресурсов и информации под воздействием отраслевых факторов [6];
- появление более успешных конкурирующих решений во внешней среде [12].

Аналитическим инструментом интеграции усилий разнородных участников процесса планирования является модель «экономического креста», представляющая собой замыкание двух разнородных циклов на определенной задаче. В центре модели «экономического креста» помещается целевой результат значение которого, как правило, может быть определено как некая созданная за счет замыкания двух планируемых циклов потребительская стоимость. На концах «экономического креста» помещаются издержки производства, связанные как с созданием потребительской стоимости, так и с обеспечением процессов утилизации и воспроизводства капитала. Рамочная модель «экономического креста» представлена на рис. 4.

Использование модели экономического креста в экономике обеспечивает решение следующих проблем:

- повышение мотивации инициаторов инновационного процесса как на уровне технологического, так и на уровне производственного цикла за счет более корректного планирования из доли в возможной потребительской стоимости;
- обеспечение регламентированного взаимодействия всех участников процесса планирования сообразно их этапу участия в технологическом и производственном циклах;
- более адаптированная для целей цифрового моделирования параметризация факторов производства, влияющих на планируемые процессы (см. рис. 3). Поскольку сопоставимость параметров обеспечивается на ранних стадиях планирования, модель «экономического креста» позволяет отслеживать изменения в соответствии значений факторов требованиям смежного цикла на всех стадиях экономического процесса.

Использование предлагаемой модели обеспечивает возможность большей адаптации процесса планирования в организации к трендам изменения в информационной среде за счет более жесткой увязки структуры параметров факторов развития организации, значимых для различных циклов, и расширения возможностей для использования цифровых технологий.

Рис. 4. Базовая модель «экономического креста», предлагаемого к использованию при планировании развития организации
Источник: построено на основе [4], [7], [9].

Список литературы

1. Моделирование долгосрочного социально-экономического развития России / Н.М. Абдикеев, Ф.Ф. Пашенко, В.Б. Гусев и др. — М., 2019.

2. Аналитика больших данных как инструмент бизнес-инноваций, 2019. — Текст: электронный. — URL: <https://filearchive.cnews.ru/img/files/2019/05/27/20190424idchitachiwpbdafn.pdf>.

3. Аракелян А.Э. Экономические отношения и моделирование стратегического развития в цифровой экономике / Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее // Сборник научных трудов участников Международной научной конференции XXVI Кондратьевские чтения, 2019. — С. 29–35.

4. Воробьева Т.В., Вихорь Н.А., Лаходынова Н.В., Онопенко Г.А. Мультиагентные системы как инструмент моделирования взаимодействия экономических субъектов // Финансовая экономика. — 2019. — № 2. — С. 373–375.

5. Галимова А.М., Кирпиков А.Н. Перспективная экономическая оценка показателей финансовой устойчивости организации с применением экономико-математического моделирования денежных потоков // Экономический вестник Республики Татарстан. — 2019. — № 1. — С. 64–72.

6. Глотина И.М. Использование когнитивного моделирования для решения задачи управления экономической безопасностью // Финансовая экономика. — 2019. — № 1. — С. 460–465.

7. Звягин Л.С. Исследование и моделирование глобальных экономических процессов с заданными свойствами в условиях инновационной экономики и предприятий // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2019. — Т. 3. — № 2. — С. 21–30.

8. Коростелева Н.А. Моделирование управленческих решений в экономических структурах // Молодежь и XXI век-2019. Материалы IX Международной молодежной научной конференции. — Курск: Университетская книга, 2019. — С. 242–244.

9. Оверчук Д.С. Моделирование процессов принятия решений в рамках взаимодействия экономических агентов при реализации общественно значимых инфраструктурных проектов. — М.: Научная мысль, 2019.

10. Руководство по информационному моделированию (bim) для заказчиков. — М.: Autodesk, 2019. — Текст: электронный. — URL: https://www.idt-soft.ru/sites/default/files/fields/node/publication/field-files/2019-09/bim_guide_for_owners_%28clients%29_of_industrial_facilities_2019-03-18.pdf.

11. Трошин Д.В. Методический подход к моделированию рационального сценария обеспечения экономической безопасности России в долгосрочной перспективе // Проблемы управления. — 2019. — № 1. — С. 45–54.

12. Шустов Д.А. Возможности применения лингво-комбинаторного подхода в моделировании экономических процессов // Информация-Коммуникация-Общество. — 2019. — Т. 1. — С. 390–394.

Ю.Д. Овчинников, К.С. Пигида

УСТАНОВЛЕНИЕ СТЕПЕНИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТИЙ ПЛАВАНИЕМ НА ДВИГАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ БОЛЬНЫХ ДЦП

DETERMINING THE DEGREE OF INFLUENCE OF SWIMMING ON THE MOTOR FUNCTIONS OF PATIENTS WITH CEREBRAL PALSY

ОВЧИННИКОВ Юрий Дмитриевич — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры биохимии, биомеханики и естественнонаучных дисциплин КГУФКСТ (e-mail: yurij.ovchinnikov@inbox.ru)

ПИГИДА Кристина Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики плавания парусного и гребного спорта КГУФКСТ (e-mail: kpigida@mail.ru)

OVCHINNIKOV Yuri Dmitrievich — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of Department of Biochemistry, Biomechanics and Natural-Scientific Disciplines, KSUFKST (e-mail: yurij.ovchinnikov@inbox.ru)

PIGIDA Kristina Sergeevna — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Sailing and Rowing, KSUFKST (e-mail: kpigida@mail.ru)

Аннотация. Детский церебральный паралич — заболевание с нарастающей динамикой, которая показывает, что здоровьесберегающие технологии и здоровьесберегающее образование в нашем обществе недостаточно практикоориентированы и носят, скорее, пропагандистский характер. Дети с данным диагнозом, как правило, имеют сопутствующие заболевания, что осложняет течение болезни и усложняет использование механизма физической и социальной реабилитации.

Исследование проводилось на базе бассейна КГУФКСТ в период с 2017 по 2020 год. В исследовании приняли участие 12 детей с диагнозом ДЦП. Исследование проводилось в два этапа. Объект исследования — методика реабилитации средствами плавания детей в возрасте от 2 до 3 лет с различной степенью поражения ДЦП. Предмет исследования — комплекс упражнений на суше и в воде для детей, больных ДЦП. Изучено и экспериментально обосновано лечебно-оздоровительное влияние физических упражнений в воде на детей, больных ДЦП.

Цель исследования — установить степень воздействия занятий плаванием на двигательные функции больных с ДЦП. Авторами разработан и опробован комплекс упражнений, который можно использовать при занятиях на суше и в воде с детьми, больными ДЦП с учетом индивидуальных особенностей.

Ключевые слова: физическое воспитание детей с ДЦП, двигательные возможности ребенка с ДЦП, методика реабилитации детей средствами плавания.

Abstract. Cerebral palsy is a disease with increasing dynamics, which shows that health-saving technologies and health-saving education in our society are not sufficiently practice-oriented, but are propagandistic in nature. Children with this dis-

ease, as a rule, have concomitant diseases, which complicates the course of the disease and complicates the use of the mechanism of physical and social rehabilitation. The study was conducted on the basis of the KGFKST basin in the period from 2017 to 2020. During this period, 12 children with a diagnosis of cerebral palsy took part in the study. The study was conducted in two stages. The object of the study was the method of rehabilitation of children by swimming at the age of 2 to 3 years with various degrees of cerebral palsy. The subject of the study was a set of exercises on land and in water for children with cerebral palsy. The therapeutic and health-improving effect of physical exercises in water on children with cerebral palsy has been studied and experimentally substantiated.

Purpose of research. To establish the degree of influence of swimming lessons on the motor functions of patients with cerebral palsy. The authors developed and tested a set of exercises that can be used in classes on land and in water with children with cerebral palsy, taking into account individual characteristics.

Keywords: *physical education of children with CP, motor capabilities of a child with cerebral palsy, methods of rehabilitation of children by means of swimming.*

У многих детей при рождении или в первые дни жизни врач определяет то или иное заболевание, вызванное неудовлетворительными условиями внутриутробного развития или осложнениями во время родов [5]. Одним из таких заболеваний является детский церебральный паралич.

Физическое воспитание детей с ЦП отличается тем, что требует особых методов и приемов [11]. ДЦП ограничивает двигательные возможности ребенка, снижая его активность, отрицательно сказывается на развитии всех органов и систем организма, а также неблагоприятно влияет на психическое развитие и здоровье ребенка, снижая сопротивляемость организма к простудным и инфекционным заболеваниям. Двигательные нарушения, ограничивающие или делающие невозможным активные движения, отражаются на общем здоровье ребенка.

Нахождение в водной среде оказывает благоприятное влияние на организм человека: существенно уменьшает вес тела, Легче происходит отток крови от периферии к центру, наблюдается состояние, близкое к невесомости, вода массирует внутренние органы, расслабляет мышцы. Также при кратковременном раздражении холодной или теплой водой наступает возбуждение нервной системы и повышается тонус мышц, при длительном же наступает торможение и снижается тонус мышц. Перечисленные выше особенности водной среды следует особо учитывать при проведении занятий с детьми с ДЦП [17].

Массирующее и расслабляющее действие воды необходимо особенно учитывать при проведении занятий с детьми с ЦП. В связи с этим выбранное направление для исследования является актуальным.

Учитывая законы и принципы биомеханики, занятия плаванием должны способствовать приросту объема двигательных действий и нормализации развития ребенка [14].

Объектом исследования стала методика реабилитации средствами плавания детей в возрасте от 2 до 3 лет с различной степенью поражения ДЦП.

Цель исследования — установить степень воздействия занятий плаванием на двигательные функции больных ДЦП. Данная проблема недостаточно изучена и представлена в научной литературе [17; 20].

Анализ научно методической литературы позволил выявить и выделить основные направления развития проблемы:

- этиология и патогенез детского церебрального паралича [1; 2; 3; 16; 18];
- клиника и синдромология детского церебрального паралича [4; 24; 25];
- лечение детского церебрального паралича [6; 12; 22; 23];
- влияние ЛФК на больных детским церебральным параличом [13; 15; 17; 19].

Педагогическое наблюдение проводилось на протяжении всего эксперимента с целью выявления динамики изменения двигательного объема у детей [7; 8]. Для этого нами был выявлен перечень движений, которыми должен обладать ребенок соответствующего возраста. В перечень входили как простые движения (сидение, стояние, ходьба, хватание, удержание предметов в руках), так и сложные (приседания, наклоны, лежание на воде, выдохи в воду). Помимо выше перечисленных движений мы также пытались помочь ребенку выполнить те действия, которые должен выполнять здоровый ребенок соответствующего возраста.

Метод хронометрирования использовался для определения времени удержания правильной позы (сидения, стояния, лежания на воде). Секундомер включали в момент принятия ребенком необходимого правильного положения и останавливали в момент появления первых отклонений от него. В процессе исследования были выделены основные позы-движения, которые совершает ребенок.

Сидение. Ребенка сажают на стул (пол, ровную поверхность) придают ему правильное положение: ноги стоят на полу спина прямая, руки на коленях.

Стояние. При выполнении этой позы ребенок стоит прямо, руки вдоль туловища, спина прямая (возможны индивидуальные положения рук).

Лежание на воде. Выполняется с поддержкой. Выполняется лежа на спине, безо всяких движений.

Педагогическое тестирование включало в себя следующие тесты и позволило определить следующие параметры.

Определить правильно ли сидит ребенок можно по следующим параметрам: угол выправления спины и длительность удержания этой позы без посторонней помощи.

Считается идеальным, если ребенок стоит на двух ногах и полностью опирается на всю стопу. Все отклонения в позе стоя записываются, и наблюдается степень их изменения во время занятий. Также ведется наблюдение за способностью удержать эту позу самостоятельно без посторонней помощи.

Рефлекс толкания заключается в том, что при соприкосновении ребенка с опорой он отталкивается от нее. Этот рефлекс присущ здоровым детям, а у детей с ДЦП он либо слабо выражен, либо (чаще) всего совсем отсутствует.

Хватательный рефлекс характеризуется способностью ребенка взять предмет в руку и способностью его удержать.

Наклоны, приседания и выдохи в воду осуществляются с помощью приложения внешних сил, так как ребенок самостоятельно не может ни присесть, ни наклониться, ни тем более сделать выдох, идет повторение двигательных действий. На этом этапе выявляются двигательные возможности и возможности функционирования двигательной памяти. С каждым занятием ребенка учат делать упражнение самостоятельно.

Методы математической статистики позволили обработать весь цифровой материал. Нами определялось среднее арифметическое ($\bar{x}$), ошибка среднего арифметического ($\pm m$), достоверность изменений (p), процент прироста результатов ($T\%$).

Исследование проводилось на базе бассейна КГАФКА в период с 2017 по 2020 год. В исследовании приняли участие 12 детей с диагнозом ДЦП. Исследование проводилось в несколько этапов.

На 1 этапе определялся исходный двигательный уровень больного ребенка, причины возникновения ДЦП, курс дополнительного лечения, назначенный врачом, наличие возможных дополнительных заболеваний.

На 2 этапе для каждого ребенка индивидуально разрабатывался план занятий и подбирался комплекс упражнений.

Характеристика контингента. Нами была набрана группа 12 человек детей с диагнозом ДЦП из которых:

4 ребенка со спастической диплегией (болезнь Литля). Это недоношенные дети, у которых нижние конечности поражены в большей степени, чем верхние. Причиной ДЦП явились инфекции и тяжелая родовая асфиксия;

4 ребенка были с гемиплегией. Это доношенные дети, причиной возникновения ДЦП явились родовые травмы и инсульты. У них больше страдает одна сторона тела, причем рука больше, чем нога;

2 ребенка были с тяжелой формой ДЦП: двойная гемиплегия, связанная с обширными повреждениями головного мозга вследствие внутриутробной инфекции и тяжелой родовой асфиксии. Поражены конечности, но больше верхние с обеих сторон.

2 ребенка с гипертонической формой ДЦП, которая возникает вследствие тяжелой гипоксии или ядерной желтухи. У этих детей проблемы с речью, но они хорошо поддаются обучению.

Для комплектования групп и подбора индивидуальной методики занятий все дети были разделены на подгруппы по степени поражения опорно-двигательного аппарата [10]. Так, в группу с односторонним поражением опорно-двигательного аппарата было отнесено 66,5% детей, а к двухстороннему — 33,5%.

Причем в первой группе занимались дети как с гипотонусом, так и с гипертонусом мышц (40% и 43% соответственно, см. рис. 1).

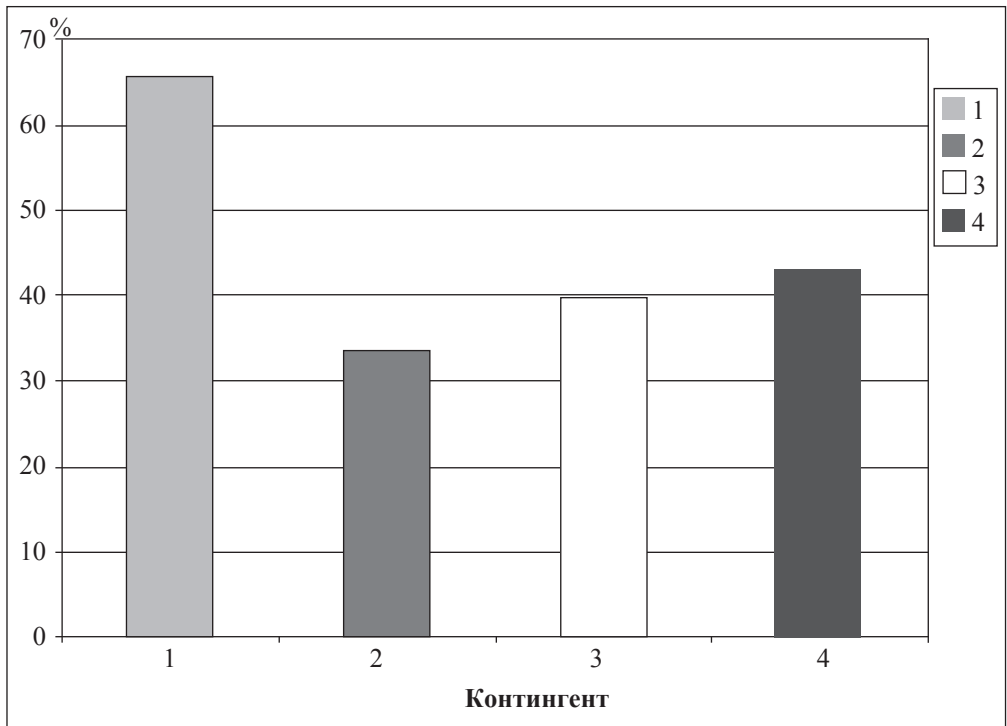

Рис. 1. Характеристика контингента

При подборе индивидуальной методики занятий нами выяснились причины возникновения ДЦП. Для этого мы анализировали личные анкеты каждого ребенка. По результатам анализа анкет было выявлено, что у занимающихся детей причиной возникновения ДЦП являются чаще всего родовые травмы, обусловившие нарушение рефлексов, присущих детям данного возраста. 8 детей с данными нарушениями были отнесены к 1 группе.

Ко 2 группе были отнесены 2 ребенка, у которых причиной возникновения ДЦП явились инфекционные заболевания матери во время беременности. У них также отсутствовали рефлексы, присущие данному возрасту и были отмечены нарушения в ЦНС.

В 3 группу вошли 2 человека, имеющие тяжелую форму проявления ДЦП с нарушением рефлексов, с отсутствием необходимого объема движений и поражением головного мозга.

Для каждой из вышеперечисленных групп использовалась индивидуальная методика занятий, которая учитывала причины возникновения ДЦП; уровень объема движений на момент начала занятий [21].

На 1 этапе нашего исследования мы определили объем двигательных действий, присущий каждому ребенку к началу занятий. Выяснилось, что 100% детей не умели правильно сидеть, расслабляться, стоять, выпрямляться, отталкиваться от бортика самостоятельно и плавать.

После проведения 36 занятий с каждым ребенком мы проводили повторное тестирование вышеперечисленных параметров. Так, у детей с односторонним поражением опорно-двигательного аппарата в результате родовой травмы и внутриутробной инфекции наблюдались первые улучшения. Четверо детей научились расслабляться в воде в положении на спине, не боялись воды, могли погружать лицо в воду, пытались выпрямляться самостоятельно, отталкивались от опоры, выполняли подъем туловища из положения «наклон в воде». На суше пытались самостоятельно переворачиваться и вставать на четвереньки. У остальных существенных изменений не наблюдалось. Дети с двухсторонним поражением опорно-двигательного аппарата не улучшили свое состояние (см. таблица).

Через полгода систематических занятий у детей 1 группы был отмечен явный прирост объема двигательных действий. Появился хватательный рефлекс, ребенок мог разжимать и сгибать кисть, брать игрушки и удерживать их, выполнять отталкивание от опоры в воде. Самостоятельно выполняли наклоны к воде и обратно, погружали лицо в воду. Выполняли приседания и прыжки с помощью инструктора. На суше дети этой группы не только переворачивались на живот и начали ползать, но и пытались самостоятельно вставать у опоры, могли удержаться в положении стоя до 1 минуты и без опоры до 30 секунд (таблица).

Дети 2 группы научились расслабляться в воде, погружать лицо, но очень сильно отставали от детей 1 группы.

У детей 3 группы практически не наблюдалось существенных изменений, наметилась только тенденция к расслаблению мышц и выполнению рефлекторных движений.

Через год первая группа пыталась самостоятельно сидеть, стоять, погружаться в воду, выполнять выдохи, а также движения ногами и руками, держаться за дорожку хорошо отталкиваться от бортика, играть в мяч.

У детей 2 группы был отмечен явный прирост объема двигательных действий. Появился хватательный рефлекс, ребенок мог разжимать и сгибать кисть,

Динамика освоения двигательных действий

группа	Месяц	Параметры																
		Вода									Суша							
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	а	б	в	г	д	ж	з	и
1	3	+	√		√	√	+					+	+					
	6	+	+		+	+	+				+	+	+		+	√	√	
	12	+	+	√	+		+	+	+	+	+	+	+	√	+	+	√	
	18	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	√	+
2	3											+						
	6	+	√									+						
	12	+	+		+	+	+				√	+	+		+	√	√	
	18	+	+	√	+	+	+	+	+	+	+	+	+	√	+	√	√	
3	3											+						
	6	√										+						
	12	+	√		√	+	√					+	√					
	18	+	+		+	+	+				+	+	+	√	√			

Пояснение к таблице

ВОДА:

- 1 — расслабление
 2 — погружение лица
 3 — погружение полностью
 4 — наклон
 5 — подъем из наклона
 6 — отталкивание от опоры
 7 — выдохи
 8 — движения ногами и руками
 9 — игра в мяч

СУША:

- а — хватание
 б — рефлекторные движения
 в — вставание на четвереньки
 г — сидение
 д — стояние
 ж — приседание
 з — прыжки
 и — ходьба
 √ — выполнение упражнения с помощью преподавателя
 + — выполнение упражнения самостоятельно.

брать игрушки и удерживать их, выполнять отталкивание от опоры в воде. Самостоятельно выполняли наклоны к воде и обратно, погружали лицо в воду. Выполняли приседания и прыжки с помощью инструктора. На суше дети этой группы стали переворачивались на живот и начали ползать, пытались самостоятельно стоять, могли удержаться в положении стоя до 1 минуты и без опоры до

30 секунд. То есть был достигнут тот результат, который дети первой группы уже выполняли через полгода занятий (таблица).

Дети 3 группы к этому времени научились расслабляться в воде в положении на спине, не боялись воды, могли погружать лицо в воду, пытались выпрямляться самостоятельно, выполняли подъем туловища из положения «наклон в воде». На суше пытались самостоятельно переворачиваться. Они добились тех результатов, которые дети 1 группы уже выполняли на 36 занятии (таблица).

Через 1,5 года 2 ребенка из первой группы ходили с опорой, сидели самостоятельно, могли стоять и ползать, выполняли все упражнения. Два ребенка делали все, кроме ходьбы (таблица 1).

Дети второй группы пытались самостоятельно сидеть, стоять, погружаться в воду, выполнять выдохи, движения ногами и руками, держались за дорожку хорошо отталкиваться от бортика, играть в мяч. Их результаты практически повторяли результаты детей 1 группы после года занятий. Таким образом, разница в результатах между детьми 1 и 2 группы была полгода, учитывая то, что занятия с обеими группами были начаты одновременно.

В третьей группе отмечался прирост объема двигательных действий. Появился хватательный рефлекс, дети научились выполнять отталкивание от опоры в воде. Самостоятельно выполняли наклоны к воде и обратно, смогли погрузить лицо в воду. На суше дети смогли перевернуться на живот, вставали на четвереньки, сидели и стояли с опорой и поддержкой, но стояли не на полной стопе. Но у одного ребенка существенных изменений так и не наблюдалось (см. таблицу).

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Перед началом занятий с детьми, имеющими заболевания ДЦП, необходимо изучить историю болезни, причины возникновения заболевания, степень поражения.
2. При проведении занятия в воде необходимо строго контролировать температуру воды — она должна быть на первых занятиях достаточно теплой, чтобы ребенок не испытывал дискомфорта. Теплая вода способствует расслаблению, что необходимо для детей с сильной спастикой.
3. На первых занятиях упражнения направлены на расслабление мышц (проводки, покачивания, отталкивания от бортика, как на груди, так и на спине).
4. Затем упражнения на развитие рефлексов, как с помощью инструктора, так и самостоятельно (приседания, наклоны, имитация работы ног кролем, погружение лица в воду, движения руками).
5. Упражнения на развитие дыхания, погружение под воду.
6. Упражнения с поддерживающими средствами, элементы техники плавания.

Заключение. Изучено и экспериментально обосновано лечебно-оздоровительное влияние упражнений в воде на детей, больных ДЦП.

Авторами разработан и опробован комплекс упражнений, который можно использовать при занятиях на суше и в воде с детьми, больными ДЦП с учетом индивидуальных особенностей.

Научно-прикладные исследования на базе вуза будут продолжены по двум направлениям: педагогическая биомеханика, реабилитационная биомеханика. В рамках практико-ориентированного образования разрабатывается проект «Педагогическая биомеханика с детьми с врожденными патологиями».

Список литературы

1. Батышева Т.Т., Быкова О.В., Тюрина Е.М., Виноградов А.В. Детский церебральный паралич — актуальное обозрение // Доктор. Ру. — 2012. — № 5 (73). — С. 40–44.
2. Барулин А.Е., Курушина О.В., Калинин Б.М. Применение методики кинезиотейпирования у пациентов неврологического профиля // РМЖ. — 2016. — Т. 24. — № 13. — С. 834–837.
3. Борзиков В.В., Рукина Н.Н. и др. Обьективизация двигательных нарушений у детей с церебральным параличом: состояние вопроса // Ортопедия, травматология и восстановительная хирургия детского возраста. — 2018. — Т. 6. — № 1. — С. 67–77.
4. Воловик М.Г., Шейко Г.Е., Кузнецов А.Н. Эффективность реабилитации детей 5–8 лет со спастическими формами ДЦП, по данным клинической оценки и тепловидения // Медицинский алфавит. — 2019. — Т. 4. — № 39 (414). — С. 14–23.
5. Гавенко В.Л., Одинец Ю.А., Колотева Л.В. и др. Влияние плавания на психическое и физическое развитие детей / Актуальные проблемы, современные достижения психоневрологии, их медико-технические аспекты в основных разделах и практике медицины: Тезисы областной конф. — Харьков, 1985. — С. 217–218.
6. Гонтмахер А.В., Червонная О.Ю. и др. Роль вайта-терапии в системе комплексной абилитации недоношенных детей, угрожаемых по развитию ДЦП // Детская и подростковая реабилитация. — 2019. — № 4 (40). — С. 23.
7. Гросс Н.А., Беркутова И.Ю. и др. Оценка двигательных возможностей детей с ДЦП при выполнении упражнений из разных исходных положений // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. — 2016. — № 4 (134). — С. 64–70.
8. Давлетьярова К.В., Кориунов С.Д. и др. Биомеханические характеристики ходьбы у больных с детским церебральным параличом // Теория и практика физической культуры. — 2015. — № 7. — С. 26–28.
9. Детский церебральный паралич (ДЦП). Клинические рекомендации // Вестник восстановительной медицины. — 2017. — № 3 (79). — С. 91–114.
10. Долганов Д.В., Попков Д.А., Аранович А.М. Количественная оценка проявлений двигательной патологии в постуральных ортостатических стереотипах // Российский журнал биомеханики. — 2016. — Т. 20. — № 4. — С. 378–390.
11. Дочкина Е.С., Устинова А.В., Таранушенко Т.Е. Анализ перинатального периода и поражений ЦНС у детей с ДЦП // Сибирское медицинское обозрение. — 2018. — № 5 (113). — С. 41–47.
12. Иванова Г.Е., Ишутин Д.В. и др. К вопросу оценки состояния и перспектив применения принципов биомеханики движений в разработке импортозамещающих изделий и технологий медицинской реабилитации // Вестник восстановительной медицины. — 2017. — № 2 (78). — С. 36–42.
13. Колесникова Е.В., Стародубцев А.И., Карпов С.М., Стародубцев А.А. Лечение когнитивных нарушений у детей дошкольного возраста, страдающих ДЦП // Клиническая неврология. — 2014. — № 1. — С. 13–16.
14. Кориунов С.Д., Давлетьярова К.В., Капилевич Л.В. Биомеханические характеристики ходьбы у детей с врожденными расстройствами локомоций // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 387. — С. 203–207.

15. Лобастова И.В. Влияние физической реабилитации на развитие когнитивной сферы детей с ДЦП // Сибирский психологический журнал. — 2010. — № 36. — С. 59–61.

16. Маджидова Е.Н., Абдукадырова И.К. Зрительные нарушения детей с детским церебральным параличом // Вестник Казахского Национального медицинского университета. — 2016. — № 2. — С. 294–297.

17. Моисеева Т.Ю. Лечебное плавание в системе выживания недоношенных детей с перинатальным поражением мозга / I республиканский съезд по лечебной физкультуре и спортивной медицине. — Рига, 1986. — С. 50.

18. Мугерман Б.И., Парамонова Д.Б., Сабиров Р.Б. Патогенез прогрессирующих нарушений позы и произвольных движений у больных детским церебральным параличом // Паллиативная медицина и реабилитация. — 2014. — № 2. — С. 19–22.

19. Никитюк И.Е., Мошонкина Т.Р. и др. Влияние локомоторной тренировки и функциональной электростимуляции на постуральные функции детей с тяжелыми формами // Физиология человека. — 2016. — Т. 42. — № 3. — С. 37–46.

20. Пигида К.С., Овчинников Ю.Д., Лаврухина П.В. Методология применения водотерапии при ДЦП реабилитационный фактор биомеханики движений // Наука-2020. — 2019. — № 11 (36). — С. 100–107.

21. Петрушанская К.А., Витензон А.С. Исследование структуры ходьбы больных детским церебральным параличом // Российский журнал биомеханики. — 2005. — Т. 9. — № 3. — С. 56–69.

22. Ташетова А.К. Реабилитация детей со спастико-гиперкинетической формой // Клиническая медицина Казахстана. — 2012. — № 4 (26). — С. 117–119.

23. Тучков В.Е., Семаева Г.Н., Киселев Д.А. Применение комплексной методики реабилитации детей с гемипаретической формой ДЦП // В мире научных открытий. — 2017. — Т. 9. — № 2. — С. 84–94.

24. Судиловская Н.Н., Александрова Д.Н. Влияние форм ДЦП и аутизма на выбор методов коррекции сопутствующих нарушений // Психология когнитивных процессов. — 2017. — № 6. — С. 186–190.

25. Умханов Х.А. Некоторые клинические аспекты проблемы ДЦП // Вестник физиотерапии и курортологии. — 2015. — Т. 21. — № 2. — С. 161а–161.

А.И. Бембена

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

SOCIAL ADAPTATION OF INTERNAL AFFAIRS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

БЕМБЕНА Анастасия Игоревна — аспирант кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета (e-mail: dolya_rus@mail.ru)

BEMBENA Anastasia Igorevna — Postgraduate Student of the Social Work Department, Belgorod National Research University (e-mail: bembena@mail.ru)

Аннотация. Проблема рассмотрения теорий социальной адаптации сотрудников органов внутренних дел в современном обществе является актуальной. Цель работы — определить и проанализировать теории социальной адаптации сотрудников органов внутренних дел. В статье исследуются конкретные теоретические построения социальной адаптации сотрудников органов внутренних дел в современном обществе, раскрывается их содержание и даются характеристики во взаимосвязи с жизнедеятельностью сотрудников органов внутренних дел. Используются методы: компаративистский; исторический; метод анализа; метод синтеза. Исследование продемонстрировало, что теории социальной адаптации сотрудников ОВД позволяют скрупулезно и детально изучить сложности социальной адаптации работника к требованиям системы правоохранительных органов, к семье, к социуму в целом.

Ключевые слова: социальная адаптация, сотрудник органов внутренних дел, правоохранительная система, anomia, адаптационный механизм.

Abstract. The problem of considering theories of social adaptation of employees of internal affairs bodies in modern society is an urgent problem. The purpose of the work is to define and analyze the theory of social adaptation of employees of internal affairs bodies. The article examines specific theoretical constructions of social adaptation of employees of internal affairs bodies in modern society, reveals their content and gives characteristics in connection with the life of employees of internal affairs bodies. The methods used are: comparative; historical; method of analysis; synthesis method. The study has shown that the theory of social adaptation of police officers makes it possible to scrupulously and in detail study the components of the complexity of social adaptation of an employee to the requirements of the law enforcement system, to the family, to society as a whole.

Keywords: social adaptation, employee of internal affairs bodies, law enforcement system, anomie, adaptation mechanism.

Проблема рассмотрения теорий социальной адаптации сотрудников органов внутренних дел в современном обществе является актуальной. Соглас-

но С.И. Капице, социальная адаптация — это «целостный, динамический, непрерывный, относительно устойчивый процесс взаимодействия личности либо группы и социальной среды, в ходе которого формируются способности людей осмысленно ориентироваться в меняющейся ситуации, вырабатывать адекватные модели поведения, рационально использовать различные ресурсы для согласования самооценок и возможностей и наиболее полной реализации своих потребностей и притязаний» [8, с. 209]. В социологии и в области социальной работы проводилось успешное и тщательное изучение социальной адаптации инвалидов, детей-сирот, пожилых людей, бездомных, бывших заключенных, женщин-программисток и др. [6, с. 100–101], но вместе с тем редко затрагиваются вопросы социальной адаптации сотрудников правоохранительных органов.

Объект настоящего исследования — социальная адаптация сотрудников органов внутренних дел. Предметом исследования выступает социологический анализ теорий социальной адаптации сотрудников органов внутренних дел. Цель работы — определить и проанализировать теории социальной адаптации сотрудников органов внутренних дел.

Методологический исследовательский фундамент работы составляют: компаративистский метод как метод сравнительного анализа содержаний теорий авторов из разных стран и регионов; исторический метод как метод изучения становления и развития теорий социальной адаптации сотрудников ОВД; метод анализа как метод вычленения элементов адаптивного процесса; метод синтеза как метод интеграции составляющих социальной адаптации.

Рассмотрим социологические теории социальной адаптации.

Теория аномии Э. Дюркгейма. Первые исследования социальной адаптации проводились еще в XIX веке в работах известного французского социолога Э. Дюркгейма, рассматривавшего ее в рамках формулы «норма – патология». Дюркгейм отмечал, что уровень социальной адаптации достигает высокого уровня у тех, кто поддерживает и принимает нормы, принятые в обществе. Противоположное же поведение порождает дезадаптированность и патологию. Общеизвестно, что сотрудники ОВД, будучи на страже закона, и сами иногда опускаются до вседозволенности, нарушая нормы, которые сами призваны защищать, особенно в обществе, переживающем состояние аномии. Одним из тревожных проявлений аномии среди полицейских выступает эскалация суицидальных тенденций, которые Дюркгейм изучал в своей знаменитой работе «Самоубийство» [7, с. 165].

Теория рационального поведения М. Вебера. Французский социолог практически отождествлял адаптационный процесс с социализационным. Согласно немецкому социологу М. Веберу, наиболее адаптирован тот человек, который следует целерациональному поведению, а не аффективному [4, с. 65]. Принимая данные выводы М. Вебера, современный исследователь генезиса криминальности в полицейской среде Н.А. Бояркина рассматривает аффективное поведение сотрудников ОВД как один из результатов профессиональной деформации, происходящей в процессе их постоянного контактирования с асоциальной средой, нравственной невоспитанностью личности, несдержанности [3, с. 91–93].

Теория структурного функционализма Т. Парсонса и Р. Мертон. В XX веке к изучению социальной адаптации приступили структурные функционалисты. Т. Парсонс полагает, что социальная адаптация есть реализация равновесия социальной системы, в которой выстраивается особый баланс между личност-

ными ожиданиями-потребностями и нормативными требованиями социальной среды. Адаптация для Т. Парсонса есть основополагающий принцип экономической подсистемы социальной системы и одновременно процесс внедрения в данную систему посредством личностных механизмов освоения ценностно-нормативного набора, позволяющего полноценно стать частью социальной среды [10, с. 184]. Сотрудники ОВД приходят в соответствующую сферу со своими личностными потребностями и ожиданиями, связанными с реализацией потенциалов в профессиональном ключе, сталкиваясь с нормативными требованиями корпоративной культуры сферы внутренних дел.

Р. Мертон, рассматривая адаптационный механизм с позиций согласования целей и средств их достижения, в свою очередь, предлагает его типологию (конформизм, инновация, ритуализм, ретризм, мятеж).

Единственным не девиантным типом адаптации является первый (конформизм), в котором цели и средства одобряемы обществом, что способствует его стабилизации. Конформист демонстрирует зависимость от социальных установок, стандартов, общественного мнения. Превалирование представителей данного типа адаптации в обществе делает последнее более устойчивым [9, с. 365–368].

Инновационный тип адаптации предполагает социально одобряемые цели с сомнительными средствами их достижения, которые в первую очередь использует криминальная среда (убийство, рэкет, кража, мошенничество, грабеж, разбой, коррупция и др.).

Ритуализм как тип адаптации больше акцентирован на социально одобряемые средства (рутинные правила, традиционные нормы) достижения целей, при которых индивид жертвует основными культурными целями, избегая неудачи и опасности.

Ретритизм как тип адаптации связан с отказом от одобряемых целей и средств их достижения, с эскапизмом и изоляцией от общества (маргиналы).

Мятеж как тип адаптации означает отказ от прежних целей и средств их достижения, взамен которых предлагаются новые цели и средства (революционеры).

Сотрудники ОВД включены практически во все типы адаптационного взаимодействия, описанные Р. Мертоном, поскольку периодически вступают в контакт с преступниками (инновация), представителями оппозиции (мятеж) и маргиналами (ретритизм), общаются с приверженцами ритуальных норм (ритуализм) и представляют в идеале образец поведения, в котором превалируют социально одобряемые цели и средства их достижения (конформизм), на страже которых они и стоят [9, с. 365–368]. Вместе с тем эскалация противоправного поведения в полицейской среде говорит о постоянной опасности распространения инновационного типа адаптации среди сотрудников ОВД.

Рассмотрим далее психологические теории социальной адаптации.

Психоаналитическая теория. Согласно З. Фрейду, социальная адаптация воспринимается в системе «Ид-Эго-СуперЭго». Ид-бессознательное содержит то, что не может вписаться в систему социальных норм и требований, предъявляемых СуперЭго. Следовательно, Эго выступает посредником между ними и, используя энергию Ид, переводит его содержимое в позитивно санкционированные формы, тем самым оказываясь между желаниями индивида и требованиями социальной среды, помогая достигнуть гомеостатического равновесия между ними. Вместе с тем Эго испытывает комплексную проблему тревожности иллюзорной или реальной (потеря любимого объекта, себя, любви, любви к

себе), порождая психоаналитическую формулу механизма социальной адаптации: «конфликтная ситуация – тревожность – защитные реакции», что вписывается в сам процесс перевода содержания Ид в социально одобряемые формы СуперЭго [11, с. 56–57]. Сотрудники ОВД практически ежедневно работают в конфликтной среде, испытывая особое чувство тревожности, поскольку заняты выявлением преступного элемента, что само по себе порождает опасность для жизни. Полицейские операции, рутинная работа нередко приводят к потерям коллег и товарищей, к разочарованию в себе, порождая определенные защитные реакции.

Ученик З. Фрейда А. Адлер представил процесс социальной адаптации через призму компенсации личностью своей неполноценности («комплекс Наполеона») [1, с. 167]. Согласно Е.Н. Власюк, некоторые сотрудники ОВД «стремятся самоутвердиться, компенсируя свое чувство неполноценности комплексом превосходства, демонстрируя чрезмерную уверенность, смелость, жесткое отношение к лицам, заключенным под стражу, авторитарный стиль руководства по отношению к подчиненным <...> не замещающие руководящие должности или деятельность которых не подразумевает непосредственное общение с заключенными под стражу, чтобы привлечь внимание окружающих прибегают к различным способам манипулирования <...> некоторые сотрудники испытывают чувство тревоги и дискомфорта в коллективе, боятся высказывать свое мнение, считают себя малозначимыми при решении служебных вопросов, но при этом не прилагают конкретных усилий для достижения успеха (например, не проявляют инициативу при решении поставленных задач, не отстаивают свою точку зрения, формально подходят к исполнению служебных обязанностей и др.) <...> часто оправдывают свою нереализованность в профессиональной деятельности недостаточным вниманием к их работе со стороны начальства и коллег (например, “если бы у меня было время, то я...”, “если бы ко мне кто-нибудь прислушивался, то все могло быть по-другому”, “если бы у меня были деньги, я бы тоже”))» [5, с. 16].

Э. Эриксон в противовес З. Фрейду предложил иную формулу социальной адаптации: «противоречивая ситуация – тревожность – защитные реакции индивида и среды – гармоническое равновесие или конфликт», тем самым предлагая инвариантное развитие событий, акцентируя особое внимание на равновесной гармонизации взаимоотношений личности и среды, при этом показывая, что разрешение далеко не всегда приводит к гармонии [13, с. 239]. По мнению М.Р. Арпентьевой, сотрудники ОВД «часто попадают в ситуации, правовое и нравственное содержание которых не только не совпадает, но и противоречит друг другу, в которых требуется оставаться человеком и выполнять профессиональные обязанности, ежедневно сталкиваясь с проявлениями государственного закрепленного и «незаконного» насилия, репрессий, иногда стирающих грань между пытками и «условиями содержания», противостоять негативным образам сотрудников полиции, суда и прокуратуры, службы исполнения наказаний». При таких профессиях возникает «необходимость личностной сверхадаптации» для осознания человечности в условиях, «где границы между насилием, ограничивающим и насилием убивающим» труднопроводимы, и это означает, что конфликт может стать следствием адаптационного процесса, а гармонизация связана с осмыслением и пониманием при таких условиях работы общечеловеческих вопросов и тем гуманистического характера [2, с. 673–674].

Немецкий психоаналитик Х. Хартманн, отмечая важность конфликтной ситуации в процессе социальной адаптации, полагает, что не всякий процесс социальной адаптации отталкивается от конфликта, если анализировать такие процессы личностного развития, как память, восприятие, мышление, моторное развитие, речь и творчество. Хартманн настаивает на выделении сферы Я, свободной от конфликтогенных тенденций, которая, в свою очередь, влияет на конфликты. Тем самым его видение социальной адаптации есть совокупность процессов, порождаемых конфликтной и внеконфликтной сферами Я [12, с. 88–90].

Результаты социологического анализа теорий социальной адаптации сотрудников органов внутренних дел показали следующее. Теоретическое осмысление адаптационных механизмов сотрудников ОВД только осуществляет первые шаги, несмотря на важность и актуальность связанных с изучением данной тематики проблем. Теория аномии Э. Дюркгейма применительно к социальной адаптации сотрудников ОВД в рамках формулы «норма – патология»; теория рационального поведения М. Вебера в рамках следования целерациональному поведению как образцу для сотрудника ОВД; теория структурного функционализма Т. Парсонса при изучении социальной адаптации сотрудников ОВД как реализации равновесия социальной системы в интересах баланса между личностными ожиданиями-потребностями и нормативными требованиями социальной среды; теория структурного функционализма Р. Мертон в исследовании адаптационных стратегий сотрудника ОВД с позиций согласования целей и средств их достижения; фрейдистская теория социальной адаптации применительно к сотруднику ОВД в процессе реализации психоаналитической формулы механизма социальной адаптации «конфликтная ситуация – тревожность – защитные реакции»; психоаналитическая теория А. Адлера как анализ процесса социальной адаптации через призму компенсации личностью сотрудника ОВД своей неполноценности; психоаналитическая теория Э. Эриксона как исследование социальной адаптации сотрудника ОВД в рамках инвариантной формулы «противоречивая ситуация – тревожность – защитные реакции индивида и среды – гармоническое равновесие или конфликт»; психоаналитическая теория Х. Хартманна при анализе социальной адаптации сотрудников ОВД как совокупности процессов из конфликтной и внеконфликтной сфер Я — все эти теории в совокупности помогают выстроить достаточно целостную картину того, как протекают процессы социальной адаптации у сотрудников органов внутренних дел.

Тем самым теории социальной адаптации позволяют скрупулезно и детально изучить особенности и проблемы социальной адаптации сотрудников ОВД к требованиям системы правоохранительных органов, к социуму в целом.

Список литературы

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. — М.: Академический Проект, 2011. — 232 с.
2. Арпентьева М.Р. Профессиональное выгорание: десакрализация и латентная агрессия сотрудников правоохранительной системы // Человек: преступление и наказание. — 2017. — Том 25 (1–4). — № 4. — С. 669–676.
3. Бояркина Н.А. Причины и профилактика профессиональной деформации полиции как основного условия совершения ими преступления // Сибирский юридический вестник. — № 4(67). — 2014. — С. 90–95.

4. Вебер М. Основные социологические понятия // Избр. произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 643 с.
5. Власюк Е.Н. Особенности проявления комплекса неполноценности у сотрудников уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2010. — №9. — С. 14–17.
6. Волкова О.А., Босов Д.В. Образ женщины-программистки в кинофильмах и сериалах // Женщина в российском обществе. — 2018. — № 3. — С. 97–103.
7. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. — М.: Канон, 1995. — 352 с.
8. Катица С.И. Понятие социальной адаптации в социологии // Вестник Чувашского университета. — 2009. — №4. — С. 204–209.
9. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура — М.: АСТ: Хранитель, 2006. — 873 с.
10. Парсонс Т. Система современных обществ. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 270 с.
11. Фрейд З. «Я» и «Оно». — М.: Эксмо, 2017. — 149 с.
12. Хартманн Х. Эго-психология и проблема адаптации личности. — М.: Канон+, 2015. — 159 с.
13. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: учеб. пособие. 2-е изд. — М.: Флинта, 2006. — 341 с.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕТСКИХ ДОМОВ И ИНТЕРНАТОВ КАК ИНСТИТУТОВ
ПЕРВИЧНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВИВШИХСЯ
БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

**THE FUNCTIONING OF ORPHANAGES AND BOARDING SCHOOLS
AS INSTITUTIONS FOR THE PRIMARY SOCIALIZATION
OF ORPHANS AND CHILDREN DEPRIVED OF PARENTAL CARE:
PROBLEMS AND SOLUTIONS**

ДОВНАР Алексей Николаевич — магистрант 1 курса факультета юриспруденции МГГЭУ (a.n.dovnar@mail.ru)

DOVNAR Alexey Nikolaevich — 1st year Master's Student of the Faculty MGGEU (a.n.dovnar@mail.ru)

Аннотация. В статье на основе федерального законодательства и созданных на его основе подзаконных актов проанализирована деятельность детских домов и интернатов как специальных учреждений, в которые определяются несовершеннолетние, взятые под опеку государства. Автором выявлен ряд серьезных проблем, с которыми сталкиваются как воспитанники данных организаций, так и сами учреждения, предложены варианты минимизации или полного устранения многоаспектных проблем в области предпринятого исследования.

Ключевые слова: дети-сироты, детские дома, семейное право, опека и попечительство, воспитание детей, социализация детей-сирот, поддержка семьи, семейное воспитание.

Abstract. The article analyzes on the basis of federal legislation and by-laws the activities of orphanages and boarding schools as special institutions for minors under state care. The author has identified a number of serious problems faced by both the inmates of these organizations and the institutions themselves, and proposed options to minimize or completely eliminate multifaceted problems in the field of the undertaken research.

Keywords: orphans, orphanages, family law, guardianship and custody, parenting, socialization of orphans, family support, family education.

С принятием Конституции РФ в 1993 году Россия как социальное государство, в котором обеспечивается государственная поддержка <...> детства [1], взяла на себя обязательства по решению одной из главных проблем — проблемы сиротства, определяемого группой ученых как социальное явление, обусловленное наличием в обществе детей, родители которых умерли, а также детей, оставшихся без попечения родителей вследствие лишения последних родительских прав, признания в установленном порядке родителей недееспособными, безвестно отсутствующими и т.д. [11, с. 57].

Для эффективной реализации общепризнанных принципов и норм международного права, выступающих составной частью национальной правовой системы и закрепляющих, что ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту [2], в нашей стране функционируют органы опеки и попечительства,

которые наделены полномочиями по выявлению и ведению учета детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, защите их прав и интересов до решения вопроса об их устройстве и, исходя из конкретных обстоятельств утраты попечения родителей, выбору формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей [4].

Безусловно, стоит учитывать, что при выборе формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, принимая во внимание положения принципа 6 Декларации прав ребенка, статьи 9 Конвенции о правах ребенка [3] и пункта 1 статьи 123 Семейного кодекса Российской Федерации, органами опеки и попечительства отдается предпочтение устройству детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью. Однако в случае отказа родителей от своего ребенка при его рождении, а также с момента выявления необходимости изъятия детей из семьи, в которой умерли оба родителя или один из них, где отсутствует попечение родителей или родственников детей о них и до момента фактического определения таких детей на воспитание в семью для наилучшего обеспечения их интересов, они помещаются в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее — детский дом, интернатное учреждение).

Помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в детские дома и интернатные учреждения стоит рассматривать как одну из форм защиты прав данной категории несовершеннолетних, осуществляемой органами опеки и попечительства с учетом этнического происхождения детей, их принадлежности к определенной религии и культуре, родного языка, возможности обеспечения преемственности в воспитании и образовании.

Учет вышеперечисленных условий, при которых ребенок-сирота определяется в соответствующий детский дом или интернат, является крайне важным не только на начальной стадии избрания формы устройства детей-сирот, но и в течение всего периода пребывания несовершеннолетних в организации для детей, оставшихся без попечения родителей, где через совокупность всех социальных и психологических процессов, посредством которых индивид усваивает систему знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества [цит. по: 12, с. 43], происходит его социализация, которая не может быть развита иначе, как только посредством формирования личности в тесной привязке к привычным для ребенка условиям жизни в конкретной этнической, речевой, культурной и религиозной традиции.

Принципиальное значение для процесса адаптации ребенка к условиям окружающей среды и связанной с ней последующей его социализации в общество имеет время, в которое несовершеннолетний попадает в соответствующую организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. На сегодняшний день можно выделить два периода: с самого рождения и с момента изъятия детей из семьи по надлежащим основаниям. Как ни странно, и в том, и в другом случае имеет место неоднозначность подходов к анализу последствий, связанных с устройством детей в детские дома и интернатные учреждения.

Если от новорожденного родители отказываются еще в роддоме, то это не несет в себе деформации сформированных умений, так как социальные навыки только должны будут быть привиты ребенку, взятому государством на свое попечение. Вместе с тем этому же воспитаннику невольно позднее придется сталкиваться с комплексом проблем, вызванных последствиями нахож-

дения в стенах интерната, отличающегося целым рядом характерных особенностей [13, с. 28].

Совсем иначе стоит рассуждать об определении детей в соответствующую их возрасту и состоянию здоровья организацию, предпринимаемом органами опеки и попечительства в качестве исключительной меры защиты прав данной категории граждан, в отношении которых отсутствовало надлежащее внимание со стороны родителей. Такого рода жизненные обстоятельства являются не просто сменой образа жизни, но и зачастую оказываются серьезной психологической травмой, вызванной, с одной стороны, действием негативных факторов, приведших к дисгармонии социальных функций в семье, позволившей констатировать необходимость изъятия ребенка из семьи для скорейшего восполнения упущений в воспитании, с другой — необходимостью подстраиваться к доселе незнакомым условиям жизни в казенном учреждении.

Выявление дисгармонии социальных функций в семье происходит на основании Правил осуществления отдельных полномочий органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан [7] посредством проведения обследования условий жизни несовершеннолетних граждан и их семей, в ходе которого выявляются: уровень обеспечения основных потребностей ребенка, семейное окружение ребенка, жилищно-бытовые и имущественные условия. По итогам проведенного обследования составляется акт, отражающий: оценку выявленных обстоятельств, указанных выше, выводы о наличии условий, представляющих угрозу жизни или здоровью ребенка либо препятствующих его нормальному воспитанию и развитию, а также заключения об отсутствии родительского попечения над ребенком и о форме защиты прав и законных интересов ребенка [9].

Представляется важным указать на то, что в приказе Министерства просвещения Российской Федерации наряду с обозначением необходимости обеспечения конфиденциальности персональных данных граждан при проведении обследования отсутствует положение, по которому обследование условий жизни несовершеннолетних граждан и их семей следует осуществлять беспристрастно и объективно. Нами не случайно акцентируется внимание на долженствовании письменного закрепления данной нормы в Приказе, поскольку отнюдь не редки случаи с явными перегибами в работе ювенальной системы [17]. Предлагается внести изменения в Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 10.01.2019 № 4, изложив пункт 5 в следующей редакции: «Обследование проводится уполномоченным специалистом (специалистами) органа опеки и попечительства либо организации объективно и беспристрастно в течение трех дней со дня получения сведений».

Исходя из целей деятельности детских домов и интернатных учреждений, обозначенных Н.С. Моршиной и С.Н. Кудровой, среди которых выделяется профилактика семейного неблагополучия [16, с. 471], никто не умаляет значимости осуществления органами опеки и попечительства своих полномочий, реализуемых в соответствии с законом [6], и предотвращения реальных нарушений в сфере родительских прав и обязанностей по отношению к детям. Однако, ориентируясь на принцип приоритета семейного воспитания детей, должно отметить, что органам опеки и попечительства (или иным организациям, на которые возложены отдельные полномочия по опеке и попечительству над несовершеннолетними) следует всесторонне проверять поступающие в орган опеки и попечительства или организацию по месту фактического нахождения детей

устные и письменные обращения юридических и физических лиц, содержащие сведения о детях [9], нуждающихся в защите государства. Каждый конкретный случай должен подлежать отдельному подходу и изучаться с учетом не только и даже не столько предписаний инструкций, но и с учетом наилучших интересов ребенка, потому как кажущаяся, на первый взгляд, неблагополучной семья может испытывать временные трудности, не связанные с умышленным ущемлением прав и свобод несовершеннолетнего. Констатируя такое положение семьи, специалист от органа опеки и попечительства или от образовательной организации, осуществляющий обследование, должен обратиться в организацию, в которой воспитывается ребенок, и посодействовать оказанию комплексной (социально-правовой, психолого-педагогической и медицинской или иной) помощи членам семьи, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, чтобы не допустить изъятия ребенка из семьи без серьезных оснований, не могущих быть разрешенными даже при содействии со стороны.

Таким образом, детские дома и интернатные учреждения, осуществляющие свою деятельность на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 24.05.2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» (далее — Постановление Правительства Российской Федерации от 24.05.2014 г. № 481) [8], принимают на полное государственное обеспечение несовершеннолетних, взятых под опеку государства с самого рождения, изъятых из семьи по основаниям и в порядке, установленных законом, а также детей, родители (законные представители) которых временно не могут осуществлять принадлежащие им обязанности в отношении ребенка.

Принимая детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, соответствующие казенные учреждения призваны, руководствуясь наилучшими интересами ребенка, осуществлять свою деятельность, ориентируясь не только на решение сиюминутных проблем, связанных с необходимостью скорейшего восстановления нарушенных прав несовершеннолетних, но, прежде всего, на формирование их социальной компетентности, которая определяется С.А. Учуровой как базисная, интегральная характеристика личности, отражающая социальную зрелость человека, высший уровень адаптации личности, позволяющий ей эффективно выполнять свои жизненные роли, моделировать свою деятельность в обществе в определенных ценностных ориентирах [цит. по: 15, с. 117].

Социальная зрелость человека, достижение высшего уровня его адаптации — то, что в первую очередь должно быть сегодня в фокусе внимания учителей и воспитателей, социальных педагогов и наставников, ответственных за всестороннее развитие детей. Однако желаемое не является действительным ввиду наличия ряда серьезных проблем в механизме функционирования организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые сказываются как на работе самих детских домов и интернатных учреждений, так и на социализации их воспитанников.

В минувшем столетии политика нашего государства отличалась особым вниманием к детям, лишенным родительской заботы, и выражалась в определении детей-сирот в специально созданные организации, что, по мнению И.А. Борисовой и В.И. Богдановской, можно рассматривать как своеобразную резервацию детей. Именно поэтому, как отмечают ученые, общество уделяло недостаточно внимания этой категории детей, фактически оно не решало их проблемы, а скорее их «консервировало» [10, с. 75].

Важно отметить, что «консервация», имеющая место и в наши дни, порождает куда более глубинные проблемы с далеко идущими последствиями, которые условно можно разделить на три категории: базовые, образовательные и социокультурные. Совокупность обозначенных проблем выражается в неспособности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, к «выполнению своих социальных ролей», обусловленных конкретными жизненными обстоятельствами, в которых оказываются вчерашние сироты и сегодняшние выпускники детского дома или интерната.

Базовые проблемы, возникающие в большей степени на начальном этапе развития ребенка или в случае запущенности его воспитания со стороны родителей, подлежат разрешению с помощью метода параллельного педагогического действия, выраженного известным советским педагогом А.С. Макаренко [14, с. 78], когда при грамотном осуществлении воспитательной работы ребенок сможет научиться элементарным умениям по самообслуживанию.

Серьезную обеспокоенность вызывает сфера образования, выступающая составной частью многогранного процесса социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и отличающаяся сегодня чрезмерно высоким уровнем «бумаготворчества», в которое погружены педагоги, подчас вынужденные заполнять всевозможные формы отчетности, вместо того чтобы заниматься образованием детей. Невозможность уделять достаточного времени проведению уроков и занятий с воспитанниками детских домов и интернатных учреждений, в свою очередь, вынуждает учителей и воспитателей ограничиваться в своей деятельности сугубо рамками календарно-тематического планирования по направлениям учебно-воспитательной работы. При этом последнее больше ориентировано на выполнение четко заложенного графика, который зачастую вдобавок к основной занятости педагогических работников спускается сверху и опять-таки требует обязательной отчетности о выполнении, что не позволяет педагогам применять творческий подход к своей работе, плодом которого мог бы стать уникальный метод обучения и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В итоге дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, не получив должной всесторонней подготовки к жизни в социуме, не могут в дальнейшем полноценно социализироваться в общество.

В качестве решения вышеуказанных проблем можно предложить следующие варианты.

Во-первых, следует на уровне Министерства просвещения Российской Федерации принять нормативно-правовой акт, определяющий исчерпывающий перечень видов документационной отчетности.

Во-вторых, необходимо на уровне организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выработать механизмы, позволяющие при разработке программ дополнительного образования и созданного на их основе календарно-тематического планирования максимально учитывать интересы ребенка. Учет интересов воспитанников должен осуществляться путем, с одной стороны, определения обязательных минимумов физического, познавательно-речевого, социально-личностного, художественно-эстетического воспитания, заложенных в ФГОС, с другой — установления вариативности кружковой и иной досуговой программы, предлагаемой органами управления образования в регионах в качестве обязательных минимумов при очевидности дополнительной нагрузки таковых, и ее последующего утверждения только после выражения мнения адресантов данных внеклассных мероприятий.

Получение детьми знаний в рамках основного общего и среднего общего образования не должно ограничиваться лишь теорией, хотя и содержащей практико-ориентированный компонент в виде моделирования опытов и экспериментов, но не способной в полной мере сформировать комплекс необходимых в жизни бытовых умений. Именно поэтому следует привлекать воспитанников не только к самообслуживающему труду, но и к мероприятиям по благоустройству территории организации для детей-сирот, к труду в учебных мастерских и подсобных хозяйствах. Привлечение ребенка к регулярным мероприятиям по уборке мест обучения и проживания, субботникам, экологическим акциям, комбинированным урокам биологии и трудового обучения позволит развить в детях бережное отношение к окружающей среде, воспитает в них ответственное отношение к месту своего пребывания и жительства, поможет наладить коммуникативные навыки в коллективе сверстников, выполняющих совместную работу в команде.

Вносимая инициатива давно закреплена в подпункте «б» пункта 51 Постановления Правительства Российской Федерации от 24.05.2014 г. № 481 [8], но, как показывает практика применения данного документа, она до сих пор либо мало реализована, либо к ее реализации совсем никто не приступал, ограничиваясь ложной боязнью малейшего отступления от норм законодательства, предписывающего ответственность за нарушения в содержании детей-сирот. Зачастую администрация детских домов и интернатных учреждений возводит привычную для нормального развития ребенка ситуацию, к примеру, с падением и получением легких царапин, в трагедию вселенского масштаба, с каждым повторением которой у педагогов «гаснет» всякое желание отступать от жестко структурированного графика работы с детьми.

Естественно, при планировании практико-ориентированных мероприятий никто не исключает обязанности педагогических работников не просто формально подходить к проведению инструктажей по технике безопасности, но и принимать все должные меры к их соблюдению воспитанниками и предотвращению любых ситуаций, ставящих под угрозу жизнь и здоровье детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Вместе с тем руководителям детских домов и интернатных учреждений стоит осуществлять свои полномочия по рассмотрению каждого конкретного случая адекватно, руководствуясь прежде всего принципами презумпции возможности происхождения таковых ситуаций, сопровождающих жизнь ребенка, и разумности определения мер ответственности лица, допустившего случившееся, за происшедшее, не подпадающее под общественно опасное деяние, признаваемое, в соответствии с пунктом «п» части 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации [5], отягчающим обстоятельством и влекущее за собой уголовную ответственность.

Согласно пункту 11 Постановления Правительства Российской Федерации от 24.05.2014 г. № 481, в целях обеспечения и защиты прав и законных интересов детей, в том числе права жить и воспитываться в семье, организацией для детей-сирот составляется индивидуальный план развития и жизнеустройства ребенка, который учитывает его возраст и состояние здоровья, физическое и психическое развитие. Вместе с тем представляется важным акцентировать внимание на том, что в указанном Постановлении Правительства Российской Федерации наряду с общеобязательными требованиями исполнения законодательства по содержанию детей-сирот приводятся в качестве методических рекомендаций в большинстве своем диспозитивные вариации реализации меро-

приятый по социально-трудовой реабилитации детей с целью восстановления или компенсации утраченных или нарушенных способностей к бытовой, социальной и профессиональной деятельности и интеграции их в общество [8]. Такого рода диспозитивность в действиях, с одной стороны, позволяет организациям самостоятельно определять способы воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что, естественно, хорошо с точки зрения вероятности появления уникального метода обучения и воспитания, выработанного вследствие творческого подхода педагогов к своей работе, с другой — порождает отсутствие сколь-нибудь ясной конкретики в четком определении перечня компетенций внеобразовательного компонента, которыми должны владеть дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. Между тем, только исходя из успешности освоения определенных компетенций, можно будет судить о социальной зрелости человека, способного или же неспособного, столкнувшись с проблемой как в период пребывания в детском доме или интернате, так и после выпуска из него, решить ее, исходя из сформированности умений и навыков, выработка и повышение которых должны нормативно вменяться в обязанность организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Абсолютно каждому ребенку в условиях быстро меняющегося мира, когда необходимо обладать социальной мобильностью, характеризующейся навыком ориентации в сложных жизненных ситуациях, умением переобучаться, желанием постоянного повышения своей компетенции во многих сферах общественной жизни, вкупе с физическим, познавательным-речевым, социально-личностным, художественно-эстетическим воспитанием нужно совершенствовать теоретические знания через их закрепление на практике, как той, что осуществляется в стенах детского дома и интернатного учреждения, так и той, которая может и должна реализовываться через создание системы социально ориентированных предприятий, полагающих в основу своей деятельности идеи социального предпринимательства [18, с. 110].

В этой связи выражается глубокая убежденность в том, что сегодня крайне важно в спектре предоставленных соответствующим организациям полномочий не только проводить профессиональное обучение детей по программам профессиональной подготовки по профессиям рабочих и должностям служащих при наличии соответствующей лицензии на указанный вид деятельности, но и находиться в тесном сотрудничестве и конструктивном взаимодействии с предприятиями, на базе которых сегодняшние воспитанники могли бы получить необходимый для дальнейшего трудоустройства опыт и уже после выпуска из детского учреждения реализоваться в предпочитаемом виде профессии.

Если исходить из анализа содержания Постановления Правительства Российской Федерации, регламентирующего деятельность организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, то основная задача детских домов и интернатных учреждений, помимо тех, которые осуществляются для решения главной из них, — это максимально возможное сокращение сроков пребывания ребенка в организации для детей-сирот и его скорейшее устройство в семью.

Для того чтобы в детском доме или интернатном учреждении находящиеся там дети жили не в казенных условиях, но по-семейному, Правительством Российской Федерации установлено, что проживание детей организовывается по принципам семейного воспитания в воспитательных группах, размещаемых

в помещениях для проживания, созданных по квартирному типу [8]. К видам деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, документом высшего органа исполнительной власти первоначально отнесено создание условий пребывания детей в организации для детей-сирот, приближенных к семейным, что можно расценивать как рецепцию положений Конвенции о правах ребенка, закрепляющих норму, согласно которой ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания [3], направленную на попытку создания «семейного окружения» в условиях интернатного типа для тех, кто лишен его по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации.

Как видно из вышеуказанных документов, и на международном, и на национальном уровне особая роль в деле всестороннего становления индивида отводится семье. Однако это лишь в теории, что же касается практики, то в этой сфере отнюдь не все так радужно. Ни для кого не секрет, что трансформации инфраструктурного потенциала организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые, казалось бы, должны строго следовать предписаниям Постановления Правительства Российской Федерации, не происходит. Это объясняется рядом объективных факторов.

Большинство детских домов и интернатных учреждений в нашей стране были созданы в бытность советской власти. Соответствующие организации размещались и продолжают размещаться в зданиях, не отвечающих требованиям, предъявляемым к воспитательным группам, а создание условий по квартирному типу требует дополнительных финансовых затрат, покрываемых за счет бюджетов субъектов Федерации, которых не всегда хватает, в особенности у регионов-доноров, каковых немало.

Для реализации заложенных на уровне Российской Федерации функциональных полномочий, возлагаемых на организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достижения должного результата их осуществления необходимо установить временной период, в продолжение которого следует в рамках совместного ведения РФ и субъектов РФ, предусмотренного пунктом «е» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации [1], произвести комплексную модернизацию инфраструктуры детских домов и интернатных учреждений: если возможно, перестроить, если нет, то построить новые здания, обеспечить в соответствии с возрастом и особенностями развития детей наличие развивающего, обучающего, игрового и спортивного оборудования и инвентаря, издательской продукции, мебели, технических и аудиовизуальных средств воспитания и обучения, отвечающих требованиям санитарно-эпидемиологических правил и нормативов, требованиям к безопасности продукции, установленным законодательством Российской Федерации [8], отвечающую всем стандартам, предъявляемым к организациям для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Если такие категории умений и навыков, как базовые, образовательные и отчасти социокультурные, могут быть сформированы в стенах организаций для детей, лишенных родительной заботы, то преодоление барьеров по принятию детей-сирот в обществе и установлению новых контактов с окружением [19, с. 90] возможно осуществить только в семье. Предполагается, что именно для этого Правительством Российской Федерации разработаны Правила временной передачи детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей,

оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации.

Как следует из текста Правил, временная передача детей в семьи граждан не является формой устройства ребенка в семью и осуществляется в интересах детей, в целях обеспечения их воспитания и гармоничного развития [7], что можно охарактеризовать как предоставляемую государством возможность гражданам, чувствующим потребность в реализации своих способностей в воспитании детей, взять несовершеннолетнего в семью и через коммуникативное взаимодействие, через свойственный взрослому авторитет привить воспитаннику детского дома или интернатного учреждения совокупность тех социокультурных навыков, которые не только восполняют недостающий практико-ориентированный компонент в проводимой соответствующими учреждениями воспитательной работе, но и будут способствовать успешной социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общество.

По мнению Б.Г. Явбатыровой и М.М. Асильдеровой, успешность социальной адаптации зависит от характеристик социальной среды [20, с. 79–82]. Именно поэтому крайне важно, чтобы ребенок, взятый государством под опеку и находящийся в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, смог не только получать все медицинские, социальные, образовательные и иные услуги, но и с момента нахождения в детском доме через периодическое проживание в семье, которая получает соответствующее разрешение на встречи с ребенком за пределами казенного учреждения, учился развивать свои коммуникативные навыки по установлению контактов с окружающим миром, чего в интернатских учреждениях сделать не представляется возможным ввиду их изолированности.

Использование практики временной передачи детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, полезно не только для приобретения ребенком коммуникативных навыков, необходимых для полноценного процесса социализации, но и для взаимодействия должностных лиц детских домов и интернатных учреждений с лицами, желающими усыновить (удочерить) или принять под опеку (попечительство) ребенка, получившими в установленном порядке направление на посещение ребенка в целях знакомства и установления контакта между ребенком и указанными лицами [8].

Вместе с тем необходимо отметить, что Постановление Правительства Российской Федерации от 19.05.2009 г. № 432 содержит серьезный правовой пробел, который порождает правоприменительную проблему, выражающуюся в возможности лиц, желающих временно взять ребенка (детей) в семью, оформлять соответствующее разрешение в том числе на воспитанников детского дома и интернатного учреждения, которые помещены в них на основании пункта 12 Постановления Правительства Российской Федерации от 24.05.2014 г. № 481.

С целью недопущения помещения на временное пребывание в семью граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, детей, в отношении которых их родители (законные представители), в силу пункта 2 ст. 155.1 Семейного кодекса Российской Федерации, не теряют права и обязанности родителей (законных представителей) [4], вносится предложение добавить в Постановление Правительства Российской Федерации от 19.05.2009 г. № 432 пункт «3.1» и изложить его в следующей редакции: «3.1. Временная

передача детей, помещенных в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в отношении которых их родители (законные представители) не утрачивают права и обязанности родителей (законных представителей), не допускается».

Несмотря на то, что Постановление Правительства Российской Федерации, регулирующее вопросы временной передачи детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, было принято в 2009 году, органы опеки и попечительства, а также администрация детских домов и интернатных учреждений, неохотно прибегают к предоставляемой государством возможности, что во многом служит объективной причиной торможения процесса приобретения воспитанниками казенного учреждения социокультурных навыков, а также их жизненного самоопределения. Для активизации использования полномочий организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в этой сфере необходимо проводить грамотную информационную политику по популяризации семейного воспитания детей.

Подводя итог, стоит отметить, что приведенные предложения, несомненно, позволят значительно скорректировать в лучшую сторону сложный механизм функционирования организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что в, свою очередь, будет способствовать реабилитации воспитанников детских домов и интернатных учреждений и их полноценной социализации в общество.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 04.07.2020. — № 144.
2. Декларация прав ребенка: принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. — М.: Юридическая литература, 1990. — С. 385–388.
3. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. — М: Междунар. отношения, 1993.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. — 01.01.1996. — № 1. — Ст. 16.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
6. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. — 28.04.2008. — № 17. — Ст. 1755.
7. Постановление Правительства РФ от 18.05.2009 № 423 (ред. от 15.11.2019) «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении

несовершеннолетних граждан» // Собрание законодательства РФ. — 25.05.2009. — № 21. — Ст. 2572.

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.05.2014 г. № 481 (ред. от 19.12.2018) «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. — 02.06.2014. — № 22. — Ст. 2887.

9. Приказ Минпросвещения России от 10.01.2019 № 4 (ред. 07.04.2019) «О реализации отдельных вопросов осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» (зарегистрировано в Минюсте России 26 марта 2019 г. № 54170). — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903270001?index=0&rangeSize=1>.

10. Борисова И.А., Богдановская В.И. Об управлении развитием системы социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в образовательных организациях // Аллея науки. — 2019. — Т. 2. — № 6(33). — С. 75–80.

11. Дусенко М.Е., Харина Л.В., Перепёлкина Н.А. Исторические особенности сиротства в России: сиротство как социальный феномен // Живая психология. — 2018. — Т. 5. — № 1. — С. 55–62.

12. Илюхина Л.В., Марченко Е.П. Социализация как основа социального механизма самоопределения личности // Научная мысль Кавказа. — 2008. — № 5(55). — С. 41–47.

13. Касаркина Е.Н., Абрашкина Н.А. Зависимость социализации детей в школе-интернате от учебной и воспитательной деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2017. — № 4. — С. 28–31.

14. Князев Е.А. Антон Семёнович Макаренко и развитие теории и практики воспитания // Гаудеамус. — 2018. — Т. 17. — № 1. — С. 76–81.

15. Мамедова Л.В., Курпетко О.В. Психолого-педагогическая деятельность по развитию социально-коммуникативной компетентности подростков // Новый взгляд. Международный научный вестник. — 2015. — № 9. — С. 115–123.

16. Моршина Н.С., Кудрова С.Н. Правовое регулирование содержания детей в детских учреждениях по законодательству Российской Федерации // E-Scio. — 2019. — № 6(33). — С. 464–475.

17. Предеина И.В. Правовые и теоретические основы развития ювенальной юстиции в России: дисс. ... кандидата юрид. наук. — Саратов, 2005. — 259 с.

18. Скудалова О.В. Решение проблемы социализации выпускников детских домов посредством создания социально ориентированных предприятий: российский опыт // Экономика. Управление. Инновации. — 2018. — № 1(3). — С. 109–111.

19. Халикова Д.А. Социализация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Этносоциум и межнациональная культура. — 2017. — № 5(107). — С. 89–97.

20. Явбатырова Б.Г., Асильдерова М.М. Проблемы социализации детей, лишенных родительской опеки, в условиях учреждений социального типа // Вестник науки и образования. — 2018. — Т. 1. — № 4 (40). — С. 79–82.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Человек.Общество.Инклюзия» является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин*. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Экспертиза рукописей осуществляется на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Все материалы проходят обязательную проверку степени оригинальности текста. Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей: 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Принимаются статьи объемом от 8 до 24 страниц А4; для публикаций в рубрику «Исследования молодых ученых» — до 12 страниц. Страницы должны быть пронумерованы.

Материалы представляются в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, кегль 14, полуторный межстрочный интервал, отступ первой строки абзаца — 1,25 см, верхнее поле — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки и схемы в случае, если они подготовлены не в программе Word, следует высылать в виде отдельных файлов. Весь иллюстративный материал, включая таблицы, должен быть пронумерован и озаглавлен.

Статья должна содержать обязательные элементы: 1) *название* на русском и английском языках; 2) *сведения* об авторе на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 3) *аннотацию* (не более 15 строк) и список ключевых слов (не более 7) на русском и английском языках; 4) *список литературы* (в алфавитном порядке, сначала работы на русском, после них — на иностранных языках, затем — интернет-источники).

Список литературы не должен содержать указаний на работы, которые не упоминаются в тексте.

Более подробно с требованиями к рукописи можно ознакомиться на странице журнала в Интернете: <http://vestnik.mggeu.ru>.

Ссылки на источники даются в тексте в квадратных скобках: указывается порядковый номер источника и страница [12, с. 75]. Автор несет ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправлений по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49, каб. 108а. или на электронную почту редакции: bobko@mggeu.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. Решение об отказе от публикации может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин. При положительном решении *автор берет обязательство* не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Человек. Общество. Инклюзия

1(41) 2020

Ответственный за выпуск:	С.А. Бобко
Технический редактор:	К.А. Антонов
Компьютерная верстка:	К.А. Антонов

Подписано в печать 03.08.2020. Формат 70×108 ¹/₁₆.
Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*.
Печ. лист 7. Тираж 500 экз. Заказ № 15\1.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.
Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии CtP.